

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Антиминсъ 1149 года.

Загѣтка Академика И. И. Срезневскаго.

Подлинный платъ антими́нса есть кусокъ полотна, довольно толстаго, въ родѣ того, какое теперь употребляется нашими селянами на бѣлье, впрочемъ вытканнаго хорошо изъ нитей совершенно одинаковой толщины.

Древность сохранившагося плата доказывается записью, занимающею края его. Вотъ эта запись:

† жьртѣнникъ стго мина георгия. сѣиѣ ѿ нифонта архиепископа новгородскаго. покланяемъ епископа ростовскаго нестерѣ. при бгоустьинѣмъ мнзи георгии своу мономахову. мѣѣ септавѣрѣ кѣ ѿ. кѣ лѣ. ѿ. х. () х инѣта к(х) к(и).

Какая именно буква стояла между $\bar{x}$ (= 6600) и $\bar{x}$ (= 7), не видно; но отгадать ее не трудно. Лица, упомянутыя въ этой записи, всѣ извѣстны. Юрій Владимировичъ Долгорукій, великій князь Суздальскій и потомъ Кіевскій, скончался въ 1157 году, 15 мая. Нифонтъ, владыка Новгородскій съ 1130 года, правилъ своею паствою до апрѣля 1156 года, когда скончался. Несторъ, владыка Ростовскій, жилъ въ это же время: въ 1156 году онъ былъ лишенъ паствы, впрочемъ, кажется, не на всегда. Основываясь на этихъ данныхъ, можно вѣрно опредѣлить время записи: «кѣ лѣ ѿ. х. х. инѣта к(х) к(и)». Изъ 6600-хъ годовъ 12-му ($\bar{x}$) индикту соответствуетъ только два года, которыхъ единичная цифра есть 7 ($\bar{x}$): 6657 и 6687: къ послѣднему изъ этихъ двухъ годовъ, т. е. къ 1179 г. по Р. Х., запись относиться не можетъ, потому что въ этомъ

году лица, упомянутыя въ записи, уже не были въ живыхъ. Очевидно, слѣдовательно, подъ 8·х·3 годомъ надобно разумѣть 8·х·и·3 = 6657 = 1149 по Р. Х.

И такъ Нифонтъ, владыка Новгородскій, освятилъ жертвенникъ св. Георгія, «повелѣніемъ» Ростовскаго владыки, Нестора, при Суздальскомъ князѣ, Юріи Владимировичѣ въ 1149 году, сентября 1-го.

Для какой же именно церкви? Для Новгородской, потому что иначе надобно бы допустить, что владыка Новгородскій освящалъ жертвенники въ Новгородѣ «повелѣніемъ» Ростовскаго владыки, слѣдовательно признавалъ свою зависимость отъ Ростовскаго владыки, чего однако не было.

Если же владыка Новгородскій не могъ быть обязанъ освящать жертвенниковъ въ Новгородѣ повелѣніемъ владыки Ростовскаго или другаго князя, то и этотъ жертвенникъ св. Георгія освященъ Нифонтомъ не въ Новгородѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, внѣ епархіи Новгородской, гдѣ онъ, хотя и оставаясь владыкою, не былъ владыкою самовластнымъ, гдѣ самовластнымъ владыкою былъ Несторъ. Такимъ былъ Несторъ въ епархіи Ростовской. Свидѣтельство лѣтописи подтверждаетъ это предположеніе. Нифонтъ дѣйствительно освящалъ церкви въ Суздаль, и именно въ то время, когда освященъ былъ жертвенникъ св. Георгія. Въ Новгородской лѣтописи означено: «Ходи Нифонтъ Свздаю. мира дѣля. къ Георгеви (къ Юрію Владимировичу)... и церковь святы св. Богородица великимъ священіемъ». Лѣтописецъ обозначилъ одно важное торжественное освященіе. Изъ его показанія можно заключать, что, кромѣ этого торжественнаго освященія, могли быть и другія, — что могло быть между прочимъ и освященіе церкви во имя св. Георгія, домовою ли княжескою или другой подобной.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Storia della letteratura Russa per S. Sceviref e G. Rubini. Firenze 1862 (12º: XI + 316).

Статья И. И. Срезневскаго. (См. выше, стр. 165).

Переживая въ первый разъ время изслѣдовательныхъ работъ, наша литература очень бѣдна историческими произведеніями, въ которыхъ бы изображены были ея судьбы. За исключеніемъ нѣсколькихъ учебниковъ для среднихъ училищъ, можемъ указать пока только на труды гг. Максимовича и Шевырева; но и изъ этихъ трудовъ. одинъ остановился на первомъ вступительномъ томѣ, а другой обнимаетъ только древнюю литературу до XVI вѣка. Есть еще замѣчательный трудъ г. Греча, выходящій изъ ряда учебниковъ своими примѣчаніями; но будучи изданъ за сорокъ лѣтъ онъ такъ отсталъ отъ нашего времени, что можетъ быть теперь пригоденъ почти только для однихъ біографическихъ справокъ. Припоминая трудъ г. Греча, невольно вспоминаются и труды митрополита Евгенія и архіепископа Филарета, безспорно важные, но не болѣе какъ справочныя книги. Бѣдность произведеній по исторіи русской литературы по неволѣ восполняется то произведеніями обще-историческими, каковы: *Исторія Государства Россійскаго* Карамзина, *Русская Исторія* г. Соловьева, *Исторія Русской церкви* преосв. Филарета и *Исторія Русской церкви* преосв. Макарія, то журнальными обзорѣніями. Къ этимъ обзорѣніямъ, какъ къ пособіямъ болѣе доступнымъ, болѣе всего обращаются читатели, желающіе познакомиться съ судьбами и дѣятелями русской литературы, и дорожатъ ими болѣе, чѣмъ всѣми другими. Очень естественно, что и на иностранныхъ языкахъ не могло быть доселѣ ни одного труда, который бы заключалъ въ себѣ хоть сколько нибудь удовлетворительное историческое обзорѣніе русской литературы. Трудъ гг. Шевырева и Рубини, нынѣ изданный на итальянскомъ языкѣ, послѣ попытокъ Кенига и Вольфсона, есть первое утѣшительное явленіе въ этомъ родѣ; это — книга, въ которой иностранецъ, читающій по итальянски, дѣйствительно можетъ познакомиться съ русской литературой, хотя не подробно и не полно, но во всякомъ случаѣ необманчиво. Этотъ обзоръ дѣятелей и произведеній русской литературы написанъ съ любовью и съ знаніемъ дѣла, обзоръ, какого, сколько по-

мнится, нѣтъ и на языкѣ русскомъ. Можно не согласиться съ мнѣніями сочинителей, можно пожелать видѣть въ книгѣ болѣе отчетливости въ сопоставленіи судебъ русской литературы съ судьбами русской образованности, болѣе вниманія къ разнымъ родамъ литературныхъ произведеній, и все-таки нельзя не видѣть въ книгѣ относительнаго достоинства, не пожелать, чтобы она, разумѣется въ передѣлкѣ, сообразно съ нуждами русскихъ читателей, явилась и на русскомъ языкѣ. Это желаніе тѣмъ болѣе позволительно, что главный, отвѣтственный авторъ этой книги, безъ сомнѣнія не Рубини, а Шевыревъ, писатель русскій, памятный замѣчательными заслугами, достаточно доказавшими его знаніе русской литературы.

Желаніе увидѣть книгу, явившуюся пока для знающихъ итальянскій языкъ, въ передѣлкѣ на языкѣ русскомъ, даетъ мнѣ поводъ высказать, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, свою мысль о томъ, чего бы должна была коснуться рука передѣлывателя.

Исторія русской литературы, по мнѣнію гг. Шевырева и Рубини раздѣляется на два главные періода: древній до Петра Великаго и новый отъ Петра. Древнему періоду посвящены главы I—V; впрочемъ такъ, что въ первой главѣ находимъ историческій обзоръ русскаго языка, а во второй—обзоръ всей церковной литературы отъ Константина Философа до Филарета и Иннокентія. Исключительно древняго періода касается III-я глава, обозначающая преимущественно древнія произведенія политическаго значенія. Главы четвертая и пятая представляютъ обзоръ памятниковъ народной поэзіи и древней и современной. Остальные семь главъ, занявшія болѣе $\frac{2}{3}$ всего объема книги, представляютъ обзоръ русской литературы новаго періода со времени Петра Великаго: главы VI и VII посвящены времени Петра и Екатерины II, глава VIII—времени Александра I, глава IX—времени Николая, глава X—времени новѣйшему. Въ этихъ главахъ, за немногими исключеніями, дѣло идетъ объ изящной словесности, преимущественно о поэзіи. Вотъ почему надобно было прибавить и еще одну главу, не только новаго ставляетъ обзоръ исторической литературы, и XI-ю: она предперіода, но отчасти и древняго.

И изъ этого краткаго перечня содержанія книги видно, что она, подъ общимъ названіемъ *Исторіи Русской Литературы*, заключаетъ въ себѣ собраніе историко-литературныхъ данныхъ преимущественно о русской поэзіи устной и письменной. Почему такъ вышло? Ужели русская литература исключительно богата поэтами и такъ бѣдна всѣмъ другимъ? Или ужъ, чѣмъ бы и какъ бы ни была

богата литература, поэзія все-таки займетъ въ ней до того много виднаго мѣста, что все другое должно остаться невиднымъ и незамѣчаемымъ? Что русская литература не-исключительно богата одними поэтами, это можно, кажется, оставить безъ доказательствъ, какъ положеніе, котораго справедливость не стануть опровергать и авторы разсма триваемой книги. И такъ требуетъ рѣшенія только второй вопросъ. И нѣтъ сомнѣнія, что возможна точка зрѣнія, съ которой въ каждой литературѣ преимущественно видною будетъ представляться литература поэтическая. Это — точка зрѣнія на литературу, какъ на искусство. Можетъ ли однако эта точка зрѣнія быть общею для всѣхъ, обще-предполагаемою? Кажется, что нѣтъ. Кажется, что исторія литературы должна быть изображеніемъ судьбы народной образованности — на сколько она выражается въ литературѣ и отъ нея зависитъ. Чѣмъ что въ болѣе-связи состоитъ въ литературѣ съ народной образованностью, чѣмъ что въ ней болѣе выражаетъ степень и характеръ образованности; тѣмъ то болѣе видное мѣсто должно занять въ исторіи литературы. — Какія знанія и идеи выражаются въ литературѣ и какъ? На сколько тѣ и другія достойны времени и доступны народу? Какъ велико и чѣмъ важно вліяніе ихъ на народъ вообще и на тѣ слои народа, которые по своему положенію должны или могутъ имѣть вліяніе на образованность цѣлаго народа? Какими орудіями пользуется литература для распространенія знаній и идей? Какими связями взаимно соединяются инстинктивныя литературныя требованія народа и сознательныя требованія людей, владѣющихъ наукой и мыслью? Вотъ вопросы, на которые должна, кажется, отвѣчать исторія литературы, раздѣляясь естественно на тѣ же періоды, которыми замѣтны и въ общей исторіи образованности народа. Поэтическая литература не можетъ быть затеряна въ отвѣтахъ на эти вопросы; но и не закроетъ собою другихъ отдѣловъ литературы, а напротивъ дастъ мѣсто, даже впереди себя тѣмъ, которые дадутъ жизнь поэзіи какъ искусству и какъ отраженію общественной и домашней жизни народа. При такомъ взглядѣ на исторію литературы не можетъ пройти неотмѣченнымъ, въ изображеніи судьбы литературы русской — ни то, что наука на Руси еще почти не жила самостоятельною жизнію, и слѣдовательно не могла прямо дѣйствовать на развитіе образованности въ народѣ, — ни то, что въ слѣдствіе несамостоятельности науки, тѣ идеи и знанія, которыми литература должна дѣйствовать на народъ, входили въ литературу нашу и заставлялись въ ней неподвижно, или смѣнялись одинъ другимъ,

то случайно, то часто въ такой формѣ, въ которой могли дѣйствовать на умъ и чувство развѣ только немногихъ, — ни то, что по этому вліяніе литературы на образованность народа и вліяніе образованности народной на литературу были или слабы или не желанно благотворны, — ни то, что изустная народная словесность, пока была полна жизни, жила почти совершенно отдѣльно отъ литературы. а съ того времени, какъ могла бы начать дѣйствовать на литературу, стала упадать и т. д. и т. д. Независимо отъ такихъ общихъ положеній въ исторіи русской литературы, нельзя, кажется, миновать вопросовъ о томъ: — какихъ именно родовъ произведенія были наиболѣе въ ходу для общаго чтенія и образованія, въ то или другое время? какъ долго одни и тѣ же писатели и произведенія продолжали пользоваться, не голословнымъ, а дѣйствительнымъ уваженіемъ?... Рѣшеніе этихъ вопросовъ, кажется, должно устранить возможность равнодушно глядѣть на произведенія содержанія нравственнаго и историческаго и содержанія энциклопедическаго, и опускать пзъ виду такіе роды произведеній, какъ записки путешественниковъ, юридическія и политическія записки, отреченныя книги, книги суевѣрій, раскольническія книги и т. д. Вообще, кажется, въ исторіи русской литературы не долженъ быть опущенъ ни одинъ разрядъ литературныхъ произведеній, какъ бы онъ ни былъ слабъ въ то или другое время; каждому должно быть дано свое мѣсто съ обозначеніемъ степени важности его развитія и его вліянія. — Кажется также, что и дѣленіе исторіи русской литературы на два періода, до-Петровскій и послѣ-Петровскій едва ли можетъ быть утверждено, какъ вполне достаточное. Даже уже глядя на литературу русскую со стороны языка надобно допустить другое дѣленіе. Періодъ до-Петровскій раздѣляется по крайней мѣрѣ на два, на тотъ древній періодъ, когда не видно еще отгѣнковъ нарѣчій, и другой позднѣйшій, представляющій раздѣленіе русскаго языка и литературы на нарѣчія. Въ періодъ послѣ-Петровскомъ видны въ этомъ отношеніи также два разныхъ періода: старыи, въ продолженіи котораго въ литературѣ господствуетъ еще почти независимо одинъ отъ другаго языкъ Славянскій и языкъ Русскій, и періодъ новыи, чисто Русскій, когда образуется литературный русскій языкъ подъ вліяніемъ языка церковно-славянскаго, мѣстныхъ народныхъ нарѣчій и литературы языковъ западной Европы. Это дѣленіе на четыре періода, по отношенію къ языку едва ли не совмѣщается съ другими требованіями, которыхъ исполненіе можетъ быть ожидаемо въ исторіи литературы. Такъ между

прочимъ въ періодѣ древнѣйшемъ въ нашей литературѣ преобладаетъ вліяніе византійское; въ слѣдующемъ за нимъ начинается вліяніе западное черезъ Поляковъ; въ періодѣ третьемъ оно утвердилось, получивши оттѣнокъ преимущественно нѣмецкій; въ послѣднемъ вліяніе западное стало сильнѣе, сопровождалось близкимъ знакомствомъ образованныхъ людей съ литературой французской, нѣмецкой, частію англійской и итальянской и распространеніемъ знаній этихъ языковъ.

Не знаю, до какой степени осуществимы высказанныя мнѣнія въ желаемой русской передѣлкѣ труда, написаннаго гг. Шевыревымъ и Рубини, въ какой степени достойны этого; но думаю все-таки, что трудъ этотъ будучи передѣланъ, дополненъ, можетъ быть полезнымъ явленіемъ въ русской литературѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

ВОСПОМИНАНИЕ О Я. ГРИММЪ.

И. СРЕЗНЕВСКАГО.

(см. выше, стр. 221).

Яковъ Гриммъ родился въ Ганау въ 1785 г. (4 янв.), умеръ въ 1863 (8 сент.) на 79 году отъ рожденія.

Обстоятельствъ, которыя дали его необыкновеннымъ дарованіямъ то направленіе, многостороннее и вмѣстѣ сосредоточенное, держась котораго онъ успѣлъ совершить переворотъ въ изученіи языка и древностей, надобно искать въ его юношеской жизни. Особенно важно было то, что онъ, запасшись классическимъ образованіемъ въ Кассельскомъ Лицеѣ, студентскіе годы (съ 1802 г.) провелъ въ занятіяхъ правовѣденіемъ подъ руководствомъ Савиньи, основателя исторической школы изученія права, тогда только-что выступившаго на кафедру, и что потомъ съ нимъ вмѣстѣ совершилъ поѣздку во Францію (въ 1805 г.), гдѣ занялся изученіемъ средне-вѣковыхъ древностей и литературы. Нельзя забыть, что эти годы были для Германіи временемъ началомъ тщательнаго, научнаго и литературнаго вниманія ко всему отечественному и соплеменному, ко всему средневѣковому, и вмѣстѣ временемъ перваго разширенія литературы и филологіи въ кругъ вопросовъ обще-сравнительныхъ: довольно вспомнить при этомъ Гёте, Гердера и братьевъ Шлегелей, чтобы представить себѣ направленіе, господствовавшее тогда въ кругѣ умовъ, сочувствовавшихъ движенію науки. Нельзя также забыть, что, оставаясь въ постоянно близкой дружбѣ съ братомъ своимъ, Вильгельмомъ, который былъ его моложе только однимъ годомъ, онъ столько же былъ имъ поддерживаемъ на пути, обоими ими избранномъ, сколько самъ его поддерживалъ.

При своей громадной памяти и сообразительности, Гриммъ, разъ попавши на дорогу изслѣдованія среднихъ вѣковъ, не могъ дать предпочтенія одному какому нибудь отдѣлу вопросовъ, къ нимъ

относящихся, а долженъ былъ, для удовлетворенія себя лично, обратить одинаковое вниманіе на всѣ; могъ сосредоточиться на изслѣдованіяхъ среднихъ вѣковъ своего отечества, Германіи, но не могъ ограничить себя въ этомъ границами Германіи въ тѣсномъ смыслѣ, не обнявъ умомъ своимъ всѣ соплеменные отрасли народовъ, а вмѣстѣ и другія сродныя племена, Романское, Кельтійское и Славянское.

При этомъ онъ созналъ, что всякое изученіе древностей безъ изученія языка будетъ всегда поверхностнымъ, и началъ свои научныя работы лингвистическими изслѣдованіями. Первымъ изъ большихъ его трудовъ былъ *Deutsche Grammatik* (1818—1837 гг. четыре тома). Изумителенъ этотъ трудъ по обширности, по внимательности, съ какою прочтены и почерпаны громады источниковъ, собственно нѣмецкихъ и соплеменныхъ, по строго выдержанному историческому характеру наблюденій и соображеній, по отчетливости постановки каждаго вывода; но все это только виѣшнія достоинства въ сравненіи съ тѣмъ, дѣйствительно внутреннимъ достоинствомъ книги этой, которое заключается въ общей важности выводовъ относительно характера и законовъ строя языка германскаго племени вообще и его различныхъ мѣстныхъ видоизмѣненій. Выводами этими Гриммъ сдѣлалъ переворотъ во взглядахъ на германскіе языки и на ихъ судьбы.

Постепенно томъ за томомъ выходили книги его грамматики, а между тѣмъ Гриммъ, съ 1836 года занявшій кафедру въ Геттингенскомъ университетѣ, работалъ по другимъ отраслямъ изученія средневѣковой древности, издавалъ и объяснялъ памятники, писалъ частныя изслѣдованія по литературѣ, праву, быту и т. п. Въ 1828 году издалъ онъ другой обширный трудъ, который также долженъ былъ произвести переворотъ въ понятіяхъ: это былъ *Deutsche Rechtsalterthümer*, древности германскаго права. Не филологъ не могъ бы написать этой книги, но за то и филологъ не могъ бы взяться за нее, если бы остановился на тѣхъ только требованіяхъ, какія были общи не только тогда, но и долго спустя, для филологовъ. Гриммъ ясно показалъ въ своемъ произведеніи, что для изслѣдователя древностей права важны почти одинаково, какъ всѣ памятники древности, потому что право, какъ условіе жизни народа общественной и частной, выражается всюду, гдѣ выражается жизнь народа, что самый кодексъ правъ понятенъ только тогда, когда онъ объясненъ другими памятниками, и что другіе памятники даютъ очень много такихъ данныхъ о ихъ юридическихъ поня-

тіяхъ, отношеніяхъ и обычаяхъ, какихъ напрасно искать въ кодексахъ; что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ соплеменные и вообще родственныя нарѣчія и языки объясняютъ другъ друга взаимно, такъ и въ отношеніи къ праву надобно искать объясненій всему темному путемъ сравненій. Нечего и говорить, что множество юридическихъ понятій среднихъ вѣковъ объяснено Гриммомъ посредствомъ простаго объясненія словъ, которыми онѣ выражались. Вся средневѣковая древность представилась въ этой книгѣ Гримма въ новомъ свѣтѣ.

Такого же направленія держался Гриммъ и въ своемъ третьемъ обширномъ трудѣ, въ *Deutsche Mythologie* (1835), еще болѣе разширивъ въ немъ свои сравнительныя изслѣдованія, и упрочивъ свой филологическій тактъ. Вѣрованія и обычаи древней Германіи явились въ этой книгѣ, какъ факты дѣйствительной жизни, безъ всякихъ прикрасъ фантазій, какъ факты жизни не только древней Германіи, но болѣе или менѣе, такъ или иначе всей сѣверной половины Европы, жизни не только прошедшей, но отчасти и настоящей. Продолженіемъ трудовъ Гримма по древностямъ права и миѳологии были его *Deutsche Weisthümer* и нѣсколько частныхъ изслѣдованій.

Переселясь въ Берлинъ (въ 1841 г.), какъ академикъ, Гриммъ долгое время ограничивался частными изслѣдованіями, которыя печаталъ то въ запискахъ Берлинской академіи, то въ повременныхъ изданіяхъ. Нельзя однако сказать, что онъ тратилъ на этихъ мелкихъ трудахъ свое значеніе: ни одна изъ его статей не пропадала даромъ для науки; каждая выставяла въ новомъ свѣтѣ ту или другую сторону понятій или быта среднихъ вѣковъ, каждая была изучаема и наводила на новыя мысли и труды. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ частныя изслѣдованія Я. Гримма будутъ изданы вмѣстѣ, и тогда выкажется, думаю, что Гриммъ, этими отрывочными трудами, содѣйствовалъ главной цѣли своей дѣятельности, разумѣнію своего народа въ его прошедшихъ судьбахъ, не менѣе какъ и большими сочиненіями, по крайней мѣрѣ не менѣе чѣмъ тѣмъ обширнымъ трудомъ его, который, подъ названіемъ *Geschichte der Deutschen Sprache* (1848), имѣлъ цѣлю объяснить не исторію нѣмецкаго языка въ полномъ смыслѣ этого слова, а древности языка. Это произведеніе, если и имѣло успѣхъ, то не столько между людьми науки, сколько въ кругу образованныхъ людей, любящихъ науку.

Съ 1854 года Я. Гриммъ началъ съ братомъ Вильгельмомъ

издавать Deutsches Wörterbuch, при помощи очень многихъ сотрудниковъ. Вышло три обширныхъ тома. Всего, судя по содержанію этихъ трехъ, должно быть до 12-ти томовъ. Три четверти труда надобно будетъ додѣлывать другимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ словарь додѣланъ будетъ; но какъ? Это еще вопросъ. Филологовъ въ Германіи много; есть не мало и послѣдователей Гримма; но все таки нѣтъ другаго Гримма. А этотъ словарь могъ выйдти такимъ, какъ вышелъ, только изъ-подъ руки Гримма, глубокаго знатока столько же языка, сколько и духа германскаго народа. Даже и относительно внѣшней его постановки нельзя не желать, чтобы этотъ памятникъ германской науки не утратилъ въ другихъ рукахъ своего цвѣта, своей научности, хоть и мало вяжущейся съ обыденными нуждами жизни и литературы, тѣмъ не менѣе важной, въ такой книгѣ, къ которой волей-неволей долженъ обращаться каждый образованный человѣкъ. Нельзя забывать, что въ такомъ видѣ, какъ онъ затѣянъ Гриммомъ, этотъ словарь важенъ не для однихъ нѣмцевъ, но для всѣхъ ихъ соплеменниковъ.

Говоря о послѣднемъ трудѣ братьевъ Гриммовъ, не можемъ забыть о трудѣ ихъ молодыхъ лѣтъ, объ ихъ Deutsche Kindermärchen, собранія нѣмецкихъ народныхъ сказокъ, пересказанныхъ вѣрно, просто, съ ученою отчетливостью, и вмѣстѣ съ такою увлекательностью, что съ перваго же изданія оно сдѣлалось въ Германіи книгою семейною. Громадный и вполне заслуженный успѣхъ этого собранія привлекъ многихъ на тоже поприще; но тутъ-то и выказались необыкновенныя силы ума и вкуса братьевъ Гриммовъ: никому не удалось, даже какъ подражателю, приблизиться къ тому искусству разсказа, высшая задача котораго состоитъ въ устраненіи отъ него всякой искусственности, всего придуманнаго. Теперь сказки братьевъ Гриммовъ сдѣлались достояніемъ цѣлой Европы.

Оставаясь постоянно вожатаемъ германской науки, Гриммъ оказалъ въ то же время важныя заслуги и внѣ Германіи — между прочимъ и у насъ. Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ пользовались Гриммомъ уже въ двадцатыхъ годахъ, между прочимъ П. И. Кеппенъ и А. Х. Востоковъ; позже въ 1835 году появился въ Сѣверномъ Архивѣ переводъ одной изъ статей Я. Гримма «о поэзіи въ правѣ». Едва ли впрочемъ, внѣ очень ограниченаго круга ученыхъ, не случайно узнавшихъ заслуги Гримма, извѣстно было хоть сколько нибудь имя его, не только его труды, ихъ направле-

ніе и важность. П. И. Прейсу первому, сколько знаю, принадлежитъ честь ознакомленія съ Гриммомъ слушателей С.-Петербургскаго университета: это относится къ 1842 году. Прейсъ изучалъ произведенія Гримма, его грамматику, его древности права и мифологію, его толкованія древне германскихъ памятниковъ — еще до путешествія за границу (1838 — 1842) съ усердіемъ и отчетливостью, постоянно обычными въ дѣятельности этого благороднаго труженика науки. Прилагая постоянно приемы и знанія Гримма къ своимъ разысканіямъ, онъ сталъ передавать съ кафедръ свои убѣжденія о необходимости приложенія ихъ къ славянской наукѣ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Въ какой степени въ это же время изучаема была грамматика Гримма въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ 2-я часть важнаго сочиненія Ѳ. И. Буслаева «О преподаваніи отечественнаго языка», представившая первую попытку историческаго разсмотрѣнія многихъ важныхъ вопросовъ русской грамматики. Съ тѣхъ поръ имя Гримма стало у насъ все чаще повторяться и съ кафедръ, и въ печати. Стали все чаще прибѣгать къ Гримму, какъ къ руководителю и истолкователю не только въ вопросахъ о языкѣ, но и въ вопросахъ о древностяхъ религіи, права, и обычаяхъ народныхъ. Съ особеннымъ уваженіемъ и чаще другихъ перечитываемы и изучаемы были у насъ его мифологія, его исторія нѣмецкаго языка, его сказки. Есть хоть и очень немногіе такіе почитатели Гримма, которые дорожатъ каждой его статью. Второе Отдѣленіе Академіи со своей стороны не разъ имѣло случай высказать, какъ оно дорожитъ мыслями этого великаго германскаго филолога, филолога въ подлинномъ значеніи этого слова. Оно не разъ обращало на нихъ вниманіе и пользовалось ими. Все это ручается, что дѣятельность Гримма принесла у насъ пользу въ дѣлѣ успѣха русской науки и еще болѣе принесетъ въ будущемъ. Желательно только, чтобы произведенія Гримма читаемы были совѣстливо, хоть по частямъ, но съ полной внимательностью ко всѣмъ подробностямъ изложенія. Очень важны для насъ и выводы Гримма, но еще важнѣе его ученая требовательность и его приемы работы; въ этомъ онъ останется безукоризненнымъ вожатаемъ на долгое время.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ И. П. САХАРОВѢ.

И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Вотъ уже болѣе пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ слухи о тяжелой болѣзни И. П. Сахарова, все болѣе утверждаясь, стали лишать насъ надежды на возобновленіе прежней его дѣятельности; тѣмъ не менѣе нельзя безъ сожалѣнія вспомнить о смерти этого трудолюбиваго дѣлателя, какъ объ утратѣ очень значительной. Какъ сынъ одного изъ Тульскихъ священниковъ, окончивъ воспитаніе въ Тульской семинаріи, Сахаровъ двадцатилѣтнимъ юношею вступилъ въ Московскій университетъ по медицинскому факультету (въ 1830), и, судя по тому что чрезъ пять лѣтъ окончилъ курсъ лекаремъ перваго отдѣленія (1835), занимался своимъ дѣломъ прилежно. Медицинскія занятія не увлекли его однако исключительно. Уже въ 1831 году онъ издалъ любопытную книжку о Веневѣ монастырѣ, а въ слѣдующемъ 1832 году довольно значительное, и по величинѣ и по новымъ матеріаламъ, сочиненіе подъ названіемъ «Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи». Кто зналъ автора лично, тотъ не могъ не подивиться этимъ произведеніямъ досуговъ юноши, главными своими занятіями отвлеченнаго отъ основательнаго приготовленія къ такимъ трудамъ.

Такихъ людей, лично знавшихъ молодаго автора, было очень немного; впрочемъ и изъ нихъ нашлись люди, поддержавшіе Сахарова на тяжеломъ пути русской науки, имъ избранномъ, и поддержавшіе не напрасно. Съ небольшимъ черезъ годъ у Сахарова было готово пять большихъ рукописей, которыхъ появленіе въ печати должно было въ образованномъ кругу русскомъ утвердить уваженіе къ нему, какъ къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣлателей по разработкѣ русской старины и народности: то были двѣ части «Путешествій русскихъ людей въ чужія земли» и три части «Сказаній русскаго народа». Все это вышло въ свѣтъ въ 1837 году. Кто жилъ въ то время не чуждаясь литературы, тотъ знаетъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное этими книгами, особенно книгами Сказаній русскаго народа — не только между любителями старины и народности, но и вообще въ образованномъ кру-

гу. Никто до тѣхъ поръ не могъ произвести на русское читающее общество такого вліянія въ пользу уваженія къ русской народности, какъ этотъ молодой любитель. Не поразилъ онъ основательно ученостію, не поразилъ онъ и многообразіемъ соображеній; но множество собранныхъ имъ данныхъ было такъ неожиданно велико, и по большей части, для многихъ, такъ ново, такъ къ-статіи въ то время, когда въ русской литературѣ въ-первые заговорили о народности, и притомъ же увлеченіе ихъ собирателя, высказавшееся во вводныхъ статьяхъ, было такъ искренно и рѣшительно, что остаться въ числѣ равнодушныхъ было трудно. Даже въ юношескихъ кругахъ студентскихъ явилось не мало охотниковъ не только прочесть, но и приобрести книги Сахарова; а между тѣмъ студентовъ, умѣвшихъ отдѣлять деньги на покупку книгъ, было тогда очень очень мало. Замѣчательно, что и многоначитанный и трудолюбивый И. М. Снегиревъ, издавшій въ это же время лучшие свои труды («Русскіе въ своихъ пословицахъ» 1831—1834, и «Русскіе проетонародные праздники и обряды» 1837—1839 гг.), уже прежде приобрѣтшій себѣ извѣстность разными статьями въ лучшихъ современныхъ изданіяхъ, большинствомъ читателей былъ ставимъ не такъ высоко, какъ Сахаровъ, не печатавшій въ журналахъ ничего, кромѣ мелкихъ замѣтокъ и то не многихъ. «Путешествія русскихъ людей» повторились скоро вторымъ изданіемъ; вторымъ же умноженнымъ изданіемъ еще скорѣе того вышли «Пѣсни русскаго народа» помѣщенные во 2-й части Сказаній русскаго народа (5 книгъ въ 16 д. лис. 1838—1839). Не много позже вышли 1-я книга «Русскихъ народныхъ сказокъ», книга «Записокъ русскихъ людей» (обѣ въ 1841 г.) и первый томъ новаго, компактнаго изданія «Сказаній русскаго народа». Все это принято было съ полнымъ сочувствіемъ. Второе изданіе «Сказаній» было необходимо, потому что продажные экземпляры перваго стали рѣдкостью. Первый томъ новаго изданія представилъ мало новаго сравнительно съ тѣмъ, что было издано Сахаровымъ прежде; но и онъ поразилъ внимательныхъ читателей, а такихъ въ отношеніи къ Сахарову было не мало. Поразили ихъ тѣ страницы предисловія, на которыхъ высчитано все, что должно было войти въ составъ полнаго изданія Сказаній русскаго народа. Всего по желанію собирателя должно было быть тридцать книгъ въ семи томахъ. Въ нихъ должно было быть помѣщено:

I. Русская народная литература. II. Очерки семейной русской жизни (чернокижскіе, игры, загадки и притчи, присловья.) III. Рус-

скія народныя пѣсни. IV. Памятники древней русской литературы (Былины, Слово о полку Игоревѣ, Слово Данила Заточника, Сказаніе о нашествіи Батыя, Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ). V. Старые словари русскаго языка (Зизанія, Берынды, Азбуковникъ), VI. Русскія народныя сватьбы, VII. Русская народная годовщина, VIII. Путешествія русскихъ людей, IX. Русская народная демонологія, X. Словари русскихъ народныхъ нарѣчій, XI. Русскія народныя охоты, XII. Сказаніе о русскомъ народномъ врачеваніи, XIII. Русская народная символика, XIV. Лѣтопись русской библиографіи, XV. Русскія народныя повѣрья и примѣты, XVI. Русскія народныя пословицы, XVII. Лѣтопись древнихъ искусствъ и художествъ, XVIII. Лѣтопись славяно-русскихъ типографій, XIX. Лѣтопись русской литературы, XX. Русскія народныя сказки, XXI. Записки русскихъ людей, XXII. Обзорѣніе древняго русскаго права, XXIII. Обзорѣніе русскихъ гербовъ и печатей, XXIV. Русскія народныя одежды, XXV. Родословная книга русскихъ дворянскихъ родовъ. XXVI. Лѣтопись русской нумизматики, XXVII. Образцы великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ нарѣчій. XXVIII. Славяно-русская міеологія, XXIX. Русскіе разрядные списки, XXX. Приложенія и указатели». Мало кого смутилъ безпорядокъ расположенія и то, что многія изъ книгъ «Сказаній народа» ни въ какомъ смыслѣ не подходятъ своимъ содержаніемъ подъ понятіе о сказаніяхъ народа; а масса обѣщаннаго, важнаго, нужнаго, новаго, желаннаго и неожиданнаго не могла не поразить. Явились, конечно, и такіе читатели, которые не повѣрили, чтобы Сахаровъ дѣйствительно занимался всѣмъ тѣмъ, чему хотѣлъ дать мѣсто въ своемъ сборникѣ; но сравнительно ихъ было очень мало. Большинство Сахарову довѣряло, — и не напрасно: прежнія изданія, выходившія одно въ слѣдъ за другимъ чуть не непрерывно, были такъ разнообразны, что увеличеніе разнообразія содержанія новаго неизданнаго въ двое, въ трое не казалось для Сахарова не возможнымъ, а только радовало и располагало къ нему. Въ это время общей довѣренности къ Сахарову министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ почтилъ его представленіемъ его Сказаній Государю Императору, и Сахаровъ «за свои полезныя, ученые историческіе труды» былъ награжденъ не только брилліантовымъ перстнемъ, но и пенсією по 1000 руб. ас. въ годъ. Не напрасны были ожиданія почитателей Сахарова и со стороны его дѣйствительной дѣятельности: то, что изъ заявленнаго содержанія Сказаній не было дѣломъ простой перепечатки, что требовало пред-

варительнаго труда, тѣмъ Сахаровъ дѣйствительно занимался, и даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ было имъ заявлено. И до изданія 2-го тома Сказаній (1849 г.), и послѣ онъ занимался древними и старинными рукописями, изучалъ ихъ — не безъ разбора, а съ умѣньемъ знатока, и вчитывался въ нихъ со вниманіемъ изслѣдователя, какъ видно по замѣткамъ на нихъ. Дорожа рукописями по ихъ содержанію, онъ не упускалъ изъ виду и ихъ внѣшности, особенностей написанія и украшеній, и собиралъ палеографическія замѣтки и снимки. Часть собранныхъ имъ снимковъ была налитографирована, но къ сожалѣнію осталась неизданною; кромѣ уже изданнаго прежде, здѣсь есть и нѣсколько листовъ изъ новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ памятниковъ. Съ такимъ же вниманіемъ онъ изучалъ рѣдкости старопечатной литературы, и подготавливая матеріалы для обширнаго библиографическаго труда, постепенно ихъ печаталъ листами: и эти листы, всего 30 въ 4-ю долю, не всѣ изданы. Въ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ Сахаровъ слѣдилъ за данными, объясняющими древнее и старинное церковное пѣніе и собиралъ ихъ тщательно — на сколько могъ, безъ знанія музыки (его изслѣдованія объ этомъ вышли въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія LX. I. II. 147, 213. LXIII. II. 1, 89, и отдѣльными оттисками.) Средства не позволяли Сахарову собирать для себя ни монетъ и печатей, ни иконъ, крестовъ и другихъ подобныхъ произведеній древняго и стариннаго духовенства; за то онъ умѣлъ находить богатыхъ людей, способныхъ увлечься любовью къ собиранію древностей, умѣлъ отыскивать для нихъ древности и пользовался ихъ собраніями въ дополненіе къ тому, что было въ Музеяхъ Румянцовскомъ, Эрмитажномъ и другихъ. По нумизматикѣ онъ приготовилъ замѣчательную книгу, изданную два раза подъ названіемъ «Лѣтописи русской нумизматики» (1842 и 1844) съ богатымъ сборникомъ рисунковъ монетъ, расположенныхъ систематически. По иконописанію издано имъ также особое изслѣдованіе. Входя въ сношенія съ разными, болѣе образованными людьми изъ простаго народа, по поводу собиранія памятниковъ и свѣдѣній, ихъ касающихся, Сахаровъ пользовался ими и какъ знатоками народныхъ обычаевъ, повѣрій и т. п. Не рѣдко можно было заставить его, особенно по вечерамъ, въ бесѣдѣ съ такими людьми, и они тѣмъ легче поддавались его пытливости, что онъ обходился съ ними дружелюбно и просто. При неутонимой дѣятельности своей Сахаровъ успѣвалъ собирать громады матеріаловъ всякаго рода, и увлекался этимъ все болѣе до такой сте-

пени, что наконецъ не доставало ему времени на ихъ обработку. Отъ этого, кажется, и произошло то, что печатаніе новаго изданія Сказаній остановилось на 3-мъ томѣ, только-что начатомъ. Сахаровъ сдѣлался членомъ Географическаго общества (1847 г.) и общества Археологическаго (1848 г.) и принялъ участіе въ ихъ трудахъ съ тою же цѣлю собиранія матеріаловъ, выбора изъ того, что скопилось въ архивахъ обоихъ обществъ всего, что могло имѣть значеніе для изученія русской старины и народности, и содѣйствія къ увеличенію ихъ запасовъ дѣльными вещами. Особенно дѣятельно и плодотворно было его участіе въ Археологическомъ обществѣ: оно обозначилось тутъ 1) приглашеніемъ лицъ, могшихъ взяться за описанія памятниковъ, сообщать свѣденія о нихъ въ общество; 2) представленіемъ задачъ для премій и отысканіемъ лицъ, готовыхъ жертвовать деньги на эти преміи и 3) наконецъ печатаніемъ собранныхъ матеріаловъ. Кромѣ отдѣльныхъ приглашеній разныхъ лицъ къ участію въ собираніи памятниковъ, и къ ихъ описанію, для Общества, Сахаровъ составилъ «Записку для обозрѣнія русскихъ древностей», чрезвычайно поучительную по замѣчаніямъ, въ нее вошедшимъ, даже и для тѣхъ, которые могутъ считать себя въ числѣ знатоковъ отечественной старины: эта записка издана Обществомъ (1851 г.), всюду разослана во множествѣ экземпляровъ и дѣйствительно была полезна въ отношеніи къ уясненію понятій объ археологическихъ работахъ, въ такихъ кругахъ русскаго общества, гдѣ прежде господствовало полное незнаніе ихъ возможности, не только важности. Въ отношеніи къ задаванію задачъ на преміи Сахаровъ былъ не менѣе счастливъ: онъ умѣлъ выбирать задачи, которыхъ рѣшеніе дѣйствительно было нужно и выборъ его былъ такъ счастливъ, что большею частью онѣ были дѣйствительно рѣшаемы, и рѣшенія награждаемы преміями. Въ отношеніи къ изданію матеріаловъ отъ имени Общества особенно памятно сдѣланное имъ начало «Записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества», огромный томъ, богатый статьями разнаго рода, изъ которыхъ многія составлены или по крайней мѣрѣ обогащены примѣчаніями самимъ Сахаровымъ (1851). Не менѣе дѣятельное участіе принялъ Сахаровъ и въ возобновленіи дѣятельности Императорской Публичной Библіотеки, доставленіемъ свѣденій о рукописяхъ и рѣдкихъ книгахъ, которыя слѣдовало приобрѣсти въ Библіотеку, и доставленіемъ самыхъ рукописей и книгъ: это участіе Сахарова

было въ такой степени дѣятельно, что онъ одинъ изъ первыхъ былъ удостоенъ званія почетнаго члена Библіотеки (1850).

Обозрѣвая дѣятельность Сахарова, нельзя обойти и его чтеній о палеографіи въ Училище Правовѣдѣнія и Александровскомъ Лицеѣ: въ 1851 г. взялся онъ за эти чтенія для воспитанниковъ этихъ заведеній съ мыслию и въ ихъ кругу распространить археологическія стремленія, и литографировалъ свои записки. Не удовлетворяютъ они ученаго; но и ученый долженъ признать за ними доброе стремленіе и достоинство новизны и небѣднаго подбора фактовъ. Палеографія въ то время, занимая очень немногихъ изъ археологовъ, была излагаема въ учебномъ видѣ только въ одномъ заведеніи — въ Московскомъ Межевомъ Училищѣ.

Все расширяя кругъ своихъ работъ, Сахаровъ не успѣлъ довершить задуманнаго. Съ 1853 г. дѣятельность его примѣрно ослабѣла; этому причиною были частію семейныя обстоятельства, частію отношенія къ нѣкоторымъ изъ людей, въ кругу которыхъ онъ работалъ. Одно изъ послѣднихъ его литературныхъ произведеній было слѣдствіемъ споровъ, возбужденныхъ перемѣною русскаго герба, именно Московскаго всадника. Онъ началъ изданіе «Записокъ о русскихъ гербахъ» запискою о Московскомъ гербѣ (1856). Дѣло остановилось на началѣ.

Съ тѣхъ поръ все рѣже и рѣже стали появляться его заявленія и самъ онъ въ засѣданіяхъ Обществъ Географическаго и Археологическаго, и подъ конецъ совсѣмъ прекратились. Сахаровъ удалился въ свое маленькое именье, купленное имъ почти въ долгъ, сталъ постоянно болѣть, и умеръ 24 августа сего года, вслѣдствіе разжиженія мозга.

Бумаги его еще не разобраны; но, сколько можно судить послѣ поверхностнаго ихъ обозрѣнія, нѣтъ въ нихъ ничего оконченнаго: есть только выписки, отрывочныя замѣтки и кое-какія начала.

О МАЛУШѢ,
МИЛОСТНИЦѢ В. К. ОЛЬГИ, МАТЕРИ В. К. ВЛАДИМИРА.
И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности въ мартѣ.)

Читая статью г. Прозоровскаго о родствѣ св. Владиміра, я остановился на объясненіи, которое въ ней дано слову *милостница*.

Слово это, сколько мнѣ извѣстно, употреблено въ нашихъ древнихъ памятникахъ только одинъ разъ — именно въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 6478 годомъ.

Въ Лаврентьевскомъ спискѣ этой лѣтописи читаемъ: «Володимѣрь бѣ отъ Малѹши, ключницы Ользины, отецъ же бѣ има Малкъ (=Малко) Любечанинъ, бѣ Добрыня ѡи Володимѣрь.» Такъ читается это мѣсто и во всѣхъ другихъ спискахъ той же лѣтописи, кромѣ Ипатьевскаго, гдѣ вмѣсто «Малѹши ключницѣ Ользины» написано: «Малѹши *милостница* Ользины.

Имѣя въ виду только это мѣсто, можно сдѣлать заключеніе, что *милостница* тоже, что *ключница*, что эти слова суть два названія одной и той же придворной женской должности, или же что одно изъ нихъ есть главное названіе должности, а другое — названіе случайное, придаваемое по особеннымъ обязанностямъ, соединеннымъ съ должностью, или по особеннымъ преимуществамъ. Ключница могла быть милостницею по тому, что изъ подъ ея рукъ выходили милости княгини, или потому что сама пользовалась милостью своей госпожи.

Чтобы опредѣлить положительно, чѣмъ именно была у Ольги Малуша, какъ милостница, необходимо вникнуть въ древнее значеніе словъ ближайше сродныхъ со словомъ милостница.

Слово милостница есть производное отъ прилаг. *милостнѣ*, а это — производное отъ сущ. *милость*. Слово *милость* произведено отъ *милѣ* такъ же, какъ *благодѣ*, *кроткѣ*, *радѣ*, *тѣжкѣ* — отъ *благѣ*, *кроткѣ*, *радѣ*, *тѣжкѣ*. Оно употребляется, правда, очень часто въ особенномъ христіанскомъ смыслѣ, для выраженія греческаго *ἔλεος* (состраданіе); но народное его значеніе, не утраченное вполне и доселѣ, какъ видно изъ выраженій *быть въ милости*, *пользоваться милостью*, не могло не быть живо чувствуемо въ древности, какъ на пр. въ выраженіи *дѣржати въ милости* (см. въ Новг. лѣт.: Янка и Прокопія Новгородцевъ приведе къ собѣ Гюрги и жены ею изъ Новагорода и ѿ себѣ я дѣржаше въ милости. Новг. 1 лѣт. стр. 9.) Отъ слова *милость* произошло слово *милостнѣ*, какъ *жалостнѣ*, *радѣстнѣ*, *тѣжостнѣ*, отъ *жалость*, *радѣсть*, *тѣжѣсть*. Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ древности имени не рѣдко придавалось окончаніе *нѣ* вмѣсто того, чтобы употребить его въ родит. падежѣ: *умнѣ* значило не сильный *умѣ*, а только *отъ ума*. Это отчасти можно чувствовать по словамъ *земной*, *ночной* и т. п. Слово *милостнѣ* могло по этому означать не только то, что выражало и слово *милостивѣ*, но и безкачественно то, что было достойно чьей милости: такъ и въ словѣ *жалостнѣ* мы понимаемъ не столько челоуѣка, въ которомъ возбуждена жалость, сколько предметъ, возбуждающій жалость. Такъ въ Кіевской лѣтописи читаемъ объ убійцахъ князя Андрея: «Възимаша золото и каменѣ дорогѣ, и жемчугѣ и всяко ѳзорочѣ, и до всего любимаго имѣннѣ, и въскладѣше на *милостнѣ* конѣ послаша до свѣта прочѣ, а сами въземѣше на ся оружіе княже *милостнѣ* почаша съвѣкѣпити дрѣжинѣ къ себѣ (Ипат. 114). Неоспоримо, кажется, что *милостнѣ* значить здѣсь тоже, что любимый.

Отъ слова *милостнѣ* произведено слово *милостнѣнѣ*. Оно употреблено въ древнихъ памятникахъ нѣсколько разѣ. Два раза читаемъ это слово въ Новгородской лѣтописи, называемой первою. Разѣ, подъ 6644, рассказавъ объ обстоятельствахъ

изгнанія изъ Новгорода князя Всеволода и о принятіи княземъ Святослава Ольговича изъ Чернигова, лѣтописецъ отиѣтилъ, что милостъники Всеволодовы, хотѣли было убить Святослава, но что это имъ не удалось: «Стрѣлиша князя *милостъници* Всеволожи, но живѣ бысть». Кто это были милостники изгнаннаго князя, враги новаго? Могли они, конечно, быть и придворные, даже ключники, если только у Всеволода было много ключниковъ; но по одному этому мѣсту нельзя еще стоять за такое значеніе милостниковъ. Лѣтописецъ могъ назвать милостниками Всеволода вообще людей къ нему приверженныхъ, его пріятелей, какъ и понялъ Карамзинъ (II: пр. 265). Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи, подъ 6682 годомъ, употреблено это слово въ упоминаніи объ убіеніи князя Андрея Боголюбскаго: «Убиша Володимери князя Андрея свои *милостъници*». Это мѣсто можетъ быть понято яснѣе изъ подробнаго разсказа, находящагося въ другихъ лѣтописяхъ, въ Ипатьевской, въ Лаврентьевской, въ Софійскихъ и др.

Андрей Боголюбскій убитъ въ Боголюбовѣ вслѣдствіе заговора, въ которомъ, кромѣ другихъ, ближайшее участіе приняли: Якимъ Кучковичъ, Петръ, его деверь, ключникъ Аньбагъ, родомъ Ясинъ, и Ефремъ Моизичъ. Вотъ кто были *милостъници*, убившіе князя Андрея: «свои *милостъници* были, а вынѣча окаяннии убици Кучковичи» замѣчено въ Софійскомъ временникѣ. Изъ этихъ милостниковъ ключникомъ названъ только одинъ; слѣдовательно другіе были не ключники. Можно думать, что милостниками тутъ названы люди приверженные, преданные князю, или же любимцы его, взысканные его милостью.

Тотъ же Софійскій временникъ и лѣтопись Кіевская (Ипатьевская), сообщающія болѣе подробностей изъ разсказа объ убіеніи Андрея, чѣмъ другія лѣтописи, выводятъ еще одно лице, приближенное къ Андрею: это — Прокопій. «Князю спящъ и бяхе съ нимъ кощѣи ѣдинъ малъ (Соф. 61). Пришедшимъ же убицямъ къ ложници, идѣже блаженный князь лежитъ, и рече одинъ стоя у двери: Господине, господине. И князь рече: Кто есть. И онъ же рече: Прокопъ. И рече князь: О паробче, не Прокопъ. Они же прискочивше къ дверемъ, слышавъше слово княже и почаша бити въ двери и силою выломиша» (Кіев. лѣт.

Соф. вр.). По убіеніи князя, «оканьнии отъ тѣда шедъше Ѹбиша Прокопы *милостыника* нго» (Ипат.) Вотъ еще одинъ милостыникъ, паробокъ, кощей, не ключникъ, а приверженецъ князя, или же его любимецъ.

Еще разъ употреблено слово милостыникъ въ Кіевской (Ипатьевск.) лѣтописи подъ 6688 годомъ въ разсказѣ о предпріятіяхъ Святослава Всеволодовича. Оскорбленный тѣмъ, что в. к. Всеволодъ захватилъ и оковалъ его сына Игоря, и желая не только мстить за это, но и захватить власть въ свои руки, Святославъ «сдѣлавъ съ княгинею своєю и съ Кочкаремъ *милостыникомъ* своимъ, и не повѣдѣ сего мѣжемъ своимъ лѣпшимъ дѣмы своимъ, и абьк, Ѹстремивъ на рать про Глѣба, переѣха черезъ Днѣпръ противъ Давида Ростиславича», бывшаго на охотѣ въ тѣхъ же мѣстахъ. Кочкаръ извѣстенъ только изъ этого упоминанія, и потому нельзя сказать ничего опредѣленнаго о томъ, чѣмъ именно былъ онъ у Святослава; видно только, что онъ былъ не изъ числа важныхъ бояръ, не изъ числа княжеской думы, и что былъ избраннымъ любимцемъ князя, пользовавшимся его особенною милостью, особеннымъ довѣріемъ.

Слово милостыникъ извѣстно и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Въ Польскомъ *miłośnik* иногда тоже что *miłownik*, *der Liebhaber von etwas*, любитель, напр. *miłośnik starożytnosci*; а иногда тоже что *faworyt*, *Liebling*, любимецъ, какъ напр. въ выраженіи Гурницкаго: «*przy łasce panów sława miłośników goście* (Линде).

Въ Чешскомъ *milostník* тоже, что *miláček*, *milénec*, *milý*, *Liebling*, *Günstling*, *dilectus*, *amor*, любимецъ. Такъ въ романѣ XIV вѣка о Тристрамѣ королева говоритъ королю: *Snad opět tvoji milostníci mé cti budú proradníci*. У Жаланскаго Іоаннъ Богословъ названъ *milostník Kristůw* (Юнгманъ).

Въ Сербскомъ, у писателей Далматинскихъ, милостыникъ — *favorito*, *grazioso*, *qui apud aliquem in magna est gratia*, любимецъ (Стулли); въ Сербскомъ народномъ *милосникъ* тоже что любовникъ, *der Liebhaber*, *amasius* (Караджичъ).

При словѣ *милостыникъ* можно предполагать слово *милостьница*, такъ же какъ при *грѣшникъ*, *заступникъ*, *крѣпостникъ*,

плыныицъ, посадыицъ, словагъ, тишиица, заступыица, крѣчьмыица, плыныица, посадыица, и слѣдовательно придавать ему тоже значеніе только въ женскомъ родѣ. Если *милостыицъ* значило любимецъ, то *милостыица* значило любимицу. Такъ *милостыица* и употребляется въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Въ Польскомъ *miłośnica* значитъ тоже что *kochanka, die Geliebte*, любимица (Линде).

Въ Чешскомъ *milostnice* почти тоже, болѣе любимица, чѣмъ любовница, *dilecta* (Юнгманъ).

Въ Сербскомъ у Далматинскихъ писателей милостница — *favorita, graziosa, dilecta, quae apud aliquem in magna est gratia*, любимица (Стулли); а въ народномъ — *die Geliebte, amasia*, любовница.

Такъ и ключница княгини Ольги Малуша, названа ея милостыницею только потому, что была у нея въ милости, была ея любимицей.

Въ словахъ *милостыицъ* и *милостыица* искать другаго, особеннаго значенія нѣтъ никакого повода — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не окажутся случаи ихъ употребленія въ такомъ особенномъ смыслѣ. Между прочимъ нельзя, безъ особенныхъ, положительныхъ доказательствъ, полагать, что тѣ, которые назывались милостыицами и милостыицами имѣли должность раздавать милостыни.

Соотносить эти слова со словомъ *милостыня* = *милостыни* и потому уже нельзя, что слово милостыня есть чисто переведенное съ Греческаго для выраженія слова *ἐλεημοσύνη*, и образованное изъ слова *милость*, взятаго въ христіанскомъ его смыслѣ (= *ἔλεος*), такъ же какъ *благодѣтельница* = *благодѣтелини*, образовано изъ *благодѣть* для передачи Греческаго *ἀγαθοσύνη* — не по духу Славянскаго языка: слова на *ыни*, кромѣ названій званія, происхожденія и т. п. (княгыни, рабыни, грѣхыни и пр.) образуются не отъ существительныхъ, а отъ прилагательныхъ (благыни отъ *благъ*, грѣдыни отъ *грьдѣ*, сватыни отъ *свать*, тврьдыни отъ *тврьдѣ*, и т. д.)

Позволяю себѣ заключить, что Малуша была милостыницею Ольги не потому, что была именно ключница: она могла быть

и просто служанкой и все-таки быть милостынницей, любимой слугою.

Выводить изъ названія милостынница, что Малуша была христіанка, что вмѣстѣ съ Ольгою крестилась въ Царьградѣ, что была не простаго рода, нѣтъ никакой возможности.

По преданію, занесенному въ Повѣсть Врем. лѣтъ, Малуша была простаго рода, дочь Любечанина Малка, и потому Владимірѣ, ея сынѣ отъ Святослава, былъ названъ Рогнѣдою, дочерью Рогволода Полотскаго, «робичичемъ» сыномъ рабы. Отвергать это показаніе такъ же нельзя, какъ нельзя отвергать и показаній объ отношеніи родства Владиміра съ Добрынею и т. п. Но тутъ выдвигается вопросъ: какъ могъ Добрыня, родной братъ Малуши, достигнуть при Владимірѣ такого значенія, какого достигъ, быть мужемъ, воеводою, посадникомъ? Какъ легко можно было достигать высокаго значенія въ то время людямъ простымъ; свидѣлствуетъ преданіе, занесенное въ ту же Повѣсть врем. лѣтъ о томъ Русинѣ, который побѣдилъ на поединкѣ силача Печенѣжина (см. подъ 6500 г.). За эту побѣду «Володимиръ великимъ мужемъ сѣтвори того и отца его.» Какъ же не сдѣлаться было такимъ же великимъ мужемъ и Добрыня, дядѣ Владиміра, бывшимъ при немъ съ дѣтства и пользовавшимся его довѣріемъ, если не болѣе. Если бы Добрыня и не былъ дядей Володиміра, а былъ бы только имъ любимъ и уважаемъ, то и тогда бы онъ могъ возвыситься, какъ возвышенъ былъ и позже княземъ Изяславомъ его конюхъ, убитый Дорогобудьцами: за убійство его назначена была вира въ 80 гривенъ, какъ за боярина (см. въ краткой Русской Правдѣ лѣтописи Новгородской).

Изъ словъ Рогнѣды о Владимірѣ «не хочу разѣти робичича» еще не слѣдуетъ впрочемъ заключать, что Малуша была въ полномъ смыслѣ раба, обельная холопка. Холопомъ могъ быть названъ и обельный холопъ, и слуга вообще, какъ это видно изъ статьи Русск. Правды: «А послушства на холопа не въскладають. Но оже не бѣдетъ свободнаго, то по нѣжи сложити на боярьскаго тиѣна (— на дворьскаго), а на инѣхъ не складывати, а въ малѣ тяжѣ по нѣжи сложити на закупъ». Закупъ былъ не холопъ, а только не свободный, потому что обязался за плату,

взятую впередъ, служить другому. Не непременно холопомъ былъ и тиунъ боярскій, если только не взялъ на себя эту должность безъ условій. Легко могло быть, что Рогнеда, занятая своимъ знатнымъ родомъ, глядѣла на всѣхъ людей незнатнаго рода какъ на рабовъ. Съ ея отвѣтомъ очень сходенъ отвѣтъ Черниговскаго князя Олега Святославича, который, на призывъ в. к. Святополка и Володимира Мономаха «порядъ положити о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужьями отецъ нашихъ и предъ людьми градъскими, рече сиче: Нѣсть мене судити епископу ли игуменомъ ли смердомъ». Для гордаго Олега смердами, чѣмъ то въ родѣ нашего нынѣшняго мужичья, были не только горожане, но и мужи княжеской дружины.

Простое происхожденіе Малуши не помѣшало однако ея сыну Владимиру быть законнымъ сыномъ Святослава. Что Владимиръ былъ дѣйствительно сыномъ законнымъ Кіевскаго князя, княземъ по рожденію, это доказываютъ и одинаковая заботливость о немъ и объ остальныхъ его братьяхъ по отцу Ярополкѣ и Олегѣ бабки его Ольги (см. Пов. врем. лѣтъ подъ 6476 г.), и принятіе его Новгородцами, и равенство правъ его съ правами братьевъ, выразившееся въ ихъ междоусобиѣ.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТРУДАХЪ В. М. УНДОЛЬСКАГО ¹⁾.

СТАТЬЯ АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Начало ученой дѣятельности В. М. Ундольскаго относится къ 1840 году, когда онъ, по окончаніи курса въ Московской Духовной Академіи, получилъ позволеніе заняться рукописями библіотеки Троицкой Лавры. Въ этой богатой библіотекѣ онъ приобрѣлъ первыя самостоятельныя свѣдѣнія о памятникахъ древней и старинной письменности Славянской и Русской, въ ней онъ сдѣлалъ и свои первыя открытія. Позже, переѣхавши въ Москву, онъ продолжалъ свои работы по рукописямъ Синодальной библіотеки, по нѣкоторымъ частнымъ собраніямъ — и тогда же началъ самъ собирать рукописи. Въ какой степени успѣшны были занятія Ундольскаго въ первые годы, можно судить изъ того, что къ концу 1845 года было уже у него готово нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ. Готовъ былъ сборникъ твореній св. Климента епископа Словенскаго: въ декабрьскомъ засѣданіи Общества исторіи и древностей, когда онъ избранъ былъ членомъ общества, представилъ онъ планъ изданія этого сборника. Готово было Оглавленіе книгъ Сильвестра Медвѣдева съ изслѣдованіемъ о жизни и трудахъ этого отца Русской библіографіи, какъ называлъ его Ундольскій: въ 3-й книжкѣ Чтеній въ мартѣ 1846 года этотъ трудъ былъ уже

¹⁾ Скончался 1 ноября 1864 года.

изданъ. Готовъ былъ Очеркъ библіографическихъ трудовъ Русскихъ: онъ изданъ во 2-й февральской книжкѣ Москвитянина за 1846 годъ. Готовы были матеріалы для библіографическихъ розысканій о разныхъ родахъ древне Русской письменности, между прочимъ о житіяхъ святыхъ: это изслѣдованіе издано по поводу выхода въ свѣтъ Каталога библіотеки Общества въ Москвитянинѣ 1846 года: книжки 3, 11 — 12. Нельзя не замѣтить, что въ этихъ трудахъ Ундольскаго представлены были отчасти вещи новыя, дотогѣ мало кому или никому неизвѣстныя, отчасти соображенія о томъ, что было извѣстно поверхностно и что могло быть пояснено только сличеніемъ съ Греческими источниками. Последнее обстоятельство очень важно: въ то время почти только въ работахъ одного Востокова выражалась настоятельность нужды такихъ сличеній; для многихъ другихъ изслѣдователей не казались онѣ нужными даже и гораздо позже, даже и при окончательныхъ приговорахъ. На такихъ прекрасныхъ зачаткахъ научной дѣятельности Ундольскаго нельзя было не основать надежды, что Россія будетъ имѣть въ немъ замѣчательнаго ученаго и отъ него получить хоть нѣсколько плодовъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ современной науки. Однихъ этихъ зачатковъ было уже достаточно для того, чтобы за нимъ упрочилось уваженіе всѣхъ, умѣющихъ оцѣнить ученыя занятія.

Значеніе Ундольскаго увеличилось скоро еще тѣмъ, что онъ, увлекаемый своими научными желаніями, принялся за собираніе рукописей и старопечатныхъ книгъ съ такимъ выборомъ и подборомъ, какой возможенъ только для знатока, умножалъ свое собраніе очень счастливо, не смотря на совершенно недостаточное состояніе, лишая себя въ жизни самаго необходимаго, и не скрывалъ собираемыхъ имъ сокровищъ ни отъ кого, кто только могъ ихъ употребить съ пользою и достоинъ былъ его довѣренности. Среди другихъ собирателей, большею частію наполнявшихъ свои полки всѣмъ, что ни попадалось, и съ тѣмъ вмѣстѣ скрывавшихъ свои собранія и отъ себя, не только отъ другихъ, онъ не могъ не сіять звѣздою, тѣмъ болѣе, что его собраніе дѣлалось все обширнѣе и могло наконецъ быть сравниваемо съ самыми большими библіотеками того же рода, обо-

гаться болѣе чѣмъ 1000 рукописей и болѣе чѣмъ 400 старопечатныхъ книгъ, и что во владѣтелѣ этой сокровищницы каждый, достойный довѣренности, находилъ и ученую помощь особенно библіографическими указаніями. Нельзя было не ожидать, что это увлеченіе рукописями и старопечатными книгами, съ желаніемъ ихъ собирать и изучать, будетъ отнимать отъ Ундольскаго много времени и отвлекать его отъ отдѣльныхъ изслѣдовательныхъ работъ — безпрестанно разсѣвая его научную сосредоточенность необходимостью имѣть въ виду въ одно и то же время очень много различныхъ частныхъ. Такъ дѣйствительно и было: за исполненіемъ обязанностей служебныхъ и за поисками новыхъ вносовъ въ свою библіотеку и ихъ изученіемъ сравнительно съ другими, уже извѣстными, у него оставалось времени очень мало. Для этой послѣдней цѣли необходимо было трудиться и въ Синодальной библіотекѣ и въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ частныхъ Московскихъ библіотекахъ, на сколько онѣ ему были доступны, и въ библіотекахъ церквей и монастырей Московскихъ и Подмосковныхъ, и въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ, и въ Румянцовскомъ музеѣ и т. д. Къ тому же обстоятельства заставляли его иногда употреблять свою ученую дѣятельность и на труды безъименные. А между тѣмъ, накапливашіеся матеріалы по разнымъ задуманнымъ вопросамъ отвлекали его поочередно. Таковы были: нѣсколько описей старинныхъ библіотекъ, грамоты, поученія нѣсколькихъ проповѣдниковъ, сказанія о древнихъ событіяхъ, о монастыряхъ и т. п. Не пересчитывая всѣхъ имъ обнародованныхъ памятниковъ, ограничусь отмѣткою, что Ундольскому обязаны мы первымъ изданіемъ Слова о Задонщинѣ и особенной, очень любопытной древней передѣлки Слова Данила Заточника. Всѣ его изданія памятниковъ отличаются вѣрностью, и почти всегда сопровождаются предисловіями, въ которыхъ дано мѣсто изслѣдованіямъ то о самыхъ памятникахъ, то о лпцахъ и событіяхъ, съ ними связанныхъ. Ундольскій успѣлъ издать даже и нѣсколько особенныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ каждое очень любопытно по соображеніямъ, или совершенно новымъ, или рисующимъ дѣло въ новомъ свѣтѣ, при помощи данныхъ прежде не замѣ-

ченныхъ, или забываемыхъ по разбросанности. Таковы его изслѣдованія: о церковномъ пѣніи въ Россіи (Чтенія, годъ 2-й, кн. III), гдѣ между прочимъ обращено вниманіе на одинъ изъ древнихъ кондакарей; о значеніи врудѣ-лѣта въ пасхалии (Временникъ, IV, стр. 43 — 70), гдѣ Русское церковное счисленіе подвергнуто критическому сличенію съ Греческимъ по лѣтописямъ и другимъ памятникамъ; о нѣсколькихъ другихъ вопросахъ церковнаго счисленія (Архивъ историко-юрид. свѣдѣній, I, Отдѣл. 3-е); о мѣстѣ погребенія Ляпунова (Чтенія, годъ I, кн. IV) и т. д.

И все имъ изданное далеко не все, что имъ было предпринято или даже и приготовлено. Нѣсколько такихъ трудовъ, почти исключительно очень важныхъ, мнѣ извѣстны:

— Съ 1840 года Ундольскій началъ составлять сборникъ палеографическихъ снимковъ, и потомъ сталъ его печатать. До сотни печатныхъ листовъ снимковъ я видѣлъ у него въ 1858 году. Онъ не издавалъ своего сборника только потому, что хотѣлъ присоединить къ снимкамъ описаніе рукописей, изъ которыхъ они взяты.

— Съ того же времени или немного позже Ундольскій занялся сличительнымъ описаніемъ рукописей и статей, въ нихъ находящихся: что это дѣло было уже начато до 1845 года, свидѣлствуютъ его изслѣдованія, изданныя въ этомъ году. Что оно было продолжаемо, видно изъ всѣхъ другихъ статей Ундольскаго. Самому мнѣ Ундольскій показывалъ въ 1858 году массу листовъ съ разными замѣтками о рукописяхъ.

— Въ концѣ 1845 года, какъ замѣчено выше, было у него готово собраніе твореній св. Климента епископа Словенскаго. Изданіе ихъ остановлено надеждою обогатить собраніе другими твореніями того же первоучителя; и въ 1848 году оно дѣйствительно увеличилось, (какъ видно изъ письма Ундольскаго къ О. М. Бодянскому, отъ 28 марта 1848 г. (Чтенія, годъ 3-й, № 7. Предисловіе къ выпискамъ изъ Сборника Царскаго стр. VIII — XI). Указанія древняго житія Климента вѣроятно питали въ Ундольскомъ надежду еще болѣе увеличить открытія, и безъ сомнѣнія только это было причиной, что творенія Климента остались неизданными.

— Въ 1855 году Ундольскимъ была представлена въ рукописи на Демидовскую премію 1-я часть Исслѣдованія о Славянскихъ хронографахъ, посвященная Временнику Георгіа Амартола въ отношеніи къ лѣтописи Нестора. Чтò это за изслѣдованіе, можно понять изъ критической оцѣнки его, сдѣланной академикомъ Кунякомъ (см. 25 присужденіе Демидовскихъ наградъ, стр. 73 — 84), и изъ того, что оно удостоено награды съ пособіемъ для напечатанія. Нельзя не замѣтить, что, хотя награда и могла быть выдана Ундольскому только по отпечатаніи рукописи, это не остановило его отъ продолженія изслѣдованій: желая довести ихъ до окончательной обдѣлки, онъ медлилъ печатаніемъ, такъ что оно и не было доведено до конца. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ лишился права на полученіе наградныхъ денегъ.

— По выходѣ въ свѣтъ 1-го тома Описанія Славян. рукописей Московской Синодальной библіотеки, Ундольскій занялся изслѣдованіемъ о древнемъ переводѣ св. Писанія на Славянскій языкъ. Съ особеннымъ усердіемъ онъ занимался этимъ дѣломъ въ 1858 году, сличалъ текстъ перевода съ Греческимъ текстомъ, преимущественно по древнимъ рукописямъ, готовилъ что-то большое, и какъ кажется также не кончилъ, по крайней мѣрѣ не издалъ.

Можетъ быть, не окончены имъ и другіе труды не менѣе важные, не менѣе желаемые. Какъ не сожалѣть, что Россія утратила этого дѣятеля такъ рано! Во всякомъ случаѣ, оставшія послѣ Ундольскаго бумаги драгоцѣнны и должны быть разобраны кѣмъ нибудь изъ знатоковъ дѣла съ полною внимательностью. Нельзя не надѣяться, что въ нихъ найдется многое, что должно быть издано, хотя бы и въ неоконченномъ видѣ. Будучи важны по содержанію, его письменныя работы не менѣе важны и какъ указанія ученой требовательности, его руководившей, требовательности, многими у насъ понимаемой еще очень мало.

Примиска. Не желая пропустить что нибудь важное относительно трудовъ Ундольскаго, я сообщалъ эту записку о архим. Амфилохію, какъ его товарищу по Академіи, и получилъ отъ него нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ о его характерѣ,

и нѣсколько данныхъ о его работахъ. Считаю необходимымъ сообщить здѣсь слѣдующее:

— Чтя ученія заслуги патріарха Никона особенно по собиранію книгъ, Ундольскій посвятилъ ихъ разсмотрѣнію особенный трудъ, но не издалъ его по неимѣнію средствъ.

— Изучивъ подробно Греческій списокъ Псалтыри IX—X вѣка, принадлежащій г. Лобкову, онъ подробно описалъ его сравнительно съ другими списками той же книги. Это произведение учености Ундольскаго находится у г. Лобкова, а черновой экземпляръ остается, вѣроятно, между бумагами покойнаго.

ЗАМѢЧАНІЯ

АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

О СЛОВАРѢ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

I.

Какъ широко по пространству Славянскаго мира распространено каждое изъ коренныхъ созвучій Славянскаго языка и изъ словъ изъ нихъ образованныхъ или изъ чужа занятыхъ? Гдѣ какія и въ какихъ кругахъ народа господствуютъ? гдѣ какія вышли вообще или отчасти изъ употребленія? Гдѣ какія и какъ отошли отъ древняго значенія и приняли новыя?—На эти и другіе подобные вопросы необходимы бываютъ отвѣты не только при частныхъ изслѣдованіяхъ памятниковъ языка и словесности, но и при общихъ изслѣдованіяхъ о судьбахъ того или другаго Славянскаго народа и его нарѣчія отдѣльно и многихъ вмѣстѣ. Эти и подобные вопросы съ отвѣтами на нихъ занимательны даже и не для изслѣдователей, а для любознательныхъ людей вообще. Такъ недавно еще занималъ очень многихъ и рѣшаемъ былъ многими, вовсе не изслѣдователями, вопросъ о словахъ будто-бы исконно Малорусскихъ, не принадлежащихъ и никогда не принадлежавшихъ Великорусскому нарѣчію. Разговоры и споры, недавно еще веденные съ жаромъ, могутъ и опять возобновиться, и почему даже не желать, чтобы они возобновились, разумѣется, при лучшихъ обстоятельствахъ въ отношеніи къ спорящимъ. Это улучшеніе обстоятельствъ спора, бывшаго у насъ, и всѣхъ подобныхъ споровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее улучшеніе пониманія взаимныхъ

соотношеній Славянскихъ нарѣчій, можно ожидать всего болѣе отъ книги, гдѣ бы вѣрно были рѣшены вышеотмѣченные и имъ подобныя вопросы, всего болѣе отъ словаря, гдѣ бы всѣ Славянскія нарѣчія, были сопоставлены равномѣрно и равно вѣрно, съ одинаковою отчетливостію. Многія недоумѣнія, недоразумѣнія, сомнѣнія, невольныя и нарочныя ошибки и самообманы были бы легко устранимы, если бы въ рукахъ у всѣхъ былъ такой словарь. Не желать, что бы былъ такой словарь, нельзя.

Но — позволю себѣ повторить для опредѣленности — именно такой словарь: «Списокъ словъ», въ которомъ бы дано было мѣсто различнымъ выговорамъ каждаго слова по нарѣчіямъ, съ краткимъ указаніемъ значенія словъ, конечно, могъ бы тоже пригодиться — между прочимъ для указанія случаевъ когда то или другое нарѣчіе отпадаетъ отъ нормальнаго своего выговора, или признало за тѣмъ или другимъ словомъ особое значеніе; но тѣмъ менѣе можетъ быть онъ полезенъ, чѣмъ менѣе будетъ похожъ на словарь, чѣмъ менѣе вниманія будетъ въ немъ обращено на оттѣнки значенія и на кругъ употребленія словъ въ разныхъ нарѣчіяхъ и на перемѣны ихъ значенія и употребленія въ разное время. Только на этомъ условіи такого рода трудъ можетъ быть пригоднымъ не для немногихъ, а для всѣхъ, не для частныхъ нуждъ, а для общей пользы.

И такъ, будемъ желать и ожидать словаря всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Предположимъ, что запасъ данныхъ, которыя должны быть помѣщены въ этомъ словарѣ, уже готовъ (готовъ, разумѣется относительно, такъ какъ безусловной полноты никто никогда не ожидалъ ни отъ какого словаря). Позволяю себѣ вѣрить, что онъ и дѣйствительно почти готовъ — только не въ печати, не въ однихъ рукахъ и не приведенъ въ должный порядокъ. Предположимъ, что всѣмъ этимъ готовымъ, довольно полнымъ запасомъ можно воспользоваться для одного общаго труда. Задача въ томъ, какъ имъ воспользоваться, въ какой привести порядокъ, чтобы вышелъ трудъ общепользныи.

Въ отвѣтъ на это есть уже готовое произведеніе, давно напечатанное, издавна снабжающее многихъ множествомъ данныхъ. Это — *Słownik języka Polskiego* Б. С. Линде (первое, Варшавское, изданіе его вышло въ 1807-1814 гг., второе,

Львовское — въ 1854-1860 гг.) Въ немъ при большей части словъ даво мѣсто указаніямъ на другія Славянскія нарѣчія. Какъ это въ немъ сдѣлано, всего лучше видѣть изъ примѣровъ.

Gród, *u, m, Boh.* hrad, twrze = twierdza. Hradec miasto Grac na Szląsku; *Slov.* hrad *arx* cinctura; *Slav.* grád = forteca, grandjanin = mieszczanin; *Croat.* grad = zamek; Graedëcz *Graccium*; *Dal.* grad, missto = miasto, gradski = miejski, gradyanin = mieszczanin; *Dal.* tuargya = twierdza; *Hung.* vaar (ob. Warowny); *Bosn.* grád = miasto, 2. tvrrighia = twierdza, kula = forteca, zamek; *Rag.* grad = miasto, gradaz *castrum*, graadhja, zgradda *aedificium*; *Vind.* grad, grashina, gradshina, gradishtvu; *Carn.* grád = *arx*; gradèz = miasto Grac w Styryi, *Bohor.* (Stargard = stary grod. *Frenzel in Westphal. Monum.* 2. 2419. cf. Nowogrod, cf. Białogród, Carogród); *Sorab.* 2. grod = zamek; *Sorab.* 1. hrod, rod; *Ross.* городъ miasto; *Eccl.* градъ miasto, (*Eccl.* краеградъ *Graec* ἀκρόπολις twierdza... (дальше слѣдуютъ припоминанія не Славянскія).

Miasto, *a, n., Boh. et Slov.* město; *Sorab.* 1. město, miesto; *Sorab.* 2. město: *Vind.* mestu, varash, obsidanu gradishtvu; *Carn.* mejstu; *Dal.* misstò, grad, (cf. grod); *Croat.* várás. varash; *Hung.* város, (cf. warowac); *Bosn.* grád, (misto, mjesto locus); *Slov.* vârosh, grad; *Rag.* grad, (mjesto = miesce, położenie); *Ross.* городъ; *Eccl.* градъ...

Miejsce, *miesce*, *miestce*, *a, n., Boh.* místo, *demin.* mjstecko; *Slov.* mesto; *Sorab.* 1. miesto, město; *Sorab.* 2. město (cf. miasto *subst. et adv.*); *Carn.* mestu; *Vind.* mestse, mestu, mestouje, stant, *Croat.* mezto, meszto; *Bosn.* misto, mjesto; *Rag.* mjesto, misto; *Ross.* мѣсто, мѣстечко, (cf. miasteczko); *Eccl.* мѣсто okolica...

Stygnąć stydnąć neutr. jednł.; *Boh.* stydnauti, stydati; *Slov.* stydnauti, stydnu; *Sorab.* 1. studnu; *Sor.* 2. stunusch; *Cro.* zimem, (zimniec, cf. ziębnąć); *Rg.* stinuti; *Bs.* stinnuti, ostinnuti, ozebsti; *Rs.* стынуть, студенѣть, студѣться; *Ec.* студеню; *ob.* studzić).....

Изъ этихъ примѣровъ видно, что на первомъ мѣстѣ поставлены, какъ и слѣдуетъ, въ Польскомъ словарѣ, слова Польскія, — что при Польскихъ словахъ приведены ино-Славянскія слова не только одинаковыя, но и подобнозначащія, — что взяты при этомъ во вниманіе не только главныя Славянскія нарѣчія, но и мѣстныя, на пр. по Хорвато-Сербскому отдѣлу дано мѣсто мѣстнымъ нарѣчіямъ, Славонскому, Хорватскому, Далматинскому, Боснійскому, Рагузанскому, — что соблюдено правописаніе каждаго нарѣчія (т. е. каждаго источника, изъ котораго взято слово).

Есть и Русскій печатный трудъ этого рода, удостоенный Демидовской награды. Это — Корнесловъ Русскаго языка, сравненнаго со всѣми главнѣйшими Славянскими нарѣчіями, *Θ. Шимкевича* (Спб. 1842) *). Какъ дѣлалъ свое дѣло Шимкевичъ, можно также понять изъ примѣровъ:

Городъ, с. м. 1. стѣна, которою обносятъ церкви, монастыри и др. зданія или мѣста, ограда (слѣдуетъ мѣсто изъ памятника). — 2. временное военное укрѣпленіе (опять выписка изъ памятника). — 3. замокъ, крѣпость (опять выписка изъ памятника). — 4. подвижная военная башня, которая употреблялась при осадѣ крѣпостей (опять выписка изъ памятника). 5. заселенное мѣсто, которое состоитъ изъ общественныхъ и частныхъ домовъ, расположенныхъ улицами, и которое въ старину окружаемо было ровомъ или стѣною для защиты отъ нападенія непріятелей. — 6. самые жители, населяющіе городъ.

*) Считаю долгомъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, напомнить, что слишкомъ за тридцать лѣтъ до Шимкевича, подобнымъ трудомъ занимался Востоковъ, въ началѣ, до выхода словаря Линде, самъ, а потомъ при помощи этого словаря. О томъ, какъ Востоковъ обдѣлывалъ свой Этимологическій словарь, подробно сообщено мною въ Обзорѣннѣ научныхъ трудовъ Востокова (при Филологич. наблюденіяхъ Востокова: стр. V—XI), гдѣ представлена и выписка изъ него. Стараясь дать мѣсто видоизмѣненіямъ каждаго слова по нарѣчіямъ, Востоковъ не сообщилъ впрочемъ въ этомъ отношеніи ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что есть у Линде, и обогатилъ свой словарь болѣе словами другихъ языковъ. Главное мѣсто занимаетъ въ немъ Русскій письменный и частію народный языкъ.

= 3. *Серб.* град. *Сла.* Кро. *Винд.* и *Кра.* grad, *Бол.* и *Сло.* hrad, *Пол.* и *Н Луз.* grod, *В Луз.* rod; 5. *Церк.* и *Бол.* градъ, (*Сла.*) *Босн. Рат.* и *Далм.* grad, 6. (*Церк.* и *Болг.*). — §. (*Винд.*) строеніе.

Мѣсто, с. ср. 1. пространство, занимаемое или могущее быть занятымъ какимъ нибудь тѣломъ; 2. извѣстное пространство земли, которое ничѣмъ не занято; 3. стар. жилища внѣ крѣпости, предмѣстье (слѣдуетъ выписка изъ памятника), 4. страна; 5. извѣстная часть, статья въ книгѣ; 6. должность; 7. книга, свертокъ или ящикъ съ товаромъ, особенно съ чаемъ; 8. перепонка, которою покрытъ младенецъ во чревѣ матери.

= 1. *Церк.* мѣсто, *Серб.* мѣсто, место, *Кро.* meszto, *Кра.* mesto, *В Луз.* mjesto, *Н Луз.* mĕsto, *Сло.* mĕsto, *Босн.* и *Рат.* mjesto, mīsto, *Л Рус.* мѣсто, *Винд.* me stu, *Укр.* мѣсто, *Бол.* mjsto, *Пол.* miesce, mieysce, miestasce. *Бол.* място; 2. (*Л Рус.* и *Укр.*); 3. (*Пол.*). § а. (*Л Рус.* и *Укр.*) рынокъ; б. (*Серб.* *Кро.* *Винд.* *В Луз.* *Н Луз.* и *Сло.*), Бог. mĕsto, *Далм.* miszto, *Пол.* miasto, городъ; в. *Бол.* mjsto, деревня.

Сты́днуть, гл. неуп. (сл. и др.) замѣненъ словомъ сты́нуть, гл. ср. 1 мало по малу лишаться теплоты, становиться холоднымъ, 2. о жидкостяхъ: покрываться тонкимъ льдомъ; 3. о растопленномъ маслѣ и другихъ подоб. веществахъ: сгущаться + стужа.

= 1. *Сл.* stidnut', *Бол.* stydnauti, *Пол.* stagnać, stydnąć, *Рат.* stinuti, *Босн.* stinnuti, *В. Луз.* studnucz, *Н. Луз.* stunnusch, *Л. Рус.* стыць; 3. *Бол.* stydati, *Серб.* стинути се.—§. (*Пол.*) въ переносномъ смыслѣ: остывать, охлаждать, уменьшаться.

Какъ въ этихъ примѣрахъ, такъ и во всемъ трудѣ Шимкевича каждое Русское слово объяснено довольно подробно, посредствомъ отдѣленія оттѣнковъ значенія; а за тѣмъ по каждому изъ оттѣнковъ значенія приведено то же слово изъ другихъ Слав. нарѣчій, гдѣ оно съ этимъ оттѣнкомъ употребляется, и дажѣ, если есть, указаны другіе оттѣнки значенія слова съ по-

казаніемъ нарѣчій. Въ числѣ нарѣчій дано мѣсто и мѣстнымъ, болѣе чѣмъ у Линде, всегда съ соблюденіемъ правописанія (по источникамъ). Подобнозначущихъ словъ нѣтъ.

Выгодная сторона плана, котораго держался Шимкевичъ, для насъ Русскихъ очевидна: намъ Русскимъ справляться относительно другихъ Славянскихъ нарѣчій, конечно, всего легче въ такомъ словарѣ, гдѣ первое мѣсто дано Русскому языку; но эту выгоду можно сохранить и при другомъ планѣ: стоитъ только къ словарю приложить указатель Русскихъ словъ. Не-выгодная сторона плана, принятаго Шимкевичемъ, гораздо важнѣе: въ его Русскомъ корнесловѣ дано мѣсто объясненіямъ только словъ Русскаго языка, и не могло быть иначе; въ словарь всѣхъ Славянскихъ нарѣчій должно быть въ такой же мѣрѣ дано мѣсто словамъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, слѣдовательно очень многимъ такимъ, которыя и теперь не существуютъ въ Русскомъ и въ прежнее время, на сколько можно прослѣдить по памятникамъ, не были въ употребленіи. Сказанное здѣсь о Русскомъ словарѣ Шимкевича одинаково относится и къ Польскому словарю Линде, въ которомъ въ добавокъ принято, какъ и должно было быть, обыкновенное Польское правописаніе, затемняющее искусственнымъ сочетаніемъ согласныхъ буквъ естественную звучность языка. Общій Славянскій словарь долженъ быть одинаково удобенъ для всѣхъ Славянъ, а не для какого бы ни было одного Славянскаго народа. Этого же могутъ всего скорѣе пожелать и тѣ Славяне, которые не могутъ надѣяться имѣть такой словарь для своего языка.

Какъ же сдѣлать, что бы въ обще-Славянскомъ словарѣ могли найти себѣ законное мѣсто всѣ слова всѣхъ Славянскихъ нарѣчій? Мнѣ кажется, сдѣлать это не очень трудно, при условіи, что къ словарю должны быть приложены указатели по нарѣчіямъ.

Каждому, хоть нѣсколько понимающему Славянскія нарѣчія и хоть нѣсколько вникнувшему въ черты ихъ отличія, должно быть очевидно, что очень значительная, главная часть ихъ состава принадлежитъ всѣмъ имъ сообща, а менѣе значительная многимъ или нѣсколькимъ, и что все это является въ каждомъ изъ нихъ въ особенномъ образѣ соотвѣтственно съ особенными

требованіями его звучности. Въ слѣдствіе этихъ требованій слово Рус. дѣнь, Чеш. ден, Поль. дзень, С Луж. джень, Серб. дан, должно быть въ Стар. Слав. днь; слово Рус. молоко, Чеш. мліко, Поль. млѣко, С Луж. млѣко, Серб. мліко, млеко, мліеко, въ Ст. Слав. должно быть млѣко; слово Рус. дубъ, Чеш. дуб. Поль. даб, Хорт. доб, Срб. дуб, Болг. даб, въ Ст. Слав. должно быть джбъ; слово Рус. рядъ, Чеш. рад, Поль. рад, Хорут. и Серб. ред, должно быть въ Ст. Слав. радъ, и т. д. Правильность взаимнаго соотношенія Славянскихъ нарѣчій, въ отношеніи къ выговору, такова, что въ большей части случаевъ, владѣя навыкомъ вникать въ особенныя требованія звучности Славянскихъ нарѣчій, всякій, знакомый съ требованіями двухъ трехъ изъ нихъ, пойметъ все написанное на каждомъ другомъ тѣмъ легче, чѣмъ менѣе въ этомъ написанномъ будетъ словъ не-Славянскихъ и чѣмъ менѣе затруднено будетъ чтеніе правописаніемъ. Онъ не только пойметъ все написанное, но будетъ въ состояніи и передѣлывать слова изъ выговора одного нарѣчія по выговору другаго—такъ же, какъ владѣющій навыкомъ отличать музыкальные тоны и знающій ихъ соотношеніе передѣлываетъ музыкальную фразу съ одного тона на другой. Овладѣть этимъ навыкомъ сознательно всего удобнѣе при помощи древняго Церковно-Славянскаго языка, въ памятникахъ котораго сохранилось коренное достояніе состава Славянскихъ нарѣчій вообще въ очень стройномъ видѣ въ отношеніи къ звучности, болѣе всѣхъ другихъ сближающемъ одни съ другими всѣ нарѣчія Славянскія и, вѣроятно, болѣе всѣхъ другихъ приближающемся къ первообразу. Правильность строя древняго Церковно-Славянскаго языка такова, что тотъ, кто знаетъ дѣло, на ладъ его легче, чѣмъ на ладъ всякаго другаго нарѣчія, можетъ передѣлать любое Славянское слово. Вмеѣстѣ съ тѣмъ и въ отношеніи къ составу можно его считать самымъ богатымъ изъ нарѣчій (разумѣется, въ отношеніи къ той части состава, которую можно назвать обще-Славянскимъ достояніемъ). Такимъ образомъ при его помощи есть возможность имѣть чуть не всякое Славянское слово въ его древнемъ видѣ. Въ этомъ то древнемъ Славянскомъ видѣ и должны бы быть, по моему мнѣнію, взяты слова для общаго Славянскаго словаря, какъ пере-

довья, заголовочныя. Къ нимъ должны бы быть прибавляемы всѣ сравненія и объясненія, какія могутъ быть допущены въ словарь; на нихъ должны бы быть сдѣланы и ссылки въ указателяхъ. Само собою разумѣется, что въ ихъ написаніи строго и послѣдовательно должно быть выдержано правописание этого древняго Славянскаго языка, безъ смѣшенія его съ частными требованіями звучности древне-Болгарской, древне-Сербской, древне-Русской. Къ числу такихъ частныхъ требованій слѣдуетъ, мнѣ кажется, отнести и вставку *д* между *з* и *р* (раздрѣштити *вм.* разрѣштити), и опущеніе *з* и *с* передъ свистящими (расѣяти *вм.* разсѣяти) и т. п. Къ тому запасу словъ, который можетъ быть извлеченъ изъ памятниковъ древне-Славянскихъ, добавить изъ другихъ нарѣчій пришлось бы, думаю, сравнительно не очень много, если только не включать въ словарь словъ вновь выдуманныхъ или недавно занятыхъ изъ чужихъ языковъ. И эти слова, не найденныя въ древне-Славянскихъ памятникахъ, слѣдовало бы, мнѣ кажется, представить въ формѣ древне-Славянской, только отлѣча ихъ какимъ нибудь особымъ знакомъ (напр. скобками).

Въ слѣдъ за этимъ главнымъ видомъ cadaго слова должно бы, по моему мнѣнію, слѣдовать его грамматическое объясненіе на сколько оно нужно, и различные его выговоры по нарѣчіямъ, а затѣмъ его значенія съ отмѣткою, въ какихъ нарѣчіяхъ оно употребляется въ каждомъ изъ значеній. Было бы желательно видѣть и его синонимы по нарѣчіямъ, въ томъ родѣ, какъ это сдѣлалъ Линде. Держаться ли примѣра Линде въ отношеніи къ опредѣленіямъ словъ, т. е. быть ли сколько можно болѣе скупымъ на объясненія, это другое дѣло. Думаю, что лучше бы слѣдовать въ этомъ примѣру Шимкевича—по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣмъ словамъ, которыхъ значеніе не общеизвѣстно.

Какія же нарѣчія и въ какомъ порядкѣ должны быть бы допущены въ общій Славянскій словарь? На этотъ вопросъ едва ли можно отвѣчать иначе, какъ—всѣ, на сколько возможно всѣ. Отвѣтъ этотъ я понимаю такъ:—

Издавна выдѣлились одно отъ другаго особенными чертами нарѣчія Болгарское, Сербское съ Хорватскимъ, Словинское-Хорутанское, Словенское съ Чешскимъ, Сербо-Лу-

жидкое, Балтійско-Славянскія, Польское, Русское. Каждое изъ нихъ имѣетъ право на свое мѣсто въ общемъ Славянскомъ словарѣ. Изъ того, что извѣстно, нельзя не вывести заключенія, что каждое нарѣчіе повременно замѣнялось не только въ строѣ, но и въ составѣ, что въ каждомъ нѣкоторыхъ слова выходили изъ употребленія и замѣнялись новыми, нѣкоторыя перемѣняли значеніе, и очень многія замѣнялись въ разговорѣ. Ограничиться въ словарѣ только новымъ было бы такъ же не хорошо, какъ не хорошо въ сравнительной грамматикѣ Слав. нарѣчій имѣть въ виду только новыя явленія строя языка, безъ указаній и объясненій, взятыхъ изъ языка древняго. Правда, что не всѣ Славянскія нарѣчія извѣстны въ древнемъ видѣ; но все-таки данныя изъ древняго времени есть на лицо многихъ изъ нихъ, а о нѣкоторыхъ (изъ Балтійско-Славянскихъ) только и есть, что древнія данныя. Этимъ древнимъ даннымъ непременно должно быть дано мѣсто въ обще-Славянскомъ словарѣ, если только помогать, чтобы словарь имѣлъ достоинство научное. Съ другой стороны, едва ли возможно ограничиться ссылками на одиѣ главныхъ нарѣчій—и въ слѣдствіе этого имѣть поводъ остаться въ кругѣ того, что возшло въ общіе литературные словари того или другаго нарѣчія, не обращая вниманія на богатство мѣстныхъ нарѣчій. Даже и изъ того, что издано по мѣстнымъ нарѣчіямъ, Великорусскому и Малорусскому, Кашубскому, Силезскому, Полабскому, Словенскимъ, Словинскимъ, Хорватскимъ и Сербскимъ, можно видѣть, какія сокровища языка таятся въ разныхъ частяхъ Славянскихъ народовъ, и какъ это таящееся важно для основательнаго сравненія Славянскихъ нарѣчій въ отношеніи къ ихъ составу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ отношеніи къ ихъ строю и къ ихъ судьбамъ. Мнѣ бы казалось, что въ словарѣ должно быть указано слово съ общею ссылкой на нарѣчіе (Русское, Польское, Сербское—и т. д.) только тогда, когда оно есть общая собственность народа, (хотя бы и не всѣхъ сословій); а если оно составляетъ частную принадлежность того или другаго мѣстнаго нарѣчія, то въ ссылкѣ должно быть указано это мѣстное нарѣчіе.

Нельзя оставить въ сторонѣ еще одного важнаго вопроса:—Всѣ ли производныя слова безъ исключенія должны бы были вно-

смы въ словарь или не всё, и если не всё, то какія можно исключить? Можно, вѣроятно, исключить всё тѣ производныя, которыхъ значеніе само собою понимается всякимъ, кто знаетъ значеніе его кореннаго созвучія, каковы, на пр., большая часть производныхъ глаголовъ, отглагольныя существительныя и прилагательныя, причастія, такъ наз. уменьшительныя и увеличительныя и т. д. Если же производныя имѣютъ особый смыслъ, какъ на пр. **найти**, **внимать**, **поддѣлать**, **пріобрѣсти**, **завести** (о часахъ), **занимать** (что у кого и кого тѣмъ), **походить** (на что или на кого), **имѣнье**, **питье**, **хоженый**, **вопіющій**, **суженый**, **пошлый**, **ложечка**, **бумажка** (ассигнація), **ушко** (чашки и т. п.), **образина**, **чудище**, и т. д., то имъ слѣдуетъ быть въ словарѣ.

Въ отношеніи къ расположенію этихъ словъ можно почти съ одинаковою выгодною держаться одного изъ двухъ различныхъ правилъ: или ставить производныя подъ первообразными, или отдѣльно на своемъ мѣстѣ по алфавиту. Если бы впрочемъ и найдено было болѣе выгоднымъ ставить отдѣльно, то не иначе, какъ съ указаніями: при производномъ на коренное и при коренномъ на всё производныя, съ краткимъ обозначеніемъ смысла каждаго изъ нихъ, но безъ приложенія выговоровъ по нарѣчіямъ.

Остается еще сказать о томъ, въ какомъ видѣ должны быть записаны слова изъ разныхъ нарѣчій въ отношеніи къ правописанію. Всего бы естественнѣе принять для каждаго нарѣчія его собственное правописаніе; но легкое въ общемъ правилѣ нерѣдко становится труднымъ въ примѣненіи. Положимъ, что должно и можно примѣнить это правило въ отношеніи къ Русскому (общему), Польскому, Чешскому, даже Сербскому (по системѣ Караджича, нѣсколько улучшенной), даже и по тѣмъ нарѣчіямъ, для коихъ принято новое аналогическое правописаніе, хотя и это естественное «должно и можно» скроетъ отъ вниманія филолога многія особенности звучности нарѣчій; но какое же правописаніе принять для Болгарскаго, Малорусскаго, Бѣлорусскаго, Кашубскаго, Силезскаго, Полабскаго и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ нарѣчій, для которыхъ еще не было устроено доселѣ одною всѣми принятое правописаніе? уже ли вносить въ словарь напр. Полабскія слова въ тѣхъ раз-

ныхъ видахъ, какъ ихъ записали люди, незнавшіе по-Славянски и тугоухіе, или слова Болгарскія въ тѣхъ разныхъ видахъ, какъ писали или пишутъ ихъ Болгарскіе книжники, каждый по своему? Для филолога важны не невольныя и вольныя ошибки написанія словъ, а ихъ произношеніе: иначе для чего и заносить въ словарь замѣтки о словѣ по разнымъ нарѣчіямъ; а если эти замѣтки о произношеніи одного и того же слова въ разныхъ нарѣчіяхъ важны, то нельзя не желать, чтобы написаніе слова давало хоть нѣсколько ясное понятіе о его произношеніи: можно слѣдовательно каждое правописаніе считать тѣмъ менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ болѣе оно скрываетъ особенности выговора. Не смѣя рѣшить окончательно, я все-таки позволю себѣ въ видѣ вопроса сказать: не лучше ли было бы заносить въ словарь всѣ слова изъ новыхъ нарѣчій и изъ тѣхъ древнихъ, для которыхъ употреблялась Латинская азбука, однимъ и тѣмъ же правописаніемъ, выражающимъ выговоръ; а въ указателяхъ держаться для каждаго нарѣчія его обычнаго правописанія, и за отсутствіемъ обычнаго принять то, которое наиболѣе согласно съ его историческимъ развитіемъ?

Не уместно теперь сказать о предпріятіи, слишкомъ за 15 лѣтъ передъ этимъ затѣянномъ въ Чешской литературѣ и не оконченномъ, сколько мнѣ извѣстно, не по недостатку усердія составителя, а по отсутствію денежныхъ средствъ. Это — *Slowník Vseslovanský s přídatnými významy Německými* Иосифа Франты-Шумавскаго (Прага 1852), котораго вышло только начало (стр. 1—128). Не слѣдовало ли бы прежде всего постараться, чтобы этотъ словарь былъ оконченъ? Въ этомъ словарѣ принято за правило каждому Славянскому слову, какимъ бы нарѣчіемъ оно ни принадлежало, дать мѣсто по алфавиту, и для этого придумана обще-Славянская азбука, составленная изъ буквъ латинскихъ и кирилловскихъ — такъ, что ни для одного звука не употреблено сложнаго знака, за исключеніемъ выраженія мягкихъ согласныхъ посредствомъ ѣ. Сочинитель старался не упустить ничего важнаго, и оставилъ по себѣ, какъ я слышалъ, большой запасъ матеріала и даже родственниковъ и друзей, готовыхъ продолжать начатое имъ дѣло.

II.

Выше сказалъ я, что значительный запасъ данныхъ для такого словаря можно считать собраннымъ, находящимся въ рукахъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіями, только не въ однихъ рукахъ. Я имѣлъ въ виду достояніе частное, имѣлъ въ виду собранія Русскихъ тружениковъ науки, занимавшихся и занимающихся Славянскими нарѣчіями, которые извѣздили всѣ Славянскія земли, вездѣ занимались изученіемъ нарѣчій по памятникамъ древности и по говорамъ живой рѣчи, и дѣйствительно владѣютъ обширными запасами данныхъ для обще-Славянскаго словаря, если не каждый отдѣльно, то всѣ вмѣстѣ. Во все не то можно и должно сказать, имѣя въ виду достояніе общее, печатное, словари Славянскихъ нарѣчій, доселѣ изданные. Правда, словарей много, но въ числѣ ихъ очень немного такихъ, которые могли бы удовлетворить требованіямъ составителя обще-Славянскаго словаря. Чтобы это доказать, представляю краткій переборъ словарей по Славянскимъ нарѣчіямъ.

а) по нарѣчію старославянскому.

Въ Русской литературѣ есть произведеніе, которое по добросовѣстности исполненія должно считаться вездѣ образцовымъ: это Словарь Церковно-Славянскаго языка А. Х. Востокова (2 тома, Спб. 1858—1861: въ 4-у 550 л.) Разсматривавшіе его знаютъ, какъ онъ богатъ данными, которые, до его изданія, были въ числѣ неизвѣстныхъ; а слича съ подлинными рукописями, которыми Востоковъ пользовался, всякій долженъ будетъ признаться, что всему, что приведено Востоковымъ, должно довѣрять безусловно (разумѣется за исключеніемъ опечатокъ). Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не вспомнить съ признательностью и новаго труда проф. Миклошича *Lexicon Paleoslovenico-Graeco-Latinum* (Vindob. 1862—1865 въ 8-д. 1171 стр.), въ которомъ есть также довольно много данныхъ, небывшихъ до него извѣстными большинству изслѣдователей.

Имѣя въ рукахъ два эти словаря, можетъ ли однако составитель обще-Славянскаго словаря быть при увѣренности, что

по Старо-Славянскому нарѣчію онъ обезпеченъ? Едва ли. Словарь Востокова очень неполонъ: это доказываютъ между прочимъ вноски, сдѣланныя Востоковымъ изъ перваго изданія словаря Миклошича (*Lexicon linguae Slovenicae dialecti veteris*. Vindb. 1850) и тѣ дополненія, которыя были изданы къ нему въ Матеріалахъ для словаря, печатавшихся при Извѣстіяхъ Академіи. Новый словарь Миклошича гораздо полнѣе; но во-1-хъ, въ немъ не все достовѣрно, такъ какъ Миклошичъ позволялъ себѣ переводы словъ по догадкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ нихъ заносилъ только тѣмъ правописаніемъ, которое ему казалось правильнымъ, и во-2-хъ, многія слова извлечены не изъ памятниковъ и не изъ словаря Востокова, а изъ словарей прежняго времени—между прочимъ изъ Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, въ томъ числѣ и такія слова, которыя въ древнемъ Славянскомъ едва ли и были. Нельзя конечно не быть благодарнымъ Миклошичу за его трудъ; но нельзя однако и довольствоваться имъ тому, кто задумалъ работать надъ обще-Славянскимъ словаремъ не кое-какъ. Къ сказанному нелишнимъ считаю прибавить, что въ обоихъ словаряхъ смѣшанно помѣщены слова не только древнія Болгарскія, Сербскія, но и Русскія: это выгодно въ практическомъ отношеніи, но на столько же невыгодно въ отношеніи научномъ, особенно же для составленія обще-Славянскаго словаря.

Имѣя въ виду такое дѣло, надобно имѣть подъ руками возможно-полный подборъ словъ чисто Старо-Славянскихъ, извлеченныхъ исключительно изъ памятниковъ Старо-Славянскихъ древнихъ, не смѣшанно съ тѣми словами, которыя употреблены въ памятникахъ, сохраняющихъ труды писателей и переводчиковъ Болгарскихъ, Сербскихъ и Русскихъ. Если составителемъ обще-Славянскаго словаря будетъ пренебрежено это условіе, то въ Старо-Славянскомъ нарѣчіи скроются и смѣшаются нарѣчія: Болгарское, Сербское и Русское. А исполнено оно пока быть не можетъ, потому что подбора словъ чисто Старо-Славянскихъ въ печати еще нѣтъ, и пока его нѣтъ, составитель обще-Славянскаго словаря остается бѣднякомъ, достойнымъ состраданія.

Не выражаю ли я однако мысли, слишкомъ идеальной, неудобноисполнимой? Понятна ли даже она и достойна ли даже на-

зваться мыслию? Не къ стати было бы устранить эти вопросы, а отмѣтивъ ихъ, еще менѣе къ стати было бы оставить ихъ безъ объясненія.

Всѣ мы одинаково называемъ Старо-Славянскимъ нарѣчіемъ то, которое было употреблено братьями-первоучителями Константинѣмъ философомъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками въ IX вѣкѣ, которое и сохранилось въ ихъ трудахъ — по древнѣйшимъ спискамъ. Что оно было понятно въ то отдаленное время всѣмъ Славянамъ, что всѣми ими могло быть принято менѣе или болѣе за свое, это повѣсть нетрудно; но также легко допустить, что мѣстныя нарѣчія должны были отличатся одни отъ другихъ частію употребленіемъ звуковъ и строемъ, частію составомъ. Что такъ дѣйствительно и было, легко видѣть изъ сличенія памятниковъ, писанныхъ въ разныхъ краяхъ въ одно и тоже время или около этого. Особенно важно при настоящемъ положеніи науки сличеніе списковъ памятниковъ, писанныхъ Болгарами, со списками не Болгарскаго письма; важно потому, что нѣкоторыми уравнивается съ чистымъ Старо-Славянскимъ нарѣчіемъ древнее Болгарское нарѣчіе. Другими не менѣе почтенными тружениками науки смѣшиваются нарѣчія Старо-Славянское съ древнимъ Русскимъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что значительная часть учениковъ Константина философа и Меѳодія, по кончинѣ послѣдняго нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и тамъ продолжали трудъ своихъ учителей, что въ Болгаріи вѣстѣ съ ихъ учениками, каковы были Климентъ и Константинъ, трудиться стали и не ученики ихъ, а подражатели такіе, какъ Іоаннъ экзархъ, Григорій пресвитеръ и другіе, по имени неизвѣстные. Но не подлежитъ ли сомнѣнію, что трудясь въ Болгаріи, продолжатели подвига братьевъ-первоучителей и ихъ послѣдователи остались совершенно вѣрными тому языку, который употребляли братья-первоучители? Не могли ли они, не должны ли были они волей и неволей употреблять слова и выраженія, ходячія въ Болгаріи, не спрашивая себя, употребили ли бы ихъ или нѣтъ братья-первоучители? Не могли ли они, не должны ли были они идти въ этомъ отношеніи тою же дорогой, какой шли наши Русскіе древніе писатели, которые тѣмъ болѣе забывали требованія чистаго Старо-

Славянскаго нарѣчія, чѣмъ проще писали? А если такъ, то изслѣдователь древняго Славянскаго языка не можетъ не потребовать отъ себя выдѣленія того, что долженъ онъ признать Старо-Славянскимъ, отъ того, что такимъ признать не можетъ, и что—по крайней мѣрѣ до новыхъ открытій—долженъ считать древнимъ Болгарскимъ или древнимъ Русскимъ. Это выдѣленіе важно и въ литературномъ отношеніи, и не менѣе также въ отношеніи археологическомъ. Подборъ словъ въ языкѣ Кирилла и Меодія и ихъ учениковъ могъ отличаться отъ подбора словъ, допущеннаго ихъ продолжателями въ Болгаріи и на Руси, не только по словамъ общежитейскимъ, но также и по словамъ чисто-литературнымъ или книжнымъ. Вниманіе къ подбору словъ особенно важно, когда надобно хотъ приблизительно опредѣлить, независимо отъ правописанія, время и мѣсто первоначальнаго написанія памятника. Такъ на пр. извѣстно, что Константинъ философъ привезъ въ Римъ мощи св. Климента, имъ открытыя, а въ Макарьевскихъ четіяхъ-минейхъ подѣ 23 января помѣщено «Слово на принесеніе моще» пресла'наго Климента, историческою имоуще бесѣдоу іако Хѣоу помощію въ 5 тысячъ лѣтъ. и 6 мѣсѣцѣ (6469=861 г.) изыска'ши' его любе'но и вѣрно, іако изо инѣ' бо в Понтѣ восіа»,—и въ этомъ словѣ сочинитель объ обрѣтеніи мощей говоритъ все отъ своего времени какъ участникъ: «идоху» же до блженнаго ѡтока; съ архіереємъ идоху»; пѣніе же кондачское пѣти повелѣху», поставихомъ ракоу тоу» и т. д. Невольно является вопросъ: не самого ли это Константина философа слово? Какъ же это рѣшить, если не при помощи знанія подбора словъ, которымъ пользовался Константинъ философъ. Или вотъ еще припоминаніе для примѣра. Въ нѣсколькихъ спискахъ, между прочимъ и какъ предисловіе передъ евангеліемъ, сохранилось «блаженнаго ѡчителя нашего Константина философа слово, начинающееся такъ: «Прогласть естъ сѣго еѹлія іако же прѣци прорекли сѣтъ прѣжде. Хѣъ гра'еть ѣзыки събрати. рѣша бо они. слѣпи прозратъ. глаголюи ѡслышать слово ѡбѣщанъ?» Въ самомъ же началѣ его читаемъ: «тѣмъ же ѡслышите Словѣни вси. даръ бо съ Ѡ Бѣа данъ естъ. даръ бжии десныа части кого... се естъ даръ. Матѣен. Марко. Лоука и Ішанъ.... Слышите Словѣньскыи народъ

всь. слышите. слово отъ Б^{га} прииде..... тоуждимъ языкъмъ слышаще слово аки мѣдна звона гласъ слышите.» Какъ не спросить себя: Не слово ли это самого Константина философа первоучителя Славянскаго, или же какого другаго Константина, случайно названнаго философомъ? И какъ рѣшить этотъ вопросъ безъ помощи знанія языка Константина философа? Или еще. Есть два рода списковъ книги евангельскихъ чтеній, изъ которыхъ въ однихъ часто употребляется, вмѣстѣ съ нѣкоторыми особенными словами, прошедшее простое краткой формы (идомъ=идохомъ и т. п.), а въ другихъ ни этой формы -прошедшаго, ни тѣхъ особенныхъ словъ нѣтъ: въ какихъ же изъ этихъ двухъ родовъ списковъ должно преимущественно искать первообраза перевода книги евангельскихъ чтеній? Или же еще. Въ одномъ изъ сборниковъ XII вѣка есть слово, въ которомъ помѣщено такое описаніе богача, который «богато на земли живаше въ багърѣ и въ паволоцѣ хожаше»: «Кони нго тоучьни. иноходи. а(кы) ликъствоующе. златыми тварьми оукрашени. седьла нго позлащена. раби его предитекоуще мнози. въ брачинѣ. и въ гривьнахъ златахъ. а друози и по задѣ въ монистѣхъ и въ оброучихъ. и отъ мноудь рещи въ велицѣ славѣ нза. на обѣдѣ же слоужьба бѣ многа. съсоуди златъмъ съковани и сребромъ. брашно много и различно. тетера. гоуси. жеравие. рабі. голоуби. коури. запаци. клени. вепреве. дичина. чамъри. търтове. печени. крѣпаниа. шемлизи. пирове. пѣтъкы. множество сокачни. работающе. и дѣлающе съ потъмъ. и мнози текоуще. и на пѣрстѣхъ блюда носаше. ини же махающе съ болзнию. чашѣ сребрьны великыа позлащены. коубци и котыи. питикъ же многок. медъ и квась. вино. медъ чистыи. пѣпъраныи. питиа обнощяна. съ гоусьми и свирѣльми. веселикъ многок. ласкавци. шѣпилкве. празднословци. смѣхословци. пласаниа. мързости. въплеве. пѣсни. готовятъ же кмоу и одръ настѣланъ перинъ паволочитыхъ. възлежающю же кмоу. и не могоущю оусвоути друози кмоу нозѣ гладать. ини по ладвыамъ тѣшатъ нго. ини по плечема чишють. и ини гоудоууть. и ини бають кмоу. и коционать.» Ужели языкъ этого слова позволительно назвать просто Старо-Славянскимъ, не позаботясь опредѣлить, какая именно страна наложила на

него свою особенную печать: не Русская ли это земля, издавна любимая покушать въ сласть, или не Македонія ли, на примѣръ, земля богатой Солуни, сосѣдки Византійскаго поморья, или же не Болгарія ли, въ которую сильно проникала пышность Цареградская, или же одинъ изъ Сербскихъ краевъ, или ужь не Моравія ли, подчиненная Нѣмецкому вліянію, по которому могли зайти къ Славянамъ съ шпілями и шемлиги, и торты, въ словѣ упоминаемые? Къ стати приведу тоже мѣсто этого слова изъ другого сборника тоже XII вѣка, гдѣ кое что опущено и кое что новое вставлено: «Тѣ богатѣи на земли живаше. и въ багърѣ хожаше кони его *бѣм* бѣша. златѣмъ оукрашени. сѣдѣла нго позлащена. раби нго предѣтекоуще мнози. въ брачинѣ и въ гривнахъ златахъ. а друзѣи съ зада оброчѣи и мниста носаше. и отъ иноудѣ рещѣ въ велицѣ славѣ излаза. на обѣдѣ же нго слоужьба бѣ многа. злата и срѣбръна. вино много. тетера гоуси жеравик. и раби голоуби коури заплѣи и клени. множество сокачѣи работающе и дѣлающе съ потѣмъ. нѣи мѣнози текоуще и на пѣрстѣхъ блюди носаше. нѣи же махающе съ боизнику. нѣи же срѣбръныи оумывальница дѣржаще. нѣи же оукропѣница дѣмоуще нѣи стѣкланица съ виномъ носяще. и ти вси троужаахоуса тѣщащеса нѣдинобогатааго чрѣво насытити. готоваше нмоу и одрѣ слоновъ съ прѣтѣканими понавами свильными макѣками. възлежашю же нмоу и не могѣшю оусѣноути. друзѣи нозѣ нмоу гладать. нѣи по ладвѣиамъ тѣшати нго. нѣи бакѣти нмоу. нѣи гоудоути нмоу». Случайно ли явились разночтенія въ этихъ двухъ спискахъ или не случайно? Не обрисовываются ли въ нихъ обычаи двухъ краевъ? Не литераторамъ и археологамъ рѣшить это и подобные вопросы безъ помощи филологѣи, а филологамъ, понимающимъ нужды литературы и археологѣи. Какъ же они рѣшатъ, если начнутъ тѣмъ, что смѣшаютъ всѣ древнія Славянскія нарѣчія въ одно?

И какъ воспользуется этою смѣсью составитель обще-Славянскаго словаря, если захочетъ подумать, что къ его труду будутъ обращаться всѣ изслѣдователи, литераторы, археологи такъ же какъ и языкословы? Каждое сколько нибудь задачное слово поставитъ его въ тупикъ: точно ли оно Старо-Славянское,

не Болгарское ли, не Русское ли, не Сербское ли? И затѣмъ онъ и самому себѣ и другимъ можетъ показаться бѣднякомъ, достойнымъ состраданія, въ родѣ того богача, у котораго куча разныхъ бумажныхъ денегъ, и нѣтъ знанія, какія гдѣ и какъ идутъ.

Отдѣльнаго словаря чисто Старо-Славянскаго нарѣчія нѣтъ въ печати, слѣдовательно нѣтъ для составителя обще-Славянскаго словаря пособія самаго важнаго. Онъ долженъ самъ выработать это пособіе по памятникамъ, критически, или ждать, пока кто другой не издастъ такого, для него необходимаго труда.

Но положимъ, можно обойтись и безъ этого, довольно ли полонъ запасъ словъ, взятыхъ изъ письменныхъ памятниковъ Церковно-Славянскихъ, чтобы имъ можно было довольствоваться при составленіи обще-Славянскаго словаря? Нѣтъ, вовсе неполонъ, неполонъ даже въ отношеніи къ тѣмъ словамъ, которыя должны быть извлечены изъ перевода библіи, не только въ отношеніи къ словамъ изъ житій святыхъ, хроникъ, кормчихъ, пчелъ, твореній отцевъ церкви, служебниковъ и другихъ церковныхъ книгъ. Что бы доказать это наглядно, считаю не лишнимъ вспомнить о томъ какъ составленъ Словарь Востокова и Миклошича. Читая памятники, Востоковъ обращалъ вниманіе почти исключительно на слова болѣе замѣчательныя, необыкновенныя, рѣдкія, и опускалъ изъ виду слова не требовавшія объясненія: вотъ отъ чего для дополненія его онъ счелъ нужнымъ воспользоваться словаремъ Миклошича, который выбиралъ множество словъ изъ Русскихъ словарей, Алексѣева и Академическаго. Съ своей стороны Миклошичъ, въ новомъ изданіи своего Словаря, воспользовавшись Словаремъ Востокова, не могъ изъ древнихъ памятниковъ, которыми пользовался Востоковъ, взять ничего кромѣ того, что есть у Востокова. Кругомъ только замѣчательныхъ словъ ограничивались въ своихъ наблюденіяхъ и ученые составители Описанія рукописей Синодальной бібліотеки, изъ котораго Миклошичъ почерпнулъ значительную долю своего словарнаго запаса, а потому и изъ этихъ памятниковъ въ словарь Миклошича есть только кое что. Могъ онъ воспользоваться только четырьмя книгами этого Описанія; а слѣдовательно есть у него слова, отмѣченныя только въ

этихъ книгахъ. За четвертой книгой выдутъ по крайней мѣрѣ еще четыре, и довольно сказать, что тамъ будутъ богослужбныя книги и кормчія, чтобы представить, сколько явится тамъ новаго для дополненія печатнаго запаса.

Б) ПО НАРѢЧІЮ БОЛГАРСКОМУ ДРЕВНЕМУ И НОВОМУ.

Матеріалъ для словаря древняго Болгарскаго нарѣчія, матеріалъ богатый, только не-отдѣленный, лежитъ въ словаряхъ, о которыхъ выше было упомянуто. Чтобы его отдѣлить, надобно снова трудиться. Надобно выдѣлить прежде изъ древнихъ памятниковъ чисто Болгарскіе, и потомъ изъ нихъ составить словарь. Можетъ быть это у кого нибудь уже и сдѣлано или начато, а можетъ быть и ни у кого не подвинуть этотъ трудъ на столько, что можно бы было надѣяться на скорый выходъ его въ свѣтъ. Составителю обще-Славянскаго Словаря и этотъ трудъ придется взять на себя.

По новому Болгарскому нарѣчію окончательно не сдѣлано ничего сколько нибудь удовлетворительнаго. Самый важный матеріалъ находится въ книгѣ П. Безсонова «Болгарскія пѣсни» (М. 1855), при которой есть указатель словъ Болгарскихъ, въ самой книгѣ изъясняемыхъ; но такихъ словъ въ указателѣ отмѣчено менѣе 2000. Есть словарики при собраніяхъ Болгарскихъ пѣсенъ Верковича (Бѣлградъ 1860), и братьевъ Милановичей (Загребъ. 1861), въ книгѣ Памятниковъ народнаго быта Болгаръ (М. 1861) и другихъ; но въ этихъ словарикахъ помѣщены слова менѣе понятныя, а не всѣ. Словарикъ при грамматикѣ братьевъ Цанковыхъ, *Grammatik der Bulgarischen Sprache* (Вѣна. 1852), не таковъ, но все-таки очень бѣденъ содержаніемъ: въ немъ съ небольшимъ 5000 словъ, въ числѣ которыхъ большая часть производныхъ и сложныхъ. Подъ моею редакціей началось было изданіе значительнаго труда г. Герова въ Матеріалахъ, издававшихся при Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія Академіи (111: 177—240, 273—304, 369—400); но къ сожалѣнію остановилось на началѣ. Приготовленъ вполнѣ ручной словарь Болгарскій съ Нѣмецкимъ переводомъ однимъ изъ Болгаръ, получившимъ образованіе въ Германіи; но

изданіе его отъ чего то замедлилось. Рукописные матеріалы для словаря новаго Болгарскаго нарѣчія сколько знаю, очень велики, и накопляться стали издавна. Если бы можно было собрать ихъ, то навѣрно вышелъ бы словарь довольно удовлетворительный. Сужу по моему собранію, какъ по одной изъ долей. Во всякомъ случаѣ, пока удовлетворительный словарь новаго Болгарскаго нарѣчія не будетъ изданъ, о составленіи Славянскаго словаря по всѣмъ нарѣчіямъ думать нельзя.

В) ПО НАРѢЧІЯМЪ СЕРБСКОМУ И ХОРВАТСКОМУ ДРЕВНЕМУ И НОВОМУ.

Эти два нарѣчія, и очень близко сродныя одно съ другимъ и очень отличныя по нѣкоторымъ важнымъ долямъ состава, могутъ, кажется мнѣ, заставить задуматься любого изслѣдователя. То, что сдѣлано по этимъ нарѣчіямъ въ отношеніи словарномъ, большею частію можетъ только запутать изслѣдователя, а не облегчить его думу.

По древнему Сербскому есть теперь трудъ, достойный полной признательности: это Ю. Даничича «Рјечникъ изъ книжевнихъ старина Српскихъ» (Бѣлградъ 1863. Три тома въ м. 8—у: 1638 стр.) Нельзя его назвать словаремъ полнымъ, но нельзя не назвать богатымъ сборникомъ словъ, сдѣланнымъ съ Востоковскою добросовѣстностью. Изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ словарей по древнимъ нарѣчіямъ Славянскимъ это самый лучший.

Можно было бы желать и ожидать такого же словаря по памятникамъ Хорватскимъ, которыхъ еще болѣе, чѣмъ Сербскихъ; но такого нѣтъ—и охотникамъ взяться за дѣло поставлена, мнѣ кажется, такая преграда, которую одолѣть не легко: я разумѣю изданіе глубокоуважаемаго Кукулевича Сакцинскаго, издающаго Monumenta historica Slavorum meridionalium, и въ первомъ томѣ своего сборника помѣстившаго Acta Croatica Listine Hrvatzke (Загребъ, 1863), а въ слѣдующихъ затѣмъ томахъ готовящагося издать Pisce Scriptores и Zakone Leges,—конечно, такъ же, какъ изданъ первый томъ. Въ первомъ томѣ напечатано слишкомъ триста грамотъ и записей—почти всѣ глаголицею. Очень можно уважать глаголицу, считать драго-

цѣнностью всякій листокъ древняго глаголическаго письма, и все-таки читать книгу, напечатанную глаголицей, съ крайнимъ затрудненіемъ. Позволяю себѣ думать, что едва ли гдѣ въ мірѣ можно найти человѣка, думающаго совершенно иначе и не сочтущаго чѣмъ то въ родѣ наказанія для себя обязанность извлекать данныя для грамматики и словаря изъ книги глаголической.

Положивъ разъ навсегда, что древніе памятники Сербо-Хорватскаго отдѣла, писанные кириллицей, суть Сербскіе, а писанные глаголицей и латиницей суть Хорватскіе, мы конечно избѣгаемъ затрудненія въ отдѣленіи нарѣчій Сербскаго и Хорватскаго; но положить это безъ исключеній нельзя. Сербы не всѣ были всегда православные и Хорваты не всѣ избѣгали кириллицы, какъ это видно отчасти и по указанному сборнику Хорватскихъ актовъ. Еще затруднительнѣе отдѣлить рѣзко одно отъ другаго нарѣчія Сербское и Хорватское въ ихъ новомъ видѣ въ отношеніи словарномъ, по словарямъ доселѣ изданнымъ.

Исключеніе можно сдѣлать только одно—это Српски рјечник *Lexicon Serbico-Germanico-Latinum* Вука Стеф. Караджича (Вѣна 1852), великолѣпное произведеніе знатока дѣла, сильнаго даровитостью и стойкостью, произведеніе, которому равнаго нѣтъ ни для одного изъ Славянскихъ нарѣчій, а можетъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи и ни для одного изъ живыхъ языковъ Европейскихъ. Это — словарь нарѣчія Сербскаго народнаго, чрезвычайно богатый, обстоятельный, вѣрный.

Отдѣляя его въ сторону, обратясь къ другимъ словарямъ, очень почтеннымъ, очень полезнымъ, мы вступаемъ въ чащу лѣса, въ которой чуть не на каждомъ шагу что нибудь мѣшается. Вотъ нѣкоторые изъ словарей, сюда относящихся, какъ мнѣ кажется, болѣе важные:

— *Я. Микам*, *Blago jezika Slovinskoga ili Slovník u komu izgovaraju se rjeci Slovinski, Latinski i Diacki* (Lauret. 1649).

— *Ю. Хабделичъ*, *Dictionar ili réchi Szlowenzske z vexega ukup zebrane, u red posztaulene i Dyachkemu zlahkotene* (Градецъ. 1670).

— *А. Делла Белла* *Dizionario Italiano-Latino-Illirico*. (Венеція. 1728).

— I. *Бѣлостѣнецъ*, *Gazophylaciym seu Latino-Illyricorum opomatium aegarium* (Загребъ. 1740). Вторая часть его: *Gazophylacium Illyrico Latinum*.

— I. *Вольтиджи*, *Ricsoslovnik Illirickoga, Italianskoga i Nimacskoga jezika* (Вѣна. 1802).

— I. *Стулли*, *Rjecsosloxye Slovinsko-Italiansko-Latinsko* (Дубровникъ, 1806. 2 тома). Къ этимъ двумъ томамъ относятся еще четыре, изъ которыхъ два заняты Латино-Италянско-Словинскимъ и два Италянско-Латино-Словинскимъ словаремъ.

Есть чѣмъ пользоваться; но какъ? Относить ли все, чего нѣтъ въ словарь Вука Караджича, къ нарѣчію Хорватскому? Нельзя; даже уже потому, что этимъ не обозначится, что обще обоимъ нарѣчіямъ, и Сербскому и Хорватскому. Относить ли всѣ слова, за исключеніемъ чисто книжныхъ искусственныхъ, и къ тому и къ другому нарѣчію? Тоже нельзя, какъ скажутъ въ одно и Хорваты и Сербы. Выбирать ли по произволу одно для Сербскаго, другое для Хорватскаго? Тоже нельзя. Ничего нельзя; а между тѣмъ составители этихъ словарей, люди почтенные, дѣло дѣлали не кое какъ: одни пользовались писателями и ссылались на нихъ, другіе отмѣчали даже при нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ именно они употребляются, и тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ, кто подъ общимъ именемъ языка Словинскаго, кто подъ общимъ именемъ Иллирскаго языка, смѣшивалъ нарѣчія Хорватское и Сербское, какъ это нерѣдко дѣлали и дѣлаютъ доселѣ писатели, употребляющіе латинскую азбуку. Никто изъ нихъ не чувствовалъ научной нужды отдѣлять одно нарѣчіе отъ другаго, и всѣ чувствовали нужду-обогащить словарь нужными и приличными словами. Только общимъ выраженіемъ можно сказать, что Микали и Делла-Белла обогатили свои словари словами Сербскими изъ Босны, Бѣлостенецъ свой Словарь всѣми поморскими, Хабделичъ и Вольтиджи свои — Хорватскими, Стулли свой — словами изъ писателей Дубровницкихъ; но вѣра этому вообще, нечемъ руководствоваться въ частности.

Выходитъ, что по крайней мѣрѣ составъ Хорватскаго нарѣчія остается неопредѣленнымъ, что, слѣдовательно, предстоитъ его опредѣлить. Работа нелегкая, тѣмъ болѣе, что не всякому Хорвату можно и поручить ее: надо, чтобы онъ не былъ убѣж-

день, что Сербскаго нарѣчія нѣтъ и что есть только Хорватское.

Но допустимъ, что и дѣйствительно оба нарѣчія одно нарѣчіе, или что одно отъ другаго уже обстоятельно отдѣлены, и спросимъ, дѣйствительно ли словари этихъ двухъ близнецовъ-нарѣчій такъ полны, какъ можетъ казаться и какъ можетъ желать составитель обще-Славянскаго словаря. Отвѣчая самъ за себя, по своимъ частнымъ запасамъ, сказать неотрицательно не могу. Вотъ для примѣра нѣсколько Сербскихъ словъ, по азбучному порядку, невошедшихъ въ словарь В. Караджича, выбранныхъ изъ пѣсенъ:

- *Бабовина* — отцовское наслѣдье.
- *Безмила* — немилосердо.
- *Белай* — бѣда.
- *Бесплодкиня* — бесплодная.
- *Билје* — отравя, талисманъ.
- *Билъовито* — обстоятельно, фактически.
- *Бистри* — свѣтлый (цвѣтъ оружія, напитка).
- *Бити земљом* — странствовать.
- *Богаз* — горло (у лисицы).
- *Бојали* — пестрый.
- *Болесвић* — сынъ болега т. е. лучшаго, по противоположности съ *грѣсвић*, сынъ грѣха, т. е. худшаго.
- *Блатовити* — болотистый.
- *Глечни* — блеющий (объ овцахъ).
- *Бржати* — спѣшить.
- *Буковина* — буковая листва.
- *Буковица шума* — буковой лѣсъ.
- *Булетина* — бабище.
- *Бугје* — буковая кора.
- *Вальати сузе* — проливать слезы.
- *Везени* — пестрый.
- *Вет* — 1) тоже что већ 2) именно.
- *Видити се на чуду* — удивляться.
- *Виѣати* — разсудить.
- *Вилати* — рьяный (о конѣ).
- *Вилен* — рьяный (о конѣ), бойкій (о дѣвушкѣ и т. д.).

г) по нарѣчію Словинскому-Хорутанскому.

О древнемъ нарѣчіи Славянъ-Хорутанскихъ, кажется, не можетъ быть рѣчи: памятниковъ не осталось. Во Фреинзингенскихъ статьяхъ отзывается только выговоръ этого нарѣчія; а по подбору словъ едва ли ихъ не должно отнести къ Старо-Славянскому нарѣчію. Да если бы ихъ и отнести къ Хорутанскому нарѣчію, то все же они дадутъ матеріалъ очень бѣдный. Зато богато нарѣчіе новое, богато и вообще, богато и разнообразіемъ мѣстныхъ говоровъ. И есть словари; есть и нѣсколько замѣчательныхъ, на пр.

— У. Ярнигъ Versuch eines Etymologykons der Slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich (Клагенфуртъ 1832).

— А. Мурко, Slovénsko-Némshki in Némsko-Slovénski rozni besédnik, Deutsch-Slowenisches und Slowenisch-Deutsches Handwörterbuch. (Градецъ. 1833. 2 тома въ 8-у).

— А. Янежичъ, Popolni ročni Slovár Slovénskega in Némškega jezika. Vollständiges Taschen-Wörterbuch der Slovenischen und Deutschen Sprache (Клагенфуртъ. 1851. 2 тома въ 16-ю долю).

Нельзя не пожалѣть, что ни въ одномъ изъ этихъ словарей не употреблено такое правописаніе, которое бы въ достаточной мѣрѣ выражало выговоръ нарѣчія, отличающагося нѣкоторыми важными особенностями, и между прочимъ обиліемъ глухихъ полугласныхъ, въ которыя легко переходятъ всѣ гласныя, выговаривающіяся кратко, и частымъ употребленіемъ двугласныхъ, въ которыя легко переходятъ гласныя долгія. Это одно заставитъ составителя обще-Славянскаго словаря придти въ непреодолимое недоумѣніе, если только онъ не вполне владѣетъ нарѣчіемъ, и то еще не однимъ какимъ нибудь говоромъ, а нѣсколькими, потому что произношеніе Словинцевъ въ разныхъ краяхъ довольно различно. Вмеѣстѣ съ тѣмъ нельзя назвать эти словари достаточно полными складами словъ. Многія любопытныя слова пропущены, такъ что и печатныхъ книгъ нельзя читать съ помощію этихъ словарей, съ увѣренностью, что найдешь въ нихъ каждое слово. Для примѣ-

ра выпиcываю страничку изъ книжки Примипца (Novi Némshko Slovénshki bukvar. Gräts. 1814).

Krave múkajo (múlijo), vòl (júnec) ino bik (buk) bučíta. Žrébec (žeber) rajnisar, celák ino koň rezačeta (heržeta, razgéceta). Osel riga (giga, tuli). Ovca (biča) bekeče (biči, beketá). Koza mekeče (meketa). Svinje (prasiči) krúlijo, króvkajo, krózijo krohajo. Kokoši kokotajo (kokodákajo), kokodaškajo, kokadáčejo, jáškajo. Petelin (kokot) poje (kriči, kikiriká). Gós (goska) goga (žlabra, žlobudrá, hrigrá, hringrá, hrigreta). Golób gruli (gerzhí). Ptiči šverglájo (švergolé). Šínkovec (činkovec, vzéba) poje. Slavič (slavic) poje. Škvrjánec švergoli. Gërlica (ptútika) gerčí (grúli, gerjúli). Šoga (Šoja, Šojic) se dére. Žerjav (grúh) krívka (krávka, pravi: krív kriv). Sova se vjéda. Mačka mavka (mijavka). Pes lója. Volk (vovk, vuk) tuli. Medved momlá (renčí). Lev rijóve. Lesica (lisica) laja (bévka). Zajic (zavec, zeje) večí (véka). Žaba raglá. Gad žvižga. Gril (šurk) škriple. Čebéla (čmela, bučéla) breňčí (buči). Vsaka živál (vsako zivínče) se drugací glasi.

Большей части здѣсь употребленныхъ любопытныхъ словъ въ словаряхъ нѣтъ. Не правда ли, что и по словарю Словинскаго нарѣчія надобно еще работать прежде чѣмъ онъ станетъ удовлетворительнымъ пособіемъ при составленіи обще-Славянскаго словаря?

д) по нарѣчіямъ: Словенскому и Чешскому древнему и новому.

Великолѣпное произведение *I. Юнмана* Slownik Česko-Něšesky (Прага 1835—1839, пять большихъ томовъ, около 5000 стр. въ 2 столбца въ 4-у.) представляетъ очень обильный запасъ словъ не только Чешскихъ и Моравскихъ, но и Словенскихъ, съ очень обширными пояснительными извлеченіями изъ писателей и произведеній народной словесности, словъ древнихъ, старинныхъ и новыхъ, простыхъ, техническихъ и книжныхъ, тутъ же и именъ собственныхъ лицъ и мѣстъ. Такого обширнаго запаса словъ нѣтъ ни для одного изъ остальныхъ Славянскихъ нарѣчій. Въ него вошло все, что стоило того, изъ всѣхъ прежде изданныхъ словарей, и очень многое, чего ни въ

одномъ изъ нихъ не было, а нѣкоторые изъ словарей были составлены людьми дѣльными и очень дѣльно, каковы на пр.

— *Ю. Пажовичъ*, Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke Пресбургъ. 1821. 2 тома въ 6. 8-у 3300 столб.).

— *И. Добровскій*, Deutsch-Böhmisches Wörterbuch. (Прага 1821. 2 тома въ 4-у 916 стр.).

— *А. Бернолакъ*, Slowák Slowenský Česko-Latinsko-Německo-Uhersky (Буда. 1825).

— *В. Гамка*, Sbirka nejdownějšich slovníků. (Прага. 1833).

Составитель обще-Славянскаго словаря обратится къ Словарю Юнгмана съ довѣріемъ къ богатству и вѣрности матеріала, въ немъ собраннаго. Онъ можетъ изъ него отобрать для себя отдѣльно и слова древнія, и слова областныя, Чешскія, Моравскія, Словенскія, не говоря уже о словахъ, которыя можно признать общими во всѣхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ этой отрасли Славянъ. Это отбирание словъ по отдѣламъ не можетъ быть однако имъ окончено съ такимъ же самодовольствомъ, съ какимъ возмется онъ за работу въ началѣ.

Отобравъ изъ Юнгманова словаря слова древнія (что и было дѣлаемо), труженикъ увидитъ, что многихъ важныхъ словъ не достаетъ, и принужденъ будетъ заключить, что или этихъ желаемыхъ и недостающихъ словъ не встрѣтилось въ памятникахъ, или же, что они, по какой бы то ни было причинѣ, въ словарь Юнгмана не вошли. Онъ обратится къ памятникамъ, издаваемымъ вполнѣ, къ печатнымъ извлеченіямъ изъ неизданныхъ памятниковъ, станетъ въ нихъ искать желаемыхъ словъ, и дѣйствительно найдетъ многія. Невольно явится мысль, нельзя ли найти и еще хотъ нѣкоторые изъ желаемыхъ словъ въ памятникахъ неизданныхъ, спросить знатоковъ читавшихъ эти памятники, и дѣйствительно узнаетъ, что въ нихъ есть такія слова, что нѣкоторые изъ нихъ отмѣчены даже въ изслѣдованіяхъ печатныхъ. Что же ему придется дѣлать? Составлять отдѣльно словарь древняго Чешско-Словенскаго нарѣчія, по памятникамъ, и при этомъ къ стати пользоваться тѣми новыми частными словариками и объясненіями словъ, которые предложены были

послѣ изданія Юнгманова словаря самимъ Юнгманомъ и другими Чешскими учеными.

Такую же работу придется ему взять на себя и по мѣстнымъ нарѣчіямъ Чешской земли, Моравіи, Словенской Венгріи. Обратится ли изслѣдователь къ печатнымъ сборникамъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и пословицъ, къ печатнымъ же описаніямъ народныхъ обычаевъ и повѣрій, въ каждомъ такомъ вкладѣ въ сокровищницу народознанія найдетъ онъ то, чего нѣтъ въ словарѣ Юнгмана; захочетъ ли самъ собирать слова въ народѣ, неподалеку даже отъ Праги, услышитъ слова, дорогія для изслѣдователя и тѣмъ не менѣе невнесенныя въ словарь Юнгмана. И очень естественно: Юнгманъ составлялъ свой словарь тогда, когда на простонародный языкъ еще мало обращали вниманія, когда надобно еще было это вниманіе пробуждать и даже писателей усовѣщивать, чтобы они не пренебрегали чистымъ народнымъ складомъ, чисто-народною выразительностью рѣчи; тогда и дѣтскія сказки иные пересказывали еще языкомъ диссертаций. Юнгманъ съ Ганкою, Челяковскимъ, Лангеромъ, хлопотали объ этомъ и не всегда успѣшно. Эрбена, Сушила, Баженовой еще не было. Не было и порядочныхъ богатыхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Нарѣчія горныхъ и восточныхъ Словаковъ почти не были извѣстны. Теперь уже не то, хотя и теперь еще—то современные новости и политика, то повѣсти и романы ставятъ себя на перекоръ филологическимъ стремленіямъ въ людяхъ, могущихъ всего болѣе быть полезными своему народу именно филологическими трудами.

Чтобы показать, что неголословно говорю я о неполнотѣ Юнгманова словаря, припомню о *Dodatkách* къ нему, изданныхъ Челяковскимъ (Прага. 1851), гдѣ сказано между прочимъ и вотъ что: *Nepřečtení jsou, tím méně veskrz použiti z nejedné stránky známi mnozi starši pokladové literatury naše, novi pak se čas od času vždy ještě objevují. A jak mnohý mimo to jadrný výraz skrývá se posud po odlehlejších krajinách jako řídka rostlina v tajném zákoutí, výcházeje na jevo toliko při jisté příležitosti a jen pozorlivému sluchu se naskýtáje.*

И такъ даже и по нарѣчіямъ Чешскому и Словенскому составитель обще-Славянскаго словаря не можетъ быть покоенъ,

и долженъ работать надъ собираніемъ матеріаловъ, прежде чѣмъ возмется за окончательный сводный трудъ.

в) по нарѣчіямъ Сербскимъ-Лужицкимъ.

О древнемъ языкѣ Сербовъ-Лужичанъ печатно пока еще не было рѣчи; а между тѣмъ изслѣдовать его и должно и можно. Что должно, это само собою разумѣется, если только можно; а что можно, на это указываютъ съ одной стороны остатки средне-Лужицкаго нарѣчія, въ которомъ соединяются черты отличія двухъ остальныхъ нарѣчій, горнаго и дольнаго, а съ другой стороны — остатки древняго языка, сохранившіеся въ Латинскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ, незначительные, если взять каждый отдѣльно (выраженіе *u kři volsa*, записанное Титмаромъ, одно изъ самыхъ значительныхъ), и очень важные, если взять ихъ всѣ вмѣстѣ и дополнить и провѣрить одни другими. Имѣвъ возможность заняться этимъ очень мало и потому не смѣя говорить болѣе, ограничусь пожеланіемъ, чтобы кто нибудь другой разработалъ это обстоятельно.

Что касается до новыхъ Сербо-Лужицкихъ нарѣчій, изъ которыхъ два, горное и дольное, рѣзче отдѣлились одно отъ другого и вмѣстѣ съ тѣмъ получили нѣкоторое литературное значеніе, то они въ отношеніи къ ихъ словарному изученію не могутъ представить никакой особенной трудности — даже и потому что самого народа, ихъ употребляющаго, очень немного (около 150,000). По двумъ вышеозначеннымъ нарѣчіямъ есть и словари.

По нарѣчію горному, былъ уже довольно большой словарь почти за двѣсти лѣтъ передъ этимъ: это произведение *А. Френцеля* *De originibus linguae Sorabicae liber I et II* (Будишинъ, 1690, 1062 стр. въ 4-у), данъ ученаго человѣка когда то модному Еврейскому направленію филологіи. За тѣмъ вышло нѣсколько другихъ, не столь замѣчательныхъ, а въ послѣднее время важный трудъ *Пауля*, *Горника* и *Смоляра* *Serbški Słownik, Vendisches Wörterbuch* (Будишинъ. 1860 — 1865; 1130 стр. въ 8-у). Это словарь не подробный, ограничивающійся почти исключительно однимъ переводомъ словъ на Нѣмецкій, безъ поя-

снятельныхъ выписокъ изъ памятниковъ народной словесности и т. п.; тѣмъ не менѣе очень обильный словами всякаго рода. Сравнивая съ рукописнымъ словаремъ Лубенскаго и съ этимологическимъ указателемъ, мною когда то составленнымъ при помощи И. И. Смоляра, я замѣтилъ въ немъ немного пропусковъ. Пользуясь имъ, составитель обще-Славянскаго словаря, можетъ быть, останется недовольнымъ болѣе всего тѣмъ, что въ немъ не отмѣчены слова литературнаго происхожденія.

Для дольнаго Сербско-Лужицкаго нарѣчія есть пока только одинъ небольшой словарь И. Цвара: *Niederlausits-Wendisch-Deutsches Handwörterbuch* (Спрембергъ. 1847. въ м. 8-у). Безъ сомнѣнія хорошо, что составленъ и изданъ хоть этотъ словарь; но быть имъ довольнымъ никто не можетъ. И Нѣмецкое правописаніе (по которому слово пустить съ шепелявымъ выговоромъ мягкихъ *s* и *ш* приходится написать *ruschtschisch*), для Нѣмецкаго языка имѣющее историческое значеніе, а для Славянскаго языка непригодное, и неудачное этимологическое расположеніе словъ, и неполнота, все заставляетъ желать, чтобы словарь этотъ былъ переѣланъ и дополненъ.

ж) по Балтійско-Славянскимъ нарѣчіямъ.

Нарѣчія тѣхъ Славянъ, которымъ Шафарикъ далъ названіе Полабскихъ = Поэльбскихъ, и которыхъ, кажется, правильнѣе назвать Балтійскими, такъ какъ они занимали преимущественно побережья Балтійскаго моря, доселѣ остаются почти совершенно неразработанными въ печатной литературѣ.

О древнемъ видѣ этихъ нарѣчій мало кто и думалъ, тогда какъ драгоценныя матеріалы для этого лежатъ въ Латинскихъ грамотахъ Померанскихъ, Бранденбургскихъ, Мекленбургскихъ и другихъ, гдѣ находятся во множествѣ и имена собственные особенно мѣстъ, и отдѣльныя слова и выраженія. Какъ бы хорошо было, еслибы кто нибудь изъ ученыхъ, основательно знающихъ Славянскій языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющихъ легкій доступъ (на случай нужды) къ самымъ подлинникамъ грамотъ, занялся выборомъ и разборомъ этого матеріала. Едва ли можно сомнѣваться, что эта работа, правда, скучноватая и невидная по

своей специальности, будетъ не маловажною въ общемъ дѣлѣ исторіи Славянскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ дѣлѣ составленія общаго Славянскаго словаря.

Что касается до новыхъ нарѣчій этого отдѣла, то и по Полабскому-Люнебургскому и Померанскому, сдѣлано также очень мало. Съ послѣднимъ изъ нихъ познакомилъ насъ А. О. Гильфердингъ въ своей превосходной статьѣ объ остаткахъ Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря (Этнографическій Сборникъ. V. Спб. 1862. стр. 1 — 191). Для изученія Полабскаго нарѣчія онъ также далъ прекрасный новый матеріалъ въ «Памятникахъ нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ», изданныхъ въ числѣ Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности (при Извѣстіяхъ Академіи, Спб. 1856. стр. 133 — 480) и отдѣльно (Спб. 1856). Новый трудъ д-ра Пфуля, собраніе всѣхъ старинныхъ словарей Полабскаго нарѣчія, печатаемое въ Часописѣ Сербо-Лужицкой матицы, такъ же очень важенъ. Но все это матеріалъ, которымъ для словаря надобно еще воспользоваться, и воспользоваться имъ для словаря очень нелегко, потому что надобно имѣть дѣло съ варварскимъ правописаніемъ, и даже съ незнаніемъ и съ грубыми ошибками тѣхъ, которые въ старое время записывали факты языка.

з) по нарѣчію Польскому древнему и новому.

Въ послѣдніе годы число изданныхъ памятниковъ древняго Польскаго нарѣчія, особенно трудами г. Мацѣвскаго, значительно увеличилось. Изъ нихъ можно уже выбрать значительное количество словъ. Всѣ эти памятники принадлежатъ впрочемъ тому времени, когда въ Польскомъ нарѣчій уже образовался нынѣшній шепелявый выговоръ мягкаго *р* и мягкихъ губныхъ *д* и *т*. Есть множество данныхъ о Польскомъ нарѣчій времени болѣе давняго, того времени, когда въ Польскомъ нарѣчій эти признаки еще не существовали: они заключаются въ Латинскихъ грамотахъ. На нихъ печатно еще не было обращено вниманія; отъ этого еще не выходитъ что они и не стоятъ вниманія. Напротивъ того: имъ надобно дать мѣсто въ числѣ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для древняго періода исторіи

Славянскаго языка въ его мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ими нельзя не воспользоваться и въ обще-Славянскомъ словарѣ. Выбравъ этотъ матеріалъ, я смѣло могу сказать, что изъ него извлекается нѣсколько положительныхъ данныхъ объ отличіяхъ древняго Польскаго языка, какимъ онъ былъ до половины XIII вѣка. и что для словаря въ немъ есть довольно много драгоцѣнныхъ данныхъ.

Словари новаго Польскаго, и именно господствующаго въ литературѣ нарѣчія, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ къ числу лучшихъ. Особенно почтены должны быть, не говоря о старыхъ и короткихъ, слѣдующіе:

— *С. Б. Линде*, Słownik języka Polskiego (1-е изданіе, въ Варшавѣ, 1807—1813, 6 томовъ въ 4-у, 2-е изданіе въ Львовѣ, 1854—1860, 6 томовъ въ 4-у).

— Słownik Polsko Francuzki. (Berlin: три большихъ тома въ 18-долю).

— *Н. Ждановича* и др. Słownik języka Polskiego. (1857 — Вильно).

Не смотря впрочемъ на достоинство этихъ словарей, составитель обще-Славянскаго словаря не останется и ими совершенно доволенъ: слова книжнаго происхожденія въ нихъ не отличены отъ народныхъ, а народныя слова, непринятые въ литературѣ, попались въ нихъ украдкой. Изъ памятниковъ народной словесности слова для нихъ не выбирались. Тѣмъ менѣе могли въ нихъ войти слова мѣстныхъ говоровъ. Въ этомъ отношеніи съ признательностью можно вспомнить о словарѣ Мронговіуса; но и въ немъ дано мѣсто преимущественно словамъ Кашубскимъ. Слова же другихъ мѣстныхъ говоровъ, даже и отмѣченныя въ разныхъ этнографическихъ статьяхъ, не вошли ни въ одинъ словарь, а если и вошли, то почти всегда закрытыя общепринятымъ выговоромъ. Очевидно, что надобно ожидать словаря мѣстныхъ Польскихъ говоровъ.

и) По Русскому нарѣчію древнему и новому.

Въ древнихъ памятникахъ Русскаго письма, начиная отъ XI вѣка, находится огромное количество данныхъ о древнемъ

языкъ Русскомъ, нѣкоторыми рѣзкими чертами отличавшемся отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій и въ строѣ, и еще болѣе въ составѣ своемъ. Многія слова найдены пока изъ всѣхъ Кирилловскихъ памятниковъ только въ Русскихъ, или въ такихъ, которые именно по такимъ словамъ должны быть поставлены въ числѣ памятниковъ Русской редакціи. Не забудемъ при этомъ, что ни на одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій не сохранились памятники столь разнообразнаго содержанія, какъ на древнемъ Русскомъ; ни на одномъ на пр. не сохранилось ни лѣтописей и историческихъ сказаній, ни столько памятниковъ законодательныхъ и вообще юридическаго быта, ни различныхъ записей отдѣльно, при книгахъ и на вещахъ. Для словаря Русскаго языка по древнимъ памятникамъ матеріалъ выбранъ почти весь; но къ его изданію еще не приступлено; а бѣзъ такого словаря едва ли можно приступить къ составленію обще-Славянскаго словаря.

Словарей новыхъ Русскихъ нарѣчій довольно много и въ нихъ собрано очень много матеріала; но сказать, что этотъ матеріалъ въ нихъ критически разобранъ, нельзя, а еще менѣе можно сказать, что не опущено въ нихъ и кое что важное. Нѣкоторые же изъ словарей только начаты изданіемъ.

Изъ оконченныхъ должны быть особенно уважены:

— Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ (СПб. 1847, 4 тома въ 4-у).

— *Ф. Рейфа*, Этимологическій словарь Русскаго языка (СПб. 1835, въ 6. 8-у 1390 стр.).

— *Ө. Шимкевича*, Корнесловъ Русскаго языка (СПб. 1842, въ 8-у).

— Опытъ Областнаго Великорусскаго словаря, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ (СПб. 1852, въ 4-у). Дополненіе къ опыту Областнаго Великорусскаго словаря (СПб. 1856, въ 4-у).

Оканчивается печатаніемъ:

— *В. Даля*, Толковый словарь живаго Великорусскаго языка (М. 1861—1866 въ 6. 4 у).

Начаты изданіемъ:

— Словарь Малорусскаго нарѣчія, предпринятый подъ покровительствомъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

— Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, составленный *И. Носовичемъ* и издаваемый Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, подъ редакціей одного изъ ея членовъ.

Огромное количество матеріала для дополненія изданныхъ и восполненія начатыхъ словарныхъ трудовъ по Русскимъ нарѣчіямъ уже напечатано въ разныхъ повременныхъ сборникахъ, въ Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и въ Извѣстіяхъ—2-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, въ Этнографическомъ сборникѣ и другихъ изданіяхъ Географическаго общества, въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ разныхъ частныхъ сборникахъ и журналахъ, не говоря уже о специальныхъ словаряхъ, технологическихъ, ботаническихъ, медицинскихъ и т. п. Одинъ списокъ книгъ и статей, гдѣ помѣщены болѣе или менѣе важныя матеріалы, составилъ бы большую книгу. И все это, конечно, должно быть перебрано, критически разсмотрѣно и приведено въ порядокъ. А сколько еще неизданнаго матеріала и въ частныхъ рукахъ, и въ архивѣ Географическаго общества! Пройдетъ вѣроятно, много много времени, пока все это въ должномъ видѣ явится въ свѣтъ. До тѣхъ же поръ не знаю, какъ бы дѣлалъ свое дѣло составитель обще-Славянскаго словаря.

III.

Пересмотръ того, что сдѣлано печатно по словарямъ Славянскихъ нарѣчій, приводитъ естественно къ заключенію, что за составленіе общаго Славянскаго словаря браться еще рано, если только имѣть въ виду не простой сборъ случайныхъ матеріаловъ, въ родѣ тѣхъ, какіе, какъ было сказано, уже были не разъ предпринимаемы и издаваемы, что сколько нибудь послѣдовательный подборъ словарныхъ данныхъ о всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, при пособіи доселѣ изданныхъ отдѣльныхъ словарей Славянскихъ нарѣчій пока еще не возможенъ.

Болѣе возможенъ такой послѣдовательный подборъ словарныхъ данныхъ о нарѣчіяхъ Тевтонскихъ или Романскихъ,

и однако еще никто не рѣшился взяться за него, а кто брался за дѣло подобное, брался съ видами на цѣль болѣе частную. Ф. Дидъ на пр. составилъ небольшого размѣра *Этимологическій словарь Романскихъ языковъ* (*Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen*, 1-е изданіе въ Боннѣ 1858. 782 стр. въ 8-у), давши въ немъ мѣсто только тремъ языкамъ: Итальянскому, Испанскому и Французскому, и пользуясь другими нарѣчіями только для объясненія этихъ трехъ, и то въ кругѣ очень необширномъ, въ кругѣ менѣе чѣмъ 4000 словъ. Для Тевтонскихъ языковъ нѣтъ и такого труда; а есть только частные, для объясненія какого нибудь одного изъ нихъ, какъ на пр. Графовъ *Sprachschatz* для объясненія древняго верхне-Нѣмецкаго, Дифенбаховъ *Lexikon* и еще болѣе важный трудъ Габеленца и Лёве для объясненія Готскаго нарѣчія и т. д.

Не подумать ли и намъ о чемъ нибудь подобномъ? Не было ли бы на пр. полезно для сравнительнаго изученія Славянскихъ нарѣчій составить словарь чистаго Старо-Славянскаго нарѣчія, давъ въ немъ мѣсто указаніямъ и по всѣмъ тѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ древнимъ и новымъ, по которымъ можно собрать матеріалы? Или же, взявъ нѣсколько другой кругъ словъ, сопоставить въ словарѣ сравнительно только тѣ слова, которыя, по ихъ употребленію въ большей части Славянскихъ нарѣчій, можно назвать обще-Славянскими. И то и другое, при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, въ отношеніи къ матеріалу и числу нарѣчій, можетъ выполнить всякій, кто работалъ надъ Славянскими нарѣчіями основательно и не по однимъ печатнымъ словарямъ.

А между тѣмъ можно считать не только полезнымъ, но даже просто необходимымъ начать систематическій подборъ матеріаловъ для обще-Славянскаго словаря, т. е. предпринять такое изданіе, въ которомъ бы могли найти себѣ мѣсто всѣ частные словари всѣхъ тѣхъ Славянскихъ мѣстныхъ нарѣчій, новыхъ и древнихъ, для которыхъ еще нѣтъ удовлетворительныхъ отдѣльныхъ словарей, и всякаго рода дополненія къ изданнымъ, находящіяся въ разныхъ частныхъ рукахъ. Въ такомъ сборникѣ матеріаловъ могло бы быть дано мѣсто и тѣмъ объясненіямъ словъ, которыя разсѣяны во множествѣ повременныхъ изданій и въ разнаго рода книгахъ, нерѣдко и въ такихъ, гдѣ,

казалось бы, и ожидать было нельзя ихъ встрѣтить, или о которыхъ по крайней мѣрѣ не всегда можно вспомнить. Одна Русская литература въ этомъ отношеніи представитъ громаду источниковъ, самыхъ разнообразныхъ. Отъ различныхъ частныхъ условій этого изданія должно зависѣть сосредоточеніе силъ, необходимыхъ для его осуществленія, и матеріаловъ, уже заготовленныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вниманіе къ нему образованнаго круга читателей. Пока вѣрнымъ считать можно только то, что для такого изданія есть множество матеріаловъ и печатныхъ, и непечатныхъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

О трудах д-ра А. Шлейхера.

Предложивъ Отдѣленію свое мнѣніе о словарѣ Славянскихъ нарѣчій, считаю не только умѣстнымъ, но и обязательнымъ для себя сказать хоть нѣсколько словъ о доселѣ изданныхъ трудахъ д-ра А. Шлейхера, давшаго мнѣ поводъ своей статьей о Всеславянскомъ словарѣ изложить выше высказанное мнѣніе.

А. Шлейхеръ сталъ извѣстенъ въ научной Нѣмецкой литературѣ съ 1848 года послѣ того, какъ издалъ первую тетрадь своихъ лингвистическихъ изслѣдованій «Zur vergleichenden Sprachengeschichte» (Bonn. 1848), въ которой обратилъ вниманіе на значеніе и разнообразіе видоизмѣненій однихъ согласныхъ подъ вліяніемъ другихъ. Уже въ этой книжкѣ, давъ мѣсто даннымъ изъ разныхъ языковъ Индо-Европейскихъ и другихъ, Шлейхеръ представилъ свои соображенія о звукахъ Славянскаго языка (стр. 91—101), преимущественно Церковнаго и Польскаго, не такія, конечно, отъ которыхъ онъ не захотѣлъ бы никогда отказаться, но тѣмъ не менѣе любопытныя. Вторая тетрадь его изслѣдованій вышла въ 1850 г. подъ названіемъ: Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht. Это систематическій обзоръ характеристическихъ чертъ каждаго изъ языковъ Европы и, для округленія основнаго взгляда, нѣкоторыхъ не Европейскихъ. Эта книжка, какъ передающая умно, сжато и доступно главныя положенія лингвистики, была принята и у насъ, по крайней мѣрѣ немногими, съ уваженіемъ и до сихъ поръ имъ

пользуется ¹⁾. Шлейхеръ далъ въ ней мѣсто не только характеристикъ Славянскихъ нарѣчій (стр. 203—219), но кромѣ того, въ особомъ прибавленіи (стр. 244—265), нѣсколькимъ замѣткамъ, въ которыхъ сравнены нѣкоторыя изъ явленій строя Славянскаго языка съ равносильными явленіями нѣкоторыхъ сродныхъ съ нимъ языковъ. Книжка эта издана уже въ то время, когда Шлейхеръ изъ Бонна, гдѣ былъ приватъ-доцентомъ, переселился въ Прагу на кафедру сравнительнаго языкознанія. Въ Прагѣ Шлейхеръ занялся съ увлеченіемъ Чешскимъ нарѣчіемъ, и въ непродолжительное время успѣлъ въ немъ такъ, что въ 1851 году могъ взяться за переводы стихами съ Санскритскаго на Чешскій. Въ Часописѣ Чешскаго музея 1851 года (кн. 1 и 2) появились его переводы двухъ эпизодовъ изъ Магабараты: «Потопъ» и «Наль и Дамаянти», обратившіе на себя вниманіе не только правильностью, но и достаточною плавностью языка. О его научныхъ знаніяхъ Пражскіе ученые (между прочимъ, и Шафарикъ) отзывались еще съ болѣшимъ уваженіемъ, и съ сочувствіемъ встрѣтили его книгу о строѣ Церковно-Славянскаго языка: *Die Formenlehre der Kirchen-Slawischen Sprache erklärend und vergleichend* (Bonn. 1852). Книга эта въ самомъ дѣлѣ была явленіемъ утѣшительнымъ: въ то время, когда и въ кругѣ Славистовъ изъ Славянъ не было и пяти такихъ, которые бы вполне понимали требованія теоріи Востокова, не смѣшивая ее съ тѣмъ, что ею было отвергаемо, Шлейхеръ нашелъ въ себѣ силы вырваться изъ путаницы смѣшанныхъ взглядовъ, вокругъ него господствовавшихъ и сдѣлать услугу въ наукѣ приравненіемъ особенностей Санскрита къ древнему Славянскому языку. Книга Шлейхера и доселѣ принадлежитъ къ числу лучшихъ грамматическихъ руководствъ по древнему Славянскому языку. Къ сожалѣнію другія занятія скоро послѣ отвлекли Шлейхера отъ Славянскаго языка, отъ изслѣдованія его древняго строя по самымъ памятникамъ. Онъ занялся болѣе языкомъ Литовскимъ, особенно со времени путешествія къ Прусскимъ Литовцамъ, предпринятаго имъ при

¹⁾ Книжка эта была переведена и на французскій языкъ подъ названіемъ: *Les langues de l'Europe moderne*. Paris 1852.

пособіи Австрійскаго правительства. Въ 1853 году вышла его статья о Литовскомъ языкѣ (*Lituanica: Sitzungsberichte der Kaiserl. (Wiener) Akademie der Wissenschaften. XI B.*); въ 1856—1857—*Handbuch der Litauischen Sprache (Grammatik, Lesebuch und Glossar, въ Прагѣ)*; въ 1857—*Litauische Märchen, Sprichworte, Räthsel und Lieder, въ нѣмецкомъ переводѣ (въ Веймарѣ)*. Не оставляя и послѣ занятій Литовскимъ языкомъ, онъ обратилъ между прочимъ вниманіе на поэму Доналейтиса, старался подобрать все невошедшее въ ея печатное изданіе, очистить текстъ отъ ошибокъ, объяснить все темное въ ней,—и успѣлъ въ этомъ. Этотъ трудъ Шлейхера изданъ въ прошедшемъ году, подъ названіемъ: *Chr. Donaleitis Litauische Dichtungen. Erste vollständige Ausgabe mit Glossar (S. P. B. 1865)*. Переселяясь изъ Праги въ Іену по той же кафедрѣ сравнит. языкознанія, Шлейхеръ расширилъ и еще болѣе увеличилъ свою дѣятельность: ежегодно издавалъ онъ по крайней мѣрѣ по одной книгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не только принималъ участіе въ повременныхъ изданіяхъ, но и самъ сдѣлался соиздателемъ одного, выходящаго съ 1859 года доселѣ подъ названіемъ: *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtischen und Slawischen Sprachen*. И въ отдѣльныхъ книгахъ и въ этихъ *Beiträge*, и въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*, издаваемомъ д-ромъ Куномъ съ 1852 года, Шлейхеръ представлялъ постоянно плоды изслѣдованій одного рода, изслѣдованій для взаимнаго уясненія и приведенія въ повременный порядокъ особенностей строя разныхъ языковъ, преимущественно Индо-Европейскихъ. Только случайно выходилъ онъ изъ этого круга на короткое время, и то не совсѣмъ, давая мѣсто соображеніямъ этого рода и въ остальныхъ своихъ трудахъ.

Самыя важныя изъ трудовъ Шлейхера этихъ послѣднихъ лѣтъ суть слѣдующіе: 1) Изслѣдованіе о различныхъ способахъ образованія слова изъ составныхъ частей: *Zur morphologie der Sprache* (издано въ 1859 г. въ *Mémoires de l'Académie de St.-Pet. VII Série, T. I, № 7*); 2) Историко-лингвистическая характеристика Нѣмецкаго языка: *Die Deutsche Sprache* (издана въ 1860, въ Штутгартѣ)—книга общедоступная по изло-

женію, и очень любопытная, какъ примѣненіе общаго взгляда автора на развитіе языковъ къ задачѣ о развитіи языка Нѣмецкаго; 3) Учебникъ сравнительной грамматики Индо-Европейскихъ языковъ: *Compendium der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen* (изданъ въ Беймарѣ, въ 2 книгахъ, въ 1861—1862)—книга лучшая въ своемъ родѣ изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ, пользующаяся у насъ въ кругѣ молодыхъ любителей языкознанія особеннымъ уваженіемъ¹⁾; 4) Изслѣдованіе объ отличеніи имени и глагола по ихъ звуковой формѣ: *Die Unterscheidung von Namen und Verbum in der lautlichen Form* (издано въ 1865 г. въ *Abhandlungen der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. IV b.*)—изслѣдованіе, опирающееся выводы на данныхъ очень разнообразныхъ языковъ.

Въ эти же годы отдѣльными книжками вышли его небольшія сочиненія: 1) *Die Darwinische Theorie und die Sprachwissenschaft* (1863)²⁾, 2) *Die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen* (1865). Въ *Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik* (П. Гильдебранда), издав. въ Іенѣ, Шлейхеръ помѣстилъ очень любопытное историко-лингвистическое изслѣдованіе о сельскомъ хозяйствѣ у Индо-Европейскихъ народовъ въ древности: *Der wirthschaftliche Culturstand des Indogermanischen Urvolkes* (1863. I: 401—411). Въ *Zeitschrift* и въ *Beiträge*, о которыхъ упомянуто выше, помѣщено множество небольшихъ статей и замѣтокъ Шлейхера, между прочимъ и отчетовъ о книгахъ. Изъ этихъ статей особенно любопытенъ для насъ краткій очеркъ исторіи Славянскаго языка: *Kurzer Abriss der Geschichte der Slawischen Sprache* (I: 1—27), нынѣ въ передѣланномъ видѣ изданный вновь по-Русски (Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверовосточнаго отдѣла Индо-Германскихъ языковъ. Записки Импер. Академіи Наукъ. VIII, прил. № 2)³⁾.

¹⁾ Ея русскій переводъ печатается въ Воронежѣ—редакціей Филологическихъ Записокъ.

²⁾ Переведено и на Русскій въ *Заграничномъ Вѣстникѣ*.

³⁾ Многія изъ замѣтокъ и любопытны и даже важны для нашихъ любителей языкознанія; не считаю по этому напраснымъ приложить полный списокъ всѣхъ статей Шлейхера, до сихъ поръ помѣщенныхъ въ *Zeitschrift* и въ *Beiträge*. См. ниже.

Не одна эта статья, а напротивъ очень многія статьи изъ мѣтки его въ *Zeitschrift* и *Beiträge* касаются Славянскаго языка, и почти всѣ заслуживаютъ вниманія изслѣдователей.

Если мною нечаянно и пропущено что-нибудь изъ того, что доселѣ издано д-ромъ Шлейхеромъ, то думаю такой пропускъ не можетъ умалить уваженія къ дѣятельности такого ученаго, каковъ Шлейхеръ. Нельзя не признать, что Шлейхеръ умѣлъ воспользоваться тѣмъ, что приготовлено было въ наукѣ языкознанія такими вождями, какъ Гумбольдтъ, и Боппъ, Гриммъ и Востоковъ и ихъ послѣдователями, умѣлъ прибавить къ сдѣланному много своего (особенно въ отношеніи къ Литовскому языку), и въ слѣдствіе этого занялъ между современными лингвистами почетное мѣсто. Отъ его силъ еще свѣжихъ можно ожидать многого въпереди; между прочимъ можно надѣяться, что и для объясненія Славянскаго языка сравнительно съ другими сродными внесетъ онъ вкладъ, дѣйствительно полезный.

Статьи д-ра Шлейхера въ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*:

I т. — Germanisch und Slawisch. 141—144.

IV т. — Ueber Einschiebungen vor den Casus-Endungen im Indogermanischen. 54—60.

— Das Futurum im Deutschen und Slawischen. 187—197.

— Litauisch und Altitalisch. 240.

— Zusammenstellung von Spracherscheinungen im Althochdeutschen, die sich nicht aus dem Gottischen herleiten lassen. 266—270.

— Wuotan Œeós. 399.

— Die Wurzel skr mât deutsch mat. 399.

V т. — Auhns, aċmantam, kamna. 400.

VI т. — Brechung vor r und h und mehrfachen Umlaut des a und â in der Nordfränkischen Mundart der Stadt Sonneberg. 224—230.

VII т. — Die a-i-Reihe im Deutschen. 221—223.

— ð als i-vocal im Althochdeutschen. 224.

— bier. 224.

- p=k im Lateinischen. 320.
- VIII т.—Der Perfectstamm im Lateinischen. 399—400.
- IX т.—ou=eu im Lateinischen. 372.
- X т.—grüserich. 79.
- Ein Lautgesetz des Mittelhochdeutschen. 160.
- XI т.—Nachtrag zu VII. 224: ě als i-vocal. 52.
- hveil. *καυρός*, *časū*. 318.
- *πάσχω*, *μισῶ*. 319.
- s-ām-s, Suffix des Genitiv. 319.
- XII т. Hayne Kurze Laut- und Flexionslehre der Altgerm. Sprachstämme. 151—155.
- Oskisch *deivaum*, Lettisch *deevatees*. 399.
- XIV т.—Spirans für Media im Auslaute. 400.
- Статья въ Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtischen und Slawischen Sprachen:
- I т.—Kurzer Abriss der Geschichte der Slawischen Sprache. 1—27.
- *tè* (d i. tai) als Endung des Infinitivs im Litauischen. 27—30.
- Umschreibung des cyrill. Alphabets. 30—32.
- Das Pronomen Lit. *szi*, Slaw. *sĭ* = Goth. *hi*. Grundform *ki*. 28.
- Ein Zischlaut vor und nach gutturalem Wurzelauslaute im Litauischen. 49.
- Bopp über die Sprache der alten Preussen. 107—116.
- Miklosich Formenlehre der Altslowenischen Sprache. 116—124.
- Mikuzky *Otčety*. 233—245.
- Hattala *Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského*. 245—255.
- Juškewič. *Zapiska o knigē A. Šlejchera*. 263—265.
- Gilkferdingŭ o srodstvě jazyka slavjanskago. 265—266.
- Ist das Altkirchenslavische Slovenisch. 319—327.
- Miklosich *Kopitars* kleinere Schriften. 376.
- Šumavski Wörterbuch der slav. Sprache. 377.

- Miklosich und Fiedler. Slavische Bibliothek. 378.
- Miklosich neueste Arbeiten. 380.
- Smith de locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum. 385—496.
- žmū. 396.
- Das Auslautgesetz des Altkirchenslavischen. 401—426.
- 508.
- Die Stellung des Celtischen. 436.
- Hornay Ursprung der Sprachen. 406.
- Verba passiva und causalia. 498—499.
- Zwei, zweifel. 499.
- Zur Litauischen Grammatik. 499—500.
- Verba perfecta und imperfecta. 500—502.
- Einverleibende Verbalformen. 502—503.
- Das Participium praesentis und futuri activi im Irischen.
- 503.
- Pers. pronomina. 504.
- Ersatz des Inf. pass. durch den Inf. act. 505.
- II. т.—Разборъ книгъ Ф. К. Мейера, Шлегеля, Миклошича, Гильфердинга, Биленштейна. 113—126.
- vo, -va-ursp.-sja, als Endung des gen. sing. 127—128.
- Разборъ книгъ Р. Раумера, Либиха, W. S., Данишича 242—256.
- Bhaga. 359—360.
- Разборъ книгъ Биленштейна, Р. Раумера, Буслаева, А. А. Е. Шлейермахера и Л. Дяffenбаха. 360—377
- III т.—Die Genusbezeichnung im Indogermanischen 92—97.
- О книгѣ Г. К. Габеленца. 126—127.
- О кн. Миклошича. 245—248.
- bhujāmi. 248.
- Das Ansichsein in der Sprache. 282—289.
- О кн. Миклошича и Аблеса. 378—384.
- IV т.—Wurzeln auf a im Indogerm. 92—99.
- новыя книги. 122.
- ѣ ѣ. 122.
- Das Litauische in Curtius Griech. Etymologie. 124.
- Zu bd. I. 501. 126—127.

- Sprachwissenschaft, Glottik. 127—128.
- Giltiné. 129.
- Semitisch und Indogermanisch. 236—244.
- О книгахъ Габеленца и Данишича. 245—247.
- Zur Morphologie der Sprachen. 256—257.
- Sprachliche Curiosa. 391—393.
- Die beiden Instrumentale des Indogermanischen. 454—
- 459.
- Zur Morphologie der Sprachen. 460—463.
- Einige Beobachtungen an Kindern. 497.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ: «О ТРУДАХЪ А. Б. ШЛЕЙХЕРА.»

АКАДЕМИКА Н. Н. СРЕЗНЕВСКАГО.

Составляя обзорѣніе доселѣ изданныхъ трудовъ А. Б. Шлейхера (см. Зап. IX. 246—253), я далъ въ немъ мѣсто только тому, что было у меня подъ руками, и потому сдѣлалъ кое какіе пропуски. Считаю обязанностью дополнить свой списокъ замѣтками, доставленными мнѣ самимъ г. Шлейхеромъ.

До 1848 года имъ изданы были два труда: *Meletematon Varonianorum specimen*, какъ диссертация на степень доктора (Bonn. 1846), и разсужденіе о важности сравненія языковъ—*Ueber den Wert der Sprachvergleichung*, бывшее вступительнымъ чтеніемъ при занятіи должности приватъ-доцента въ Боннѣ (*Lassen's Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. VII, 83 и слѣд.).

Чешскимъ языкомъ г. Шлейхеръ началъ заниматься еще до отъѣзда въ Прагу: свидѣтельствомъ тому служатъ его статьи о сущности въ Часописѣ Чешскаго музея, 1849 г.

Къ 1850—1852 годамъ, кромѣ трудовъ у меня означенныхъ, принадлежатъ еще критическія статьи, имъ помѣщенныя въ *Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien*, между прочимъ о Чешской грамматикѣ (1850: 725—756, 1851: 269—310), и вступительное чтеніе въ Пражскомъ университетѣ *Ueber die Stellung der vergleichenden Sprachwissenschaft in mehrsprachigen Ländern* (Прага. 1851). Въ 1852 году изданы имъ были еще изслѣдованія: О *o* (-*oo*-, -*ee*-) въ Славянскихъ окончаніяхъ падежей (*Sitzungsberichte der Wiener Academie*, 1852), о Литовскомъ языкѣ особенно въ отношеніи къ Славянскому (въ Часописѣ Чешскаго музея) и нѣсколько критическихъ статей въ *Litterarisches Centralblatt*.

Въ 1858 г., въ Веймарѣ, отдѣльной книжкой издалъ онъ собраніе разныхъ матеріаловъ и замѣчаній о языкѣ, поэзіи и бытѣ своей родины: *Volkstümliches aus Sonneberg*.

Въ 1859 г. вышли:—критическая статья о книгѣ Миклошича *Bildung der Nomina—im Altslovenischen* въ *Gel. Anzeigen der K. Bayr. Acad. der Wiss.* (январь),—и краткій очеркъ исторіи Италійскихъ языковъ—*Kurzer Abriss der Geschichte der Italischen Sprachen*—въ *Rhein. Museum* (п. F. XIV. 329—346).

Въ 1865 г. при книгѣ I. Шмидта «*Die Wurzel Ak*», изданной въ Веймарѣ, напечатано его предисловіе.

Наконецъ, только что отпечатанъ еще замѣчательный трудъ Шлейхера на Русскомъ въ Запискахъ нашей Академіи: Темы именъ числительныхъ (количественныхъ и порядочныхъ) въ Литво-Славянскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. (Приложеніе 2-е къ X-му тому).

Нынѣ А. Б. Шлейхеръ занятъ печатаніемъ втораго изданія своего *Compendium der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen*. Въ этомъ изданіи важный трудъ ученаго явится въ новомъ видѣ, со множествомъ передѣлокъ и дополненій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Шлейхеръ усердно занимается изученіемъ Русскаго языка, и успѣваетъ удивительно. «Мнѣ нечего хвалиться дарованіями, у меня ихъ нѣтъ»—говорилъ онъ мнѣ; «но у меня есть желѣзная воля, и съ нею я достигаю всего, что найду себѣ нужнымъ». Съ этою то желѣзною волею Шлейхеръ въ теченіе двухъ лѣтъ овладѣлъ Русскимъ языкомъ такъ, что не только читаетъ Русскія книги, но пишетъ и говоритъ по Русски лучше многихъ Нѣмцевъ, живущихъ въ Петербургѣ по десятку лѣтъ.

На другое время откладывая сообщеніе другихъ подробностей о А. Б. Шлейхерѣ, считаю своей душевною обязанностію сказать, что онъ внушаетъ глубокое уваженіе не только какъ ученый, но и какъ человѣкъ.

Что касается до его мнѣнія о словарѣ Славянскихъ нарѣчій, то оно, не отвергая мнѣнія, мною высказаннаго, остается все таки прежнее, соединяясь съ желаніемъ имѣть трудъ оконченный, какъ можно скорѣе. Говоря объ этомъ, онъ мнѣ показалъ книгу, которой подобную онъ желалъ бы видѣть для Славянскихъ нарѣ-

цій, книгу только что вышедшую; это *Altdeutsches Wörterbuch von Osc. Schade* (Halle 1866: 8° 765 стр. мелкой печати въ 2 столбца). Книга эта теперь получена Академіей, и мною разсмотрѣна на столько, что я могу о ней сказать нѣсколько словъ.

Словарь этотъ по первоначальной цѣли долженъ былъ быть объяснительнымъ пособіемъ для чтенія хрестоматіи, изданной О. Шаде подъ названіемъ *Altdeutsches Lesebuch. Gothisch Altsächsisch alt und mittel Hoch Deutsch.* (Halle. 1822); но при обработкѣ увеличился въ содержаніи, обнявъ въ себѣ слова изъ всѣхъ важныхъ памятниковъ древняго Верхненѣмецкаго и изъ важнѣйшихъ стихотворныхъ произведеній средняго Верхненѣмецкаго языка. Въ основу, по отношенію къ выговору и написанію, взятъ языкъ древній Верхненѣмецкій, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ случаевъ, когда составитель находилъ нужнымъ предпочесть форму Готескую или Древнесаксонскую. Общимъ правиломъ для поставленія словъ въ словарь было для О. Шаде: сколько возможно болѣе облегчить пріисканіе словъ всякому, кто будетъ имъ пользоваться. Въ объясненіяхъ словъ Шаде ограничился самымъ необходимымъ, тѣмъ не менѣе не опустилъ объясненій грамматическихъ. Кромѣ того тщательно подобралъ онъ всюду, гдѣ нужно было, равносильныя слова Готескія, Нижненѣмецкія, Англосаксонскія, Древнесѣверныя и разныхъ новыхъ языковъ Германскихъ и частью другихъ. Какъ все это сдѣлано въ словарь видно можетъ быть изъ примѣра.

hērza, hērza *ahd. mhd. hērze, hērz. schwN. (Dat. Sg. mhd., Nom. Acc. Pl. ahd. u. mhd. zuw. auch st.) Herz; als Sitz der Seele, des Gemütes, Mutes, Verstandes, der Vernunft, Ueberlegung. G. hairto schwN. καρδιά, as. herta, herte schwN., ags. heorte, hiorte, engl. heart, mnd. herte, nnd. hert, hart, afri. herte, hirte, nfris. herte, an. hiarta, schwed. hjarta, hjerta, dän. hjerte. Vgl. gr. καρδιά. lat. cor cordis, lit. szirdis, slav. sr'dt'ze.*

Не могу оспаривать, что такой словарь былъ бы очень полезенъ и для Славянскихъ нарѣчій; но позволяю себѣ остаться при мнѣніи, что и такой краткій словарь для Славянскихъ нарѣчій пока еще не можетъ быть составленъ: матеріаловъ, не только выработанныхъ, но и просто собранныхъ, не достаетъ не только по

всѣмъ, но даже и по главнымъ нарѣчіямъ. Надобно, мнѣ кажется, теперь стараться о правильномъ подборѣ и провѣркѣ матеріаловъ, дѣлать то-же, что дѣлалось съ издавна и дѣлается до сихъ поръ для Германскихъ языковъ, сдѣлать въ этомъ отношеніи хоть столько, сколько сдѣлано было Нѣмцами до того времени, пока О. Шаде взялся за свой краткій сводъ. Нельзя вѣдь не сказать, что О. Шаде отъ себя прибавилъ очень немного, что главное дѣло его было воспользоваться сдѣланнымъ, избѣгая ошибокъ, въ которыя впадали другіе. И хорошо было бы, думаю, если бы нашлись средства издавать пока хоть матеріалы для сравнительнаго словаря Славянскихъ нарѣчій.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

АНГЛІЙСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ послѣднихъ номерахъ извѣстнаго Англійскаго журнала The Reader (Читатель) появились одна за другою три статьи подъ общимъ заглавіемъ Studies in modern Russian literature, Очерки новой русской литературы.

Такое явленіе, какъ обзоръ русской литературы на иностранномъ языкѣ, не можетъ не интересовать насъ, Русскихъ. Насъ и нашу внутреннюю жизнь вообще такъ мало знаютъ и такъ превратно понимаютъ иностранцы, что всякая попытка дать имъ новыя вѣрныя свѣденія объ Россіи должна быть пріятна нашему самолюбію. Особенно же пріятно, если эти новыя и болѣе вѣрныя свѣдѣнія сообщаются имъ иностранцами же: это значитъ, что есть люди, изучающіе нашу родину, а во вторыхъ видящіе ложность всеобщаго понятія объ ней и признающіе необходимость его испра-

вить. Впрочемъ при этомъ случаѣ невольно рождается вопросъ: да знаетъ ли самъ Россію тотъ, кто берется за это дѣло? Понимаетъ ли онъ, любить ли ее? потому что по мнѣнію одного современнаго англійскаго писателя *), только тогда можно совершенно понять и проникнуть предметъ, когда смотришь на него съ сочувствіемъ. Этотъ вопросъ естественно предлагаемъ мы себѣ и глядя на статьи, напечатанныя въ «The Reader». Сколько изъ нихъ видно, ихъ авторъ соединяетъ въ себѣ то, что необходимо для всякаго, занимающагося чѣмъ бы то ни было: въ немъ есть любовь къ дѣлу, знанія и здравый беспристрастный взглядъ. Правда, что знанія его по Русской исторіи и литературѣ не такія, какія мы потребовали бы отъ одинаково образованнаго Русскаго; въ слѣдствіе этого и сужденія его иногда не совсѣмъ справедливы, какъ мы увидимъ изъ разбора его статьи о Ломоносовѣ; но все таки и то, что есть, уже много. Притомъ же авторъ такъ хорошо знаетъ русскій языкъ, не только современный, но и языкъ прошедшаго столѣтія (что показываютъ его переводы отрывковъ изъ Ломоносова и Кантемира), что ему ничего не будетъ стоить приобрѣсть то, чего ему не достаетъ; а намъ можно будетъ порадоваться, что соотечественники его познакомятся съ тѣмъ, чѣмъ мы по справедливости гордимся, и узнаютъ имена Ломоносова, Карамзина, Пушкина и т. д.

Какъ видно изъ выноски подъ одною изъ статей, эти три очерка не останутся одинокими. Два Англичанина согласились написать сообща краткій, но по возможности полный курсъ русской литературы. Одинъ изъ нихъ, Г. Мерилизъ, взялъ на себя періодъ до-ломоносовскій и также всѣ переводы въ стихахъ. Другой, имя котораго не подписано, взялся за новый періодъ. Ему то принадлежатъ и вышеупомянутыя статьи, которыя составляютъ начало его труда. Въ первой статьѣ онъ говоритъ о Ломоносовѣ, во второй о Кантемирѣ, въ третьей объ Екатеринѣ II. Хотя по заглавіямъ онѣ могутъ казаться отдѣльными очерками, однако онѣ тѣсно соединены между собою и каждая служитъ продолженіемъ предыдущей.

Въ началѣ, въ видѣ вступленія, авторъ обрисовываетъ нѣсколькими словами состояніе общества XVII столѣтія въ Россіи, реформы Петра Великаго, двоякое дѣйствіе, произведенное ими, и даетъ общее понятіе о направленіи литературы того времени.

«Тѣ писатели, говоритъ онъ, которые воспитались подъ вліяніемъ европейской мысли, естественно заимствовали и слогъ и со-

*) Карлейль.

держаніе изъ иностранныхъ источниковъ и усвоили себѣ риторическую форму, употреблявшуюся тогда во Франціи. Кромѣ языка, которымъ написаны ихъ произведенія, въ нихъ нѣтъ почти ничего русскаго. Совершенно противоположное видимъ мы въ другой школѣ писателей. Эти, досадуя на препятствія, которыя развитіе народа находило въ партіи приверженцевъ старины, изливали свое неудовольствіе въ сатирахъ и находили для того богатый матерьялъ въ описаніи русской жизни. Всѣ писатели того времени принадлежатъ или къ той или къ другой изъ этихъ двухъ школъ. Первая была основана Ломоносовымъ, вторая Кантемиромъ.

Чтобы рѣзче выяснитъ разницу между этими двумя направленіями, авторъ сравниваетъ ихъ двухъ представителей.

«Ломоносовъ, крестьянинъ по происхожденію и раскольникъ (?) по религіи, никогда не могъ освободиться отъ предразсудковъ своего сословія и своего вѣка. Его поэзія, ученая какъ его занятія, есть совершенное подражаніе лжеклассической французской поэзіи и болѣе замѣчательна по своей риторической формѣ, чѣмъ по естественности и правдѣ. Кантемиръ, напротивъ того, былъ сохраненъ своимъ иностраннымъ происхожденіемъ и своими аристократическими связями отъ тѣхъ вліяній, которыя сковывали и задерживали его современника. Самъ живя по среди той высшей образованности, о которой Ломоносовъ зналъ по большей части только изъ книгъ, онъ естественно получилъ непримиримую ненависть къ неразвитости, порочности и жестокости, которыя господствовали во всей Имперіи, и неменѣе естественно сталъ выражать свое презрѣніе сатирою. Въ сочиненіяхъ Ломоносова мы видимъ стремленіе къ знанію и къ учености; въ произведеніяхъ Кантемира—презрѣніе къ невѣжеству и нравственной испорченности. Одинъ нападаетъ на то, что ниже его, другой восхваляетъ то, что выше его и принимаетъ за образецъ лучшую литературную форму, какая была ему извѣстна».

Судя по этимъ словамъ авторъ Очерковъ считаетъ Ломоносова не болѣе какъ ученикомъ, даровитымъ правда, трудолюбивымъ, стремящимся къ знанію, но все таки не самостоятельнымъ, находящимся подъ чужимъ вліяніемъ; старающимся сравняться съ своими учителями и пробующимъ подражать имъ; между тѣмъ какъ Кантемиръ представляется ему человѣкомъ, который своимъ умомъ и образованіемъ поднялся высоко надъ общимъ уровнемъ, стоитъ независимо и свободно, и презрительнымъ взглядомъ окидываетъ то, что осталось подъ его ногами. Едва ли кто нибудь изъ читав-

шихъ и изучавшихъ Ломоносова можетъ согласиться съ этимъ сужденіемъ. Однако посмотримъ дальше.

При обзорѣ одъ Ломоносова, которыя авторъ считаетъ написанными механически и безъ всякаго чувства, онъ останавливается на одѣ на взятіе Хитина, на посланіи о пользѣ стекла и болѣе всего на одѣ на восшествіе на престолъ Екатерины II, изъ которой онъ даже приводитъ отрывокъ. Къ сожалѣнію, ни одного слова не сказано имъ о знаменитыхъ утреннемъ и вечернемъ размышленіяхъ, ни объ одѣ въ подражаніе Іову. Жалко, что онъ ихъ не замѣтилъ, вѣрно не нашелъ бы ихъ написанными механическими и безъ всякаго чувства; тогда понятіе его о Ломоносовѣ—поэтѣ было бы полнѣе и отзывъ справедливѣе. Даже, можетъ быть, лучше было бы и для автора и для его читателей, если бы онъ вовсе не упоминалъ о трагедіяхъ и эпической поэмѣ Ломоносова, которымъ онъ также посвящаетъ нѣсколько строкъ, а побольше остановился на его лирическихъ произведеніяхъ: для того, кому нѣтъ возможности знать все, лучше знать лучшее чѣмъ худшее.

Говоря объ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносова, авторъ останавливается на его статьѣ о землѣ и ея происхожденіи. Это произведеніе, говоритъ онъ, замѣчательно, если не изложеніемъ какихъ нибудь новыхъ истинъ, то открытой и безстрашной защитой важности науки. Здѣсь Ломоносовъ смѣло возстаетъ противъ невѣждъ, которые боялись разоблаченія ихъ суевѣрныхъ понятій, и противъ богослововъ, которые считали новѣйшія открытія астрономіи вредными для религіи. Приведя небольшой отрывокъ изъ этого сочиненія, авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Вліяніе Ломоносова какъ поэта на русскую литературу было велико; но можетъ быть самое большое значеніе имѣлъ онъ какъ ученый. Мы не признаемъ въ немъ, какъ его современники, «орла, парящаго въ облакахъ»; но заслугу его въ отношеніи къ языку трудно преувеличить. Многое, что въ русскомъ языкѣ было шероховатаго и грубаго, исчезло при Ломоносовѣ. Небывалая до тѣхъ поръ легкость и обработанность явилась въ стихѣ.

Кантемиру посвящаетъ авторъ вторую статью своихъ Очерковъ. Онъ подробно разсматриваетъ всѣ его девять сатиръ и почти изъ каждой приводитъ отрывки въ прекрасномъ переводѣ на англійскій языкъ. По всему видно, что онъ не по наслышкѣ знаетъ этого писателя и не кое-какъ, а самъ внимательно и съ любовью читалъ и изучалъ его. Но при сравненіи этихъ двухъ отзывовъ его: о Ломоносовѣ и о Кантемирѣ невольно приходитъ на мысль слѣ-

дующее: какъ это, объ однѣхъ девяти сатирахъ Кантемира сказано больше, чѣмъ о всей обширной и многосторонней дѣятельности Ломоносова? Отъ чего такъ подробно разбирается каждое стихотвореніе Кантемира, между тѣмъ какъ произведенія Ломоносова очерчены только вскользь? Неужели въ этихъ девяти сатирахъ, разборомъ которыхъ наполнена вся вторая статья, авторъ нашелъ больше поэтическихъ красотъ? Неужели въ нихъ — почти единственномъ выраженіи мысли и дѣятельности Кантемира, — видитъ онъ больше значенія и для современной и для послѣдующей литературы, чѣмъ въ трудахъ Ломоносова? Сужденіе свое онъ основываетъ на мысли прекрасной, на требованіи справедливомъ — онъ прежде всего ищетъ у писателя національности; но почему же находитъ онъ больше національности у Кантемира чѣмъ у Ломоносова? Вотъ, что онъ говоритъ объ этомъ: «Истинная заслуга этихъ сатиръ состоитъ въ ихъ историческомъ значеніи. Онѣ совершенно народны и представляютъ картину русскихъ нравовъ, современныхъ ихъ написанію. Въ формѣ Кантемиръ часто подражаетъ Горацию и Буало, которыхъ въ одномъ мѣстѣ называетъ своими учителями. Но, какъ было замѣчено выше, подъ этой формой есть что то совершенно русское. Между тѣмъ какъ сочиненія Ломоносова и по содержанію, и по слогу принадлежатъ къ произведеніямъ классицизма, въ стихотвореніяхъ Кантемира есть оригинальность мысли, соединенная съ неменѣе строгимъ исполненіемъ правилъ классической школы. Въ этой-то оригинальности и состоитъ ихъ истинно значеніе.»

Мнѣ кажется, что этотъ странный выводъ нельзя объяснить ни пристрастіемъ: съ какой стати быть пристрастнымъ чловѣку чужому? ни ошибкою, — потому что нельзя ошибиться въ характерѣ и значеніи Ломоносова тому, кто его хорошо знаетъ; а развѣ только однимъ, тѣмъ, что авторъ недостаточно изучилъ перваго русскаго писателя, въ полномъ значеніи этого слова. Кантемира онъ читалъ много и внимательно, изъ Ломоносова же вѣрно зналъ только то, что помѣщается въ обыкновенныхъ христоматіяхъ. Отъ неравномѣрнаго знанія вышло и неравно справедливое сужденіе. Иначе можно ли было бы сказать, что въ сочиненіяхъ Ломоносова только и есть русскаго, что языкъ? Неужели больше патріотизма, больше живой, дѣятельной любви къ своему народу въ сатирѣ «Къ уму своему», чѣмъ въ «Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи російскаго народа», или въ «Письмахъ объ устройствѣ университета» и т. д. и т. д.

Третья статья посвящена трудамъ императрицы Екатерины II. Какъ кажется, это наиболѣе удавшаяся изъ трехъ статей: въ ней, правда не пространно, но ясно и довольно полно представлена вся дѣятельность Императрицы: съ начала—ея законодательные труды, потомъ педагогическіе и наконецъ литературные. На послѣднихъ, какъ ближе всего касающихся его цѣли, авторъ останавливается болѣе всего, и даже разбираетъ двѣ комедіи: «О время» и «Именины г-жи Ворчалкиной». При разборѣ приложенъ и переводъ одной сцены изъ «Именинъ г-жи Ворчалкиной» *). Русскія имена, характеризующія каждое лице, по обычаю писателей того времени, авторъ искусно замѣнилъ однозначущими англійскими. Напр. г-жа Ворчалкина названа Mrs. Grumble, Вѣстникова—Mrs Prattle, Ханжикина—Mrs. Devout.

Слѣдующая статья, какъ видно изъ одной выноски, будетъ о Сумароковѣ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія этого полезнаго труда и будемъ надѣяться, что авторъ пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ и до сихъ поръ; т. е. что продолженіе будетъ на столько же лучше начала, на сколько третья статья лучше второй, а вторая лучше первой.

*) Кстати здѣсь можно похвалить вообще всѣ переводы, помѣщенные въ Очеркѣ. Они и совершенно вѣрны подлиннику, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ всю оригинальность подлиннаго произведенія. Для примѣра привожу слѣдующій отрывокъ изъ сатиры Кантемира «Къ уму своему»:

You are a judge? Put on your wig and bands;
Frown all away who come with empty hands;
Tears of the poor let your firm heart ignore;
Whilst the clerk reads the count, serenely snore.
Should one remind you of some awkward clause
In civil, statute or in common laws,
Spit in his face, tell him he lies by th' score.

(Хочешь ли судьей стать? Вздѣнь парикъ съ узами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ;
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Еслижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны права,
Плюнь ему въ рожу, скажи что вретъ околесну).

СОБРАНІЯ ЕПИСКОПА ПОРФИРІЯ.

СТАТІЯ АКАД. И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

I.

Не разъ уже я имѣлъ случай заявлять въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности, частію представляя и подробныя записки, о памятникахъ, которые сообщаемы были мнѣ нашимъ благодушнымъ ученымъ, Порфиріемъ (Успенскимъ), нынѣ епископомъ Чигиринскимъ. Съ особенною признательностью вспоминаю между прочимъ о двухъ листкахъ древняго глаголическаго письма, оказавшихся отрывками изъ литургіи, и о Сербской книгѣ Евангельскихъ чтеній XII вѣка (до 1200 г.), одномъ изъ самыхъ важныхъ между древними Сербскими памятниками опредѣленнаго времени. До нынѣшняго лѣта впрочемъ, по особенному стеченію обстоятельствъ и частію по моей собственной винѣ, я успѣлъ узнать только тѣ изъ памятниковъ, находящихся у преосв. Порфирія, которые самъ онъ доставлялъ мнѣ. Теперь, въ бытность мою въ Кіевѣ, всѣ свои собранія открылъ онъ мнѣ вполне, съ полнымъ правомъ и удобствомъ пользоваться ими,—и тутъ въ первый разъ я убѣдился, какъ онѣ разнообразны и какъ важны въ научномъ отношеніи. Я зналъ, что нашъ просвѣщенный, внимательный и заботливый путешественникъ, во время своихъ многолѣтнихъ странствій (въ 1843—1861 гг.) по землямъ христіанскаго востока, собралъ очень многое; но что собрано имъ столько, сколько я увидѣлъ у него, я не могъ предполагать.

Разсматривать ихъ было тѣмъ легче, что почти всѣ онѣ приведены въ порядокъ и очень уютно уложены—большею частію въ изящныхъ картонахъ, на корешкахъ которыхъ натиснуты золотыми буквами заголовки, обозначающіе, что въ каждомъ содержится. Значительная часть собраній преосв. Порфирія состоятъ изъ образцовъ письма, простаго и живописнаго. Сюда принадлежать *):

— 1. *Палеографія Славянская: Сербія*. Картонъ въ большой листъ: снимки и подлинныя листы изъ книгъ древняго Сербскаго письма опредѣленнаго времени. Древнѣйшіе относятся къ XII вѣку. Къ этому собранію сдѣланъ особый *Каталогъ рукописей Сербскихъ*, частію и такихъ, которыя не вошли въ книгу образцовъ. Этотъ каталогъ содержитъ въ себѣ описанія рукописей, довольно обстоятельныя, иногда и подробныя, съ выписками.

— 2. *Палеографія Славянская: Болгарія*. Картонъ въ большой листъ того же рода, какъ и первый. Древнѣйшія изъ рукописей Кирилловскаго письма относятся къ XIV вѣку. Къ этому собранію сдѣланъ такой же *Каталогъ* какъ и къ первому.

— 3. *Палеографія Славянская: почерки канцелярскіе*. Картонъ въ большой листъ со снимками съ разныхъ актовъ Сербскихъ и Болгарскихъ опредѣленнаго времени, начиная съ XII вѣка. Значительная часть актовъ вполне переписаны въ отдѣльномъ сборникѣ.

— 4. *Образцы древняго письма Сербскаго*. Картонъ въ 4-у: подлинныя листы изъ рукописей безъ годовъ. Между ними самый важный памятникъ есть отрывокъ (12 листовъ) изъ Псалтыри Русскаго письма XIII вѣка.

— 5. *Образцы печати Славянской 1493—1603 гг.* Картонъ въ 4-у: подлинныя листы изъ книгъ большею частію западной Кирилловской печати.

Кромѣ того, что помѣщено въ этихъ пяти большихъ карто-

*) Обозначаю каждое изъ собраній названіемъ, которое натиснуто на корешкѣ картона.

нахъ, есть еще вещи любопытныя въ отношеніи къ Славянской палеографіи и въ другихъ картонахъ, какъ означено будетъ ниже.

Не менѣе драгоцѣнны и еще болѣе разнообразны содержаніемъ собранія по палеографіи Греческой:

— 6. *Палеографія Греческая: I. Образчики письма изъ Египта*: картонъ въ большой листъ.

— 7. *Палеографія Греческая: II. Образчики письма Малоазійскаго и другихъ странъ*: такой же картонъ.

Въ этихъ двухъ картонахъ находятся подлинныя отрывки изъ Греческихъ рукописей и снимки съ рукописей опредѣленнаго времени, начиная съ VIII вѣка. Къ нимъ принадлежатъ *каталоги* въ родѣ тѣхъ, какіе находятся при картонахъ, заключающихъ въ себѣ образцы Славянскаго письма.

— 8. *Палеографія Греческая: III. Почерки канцелярскіе*: картонъ въ большой листъ, со снимками съ актовъ царскихъ, патріаршихъ, монастырскихъ, судебныхъ и межевыхъ опредѣленнаго времени.

— 9. *Палеографія Греческая: XV—XVI вв.*: картонъ въ 4-у.

— 10. *Палеографія Греческая: XVII в.* картонъ въ 4-у.

Въ этихъ двухъ картонахъ помѣщены отрывки изъ подлинныхъ рукописей.

— 11. *Образчики Греческихъ нотъ*. Картонъ въ большой листъ: подлинныя листы и снимки изъ рукописей X—XVII вв. съ гѣвческими крюками. Это собраніе—не только самое большое изъ всѣхъ извѣстныхъ, но можно сказать, единственное.

— 12. *Снимки съ древнихъ картъ*: картонъ въ большой листъ. Главное въ этомъ собраніи—снимки съ прекраснаго списка Христіанской палеографіи Козьмы Индикоплова IX вѣка.

— 13. *Живопись книжная*: 715—1536 г. Картонъ въ большой листъ: богатое собраніе изображеній святыхъ и праведниковъ въ снимкахъ и въ подлинникахъ изъ рукописей Греческихъ, Арабскихъ, Славянскихъ (Болгарскихъ). Это собраніе драгоцѣнно для изучающаго средневѣковую живопись Христіанскаго востока.

— 14. *Древности*: картонъ въ очень большой листъ. Здѣсь помѣщены подлинныя листы Греческаго и Славянскаго письма простаго и живописнаго и снимки съ рукописей неопредѣленнаго времени.

— 15. 16. Очень любопытны два большіе картона, заключающіе въ себѣ *оттиски гравюръ на деревѣ* съ изображеніями Аѳонскихъ монастырей и образовъ. Гравюры въ томъ родѣ какъ наши лубочныя. Собраніе очемъ большое и разнообразное.

Два отдѣльные картона въ большой листъ рисунковъ и снимковъ принадлежатъ къ особенному сочиненію преосв. Порфирія объ Аѳонѣ, уже приготовленному къ печати:

— 17. *Живописное обозрѣніе Аѳона*: виды и рисунки остатковъ языческой древности.

— 18. *Аѳонъ: живопись и архитектура* — христіанскаго времени.

Другой подобный трудъ преосв. Порфирія, такъ же готовый къ печати—Путешествіе въ Метеорскіе и Оссо-Олимпійскіе монастыри въ Ѳессаліи. И къ этой рукописи, въ которой помѣщено множество рисунковъ, относится большой картонъ:

— 19. *Ѳессалія*.

Третій трудъ, приготовляемый преосв. Порфиріемъ къ изданію въ свѣтъ, есть Путешествіе по Палестинѣ. Къ нему относится большой картонъ:

— 20. *Палестина: живопись и архитектура*—христіанскія.

Кромѣ всего этого преосв. Порфирій имѣетъ:

— собраніе подлинныхъ образовъ на доскахъ и

— собраніе цѣльныхъ рукописей Славянскихъ, Греческихъ, Армянскихъ, Сирійскихъ, Арабскихъ, Ефіопскихъ, Коптскихъ.

То и другое хранится въ особенныхъ шкафахъ въ одномъ изъ кабинетовъ преосвященнаго.

И въ томъ и въ другомъ собраніи есть вещи драгоцѣнныя для археолога.

Не говорю уже о библіотекѣ печатныхъ книгъ, богатой изда-

ніями и учеными, и рѣдкими, и роскошными, разумѣтся, тоже важными для ученаго, занимающагося изслѣдованіями того круга, который избралъ себѣ нашъ достойный изслѣдователь.

И все это, все собранное преосв. Порфиріемъ, не утаивается ни для самого себя или для немногихъ къ нему близкихъ. Все это открыто всякому достойному довѣрія. Обширная столовая архіерейскаго дома въ Золотоверхомихайловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ живетъ, превратилась въ общедоступный музей древностей, гдѣ вы можете работать съ полнымъ удобствомъ, имѣя все подъ рукою, ни сколько не беспокоя гостепріимнаго хозяина, куда онъ заходитъ только для справокъ или для ученой бесѣды съ вами, съ готовностью сообщать вамъ дополнительныя свѣдѣнія, путевыя припоминанія, объясненія, соображенія. И въ этихъ бесѣдахъ преосв. Порфирій столько же общителенъ, какъ и въ позволеніи пользоваться его собраніями. Само собою разумѣтся, что онъ не изъ тѣхъ собирателей, которые сами не знаютъ, что у нихъ есть: онъ знаетъ все свое богатство до мелочи; а потому то и можетъ снабжать работающаго у него не только важными, но нерѣдко и необходимыми указаніями. Знаю это самъ по себѣ, по всему тому, что онъ сообщалъ мнѣ въ бесѣдахъ своихъ о древнихъ памятникахъ письма Славянскаго и отчасти Греческаго и о нѣкоторыхъ древнихъ христіанскихъ обычаяхъ. Работая у него иногда вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ по путешествію въ Кіевъ, Ѳ. Г. Солнцевымъ, съ душевной радостью вслушивался я въ ихъ разговоръ о древней христіанской живописи, какъ въ разговоръ двухъ знатоковъ дѣла. Думаю, что то же испытаетъ въ бесѣдѣ съ преосв. Порфиріемъ и археологъ историкъ церкви, и археологъ музыкантъ, и археологъ географъ. . . .

Думаю вмѣстѣ съ тѣмъ, что если бы и ничего другаго привлекательнаго не было въ Кіевѣ для изслѣдователя древностей, то для однихъ собраній преосв. Порфирія стоитъ ѣхать въ Кіевъ и пожить тамъ не одинъ мѣсяць.

Не могу умолчать и о томъ, какъ преосв. Порфирій при-

нялъ мой вопросъ: что если бы Академія Наукъ обратилась къ нему съ просьбою о сообщеніи ей на время той или другой рукописи или другаго подобнаго изъ его собраний, могла ли бы она ожидать отъ него присылки просимаго? Преосвященный отвѣчалъ: Радъ сообщать все вамъ нужное.

II.

Не имѣвъ возможности посвятить много времени на изученіе всѣхъ собраний еп. Порфирія, я только осмотрѣлъ ихъ и остановился на томъ, что было для меня особенно важно. По этому общую замѣтку мою о цѣльныхъ рукописяхъ я долженъ ограничить представленіемъ только списка рукописей Греческихъ и Славянскихъ.

Рукописи Греческія *).

а) *Книги ветхаго и новаго завета:*

- Псалтырь 860 года.
- Паремейникъ 1054 года.
- Паремейникъ XII вѣка.
- Четвероевангеліе съ изображеніями евангелистовъ VIII в.
- Четвероевангеліе 935 г.
- Евангелія Марка и Луки X вѣка.
- Четвероевангеліе, списанное съ древняго Іерусалимскаго извода 1145 г.
- Четвероевангеліе XIV в.
- Новый завѣтъ, т. е. четыре Евангелія, Апостольскія дѣянія, и посланія, съ учеными предисловіями, XII в.
- Апостольскія дѣянія и посланія съ критическимъ разборомъ текста Александрійскаго діакона Евѡалія, 1301 г. списокъ съ списка 462 года, переписаннаго съ списка 399 года, въ чет-

*) Годы и вѣка означены по каталогу преосв. Порфирія.

вертый годъ консульства Аркадія и въ третій годъ консульства брата его Гонорія *).

б) *Книги Богослужебныя:*

— Ехологіонъ, т. е. требникъ, VIII в. **).

— Синаксарь съ краткими житіями святыхъ, на бомбицинѣ, 1249 г.

— Синаксарь того же рода за сентябрьскую половину года, XII в.

— Миней съ нотами и съ чтеніями изъ ветхаго и новаго заветъ, за сентябрьскую половину года, въ большой листъ, XII в.

— Миней того же содержания, XII в.

— Октоихъ въ большой листъ, XII в.

— Тріодъ постная въ большой листъ, XII в.

— Тріодъ постная и цвѣтная съ нотами въ большой листъ, XII в.

— Служебникъ, заключающій въ себѣ литургіи Іоанна Златоустаго и преждеосвященныхъ даровъ, и чины посвященія отъ чтеца до епископа, на бумагѣ, въ 16-ю долю, 1633 г.

— Обиходъ нотный, заключающій въ себѣ творенія древнихъ и новыхъ пѣснопѣвцевъ Греческихъ, на бумагѣ въ 8-у, XVII в.

— Обиходъ нотный, въ которомъ Греческія пѣснопѣнія переложены на Русскія ноты, на бумагѣ въ 8-у, XVIII в.

в) *Творенія св. отцевъ.*

— Іоанна Златоустаго Слова о священствѣ и многія другія бесѣды, X в.

— Его же, Шестодневъ, XII в.

— Слова Ефрема Сирина, 1057 г.

*) См. изданіе Тишендорфа.

**) Одна изъ драгоцѣннѣйшихъ рукописей въ своемъ родѣ; въ ней помѣщены: очень многія молитвы, изъ другихъ памятниковъ неизвѣстныя; Златоустова литургія съ особенностями въ расположеніи; мѣсяцесловъ, начинающійся декабремъ и оканчивающійся ноябремъ. Рукопись замѣчательна и по письму, очень неразборчивому. Преосв. Порфирій прочелъ ее впрочемъ всю и переписалъ.

— Оеофилакта Болгарскаго изъясненія на 4 Евангелія, съ изображеніями евангелистовъ (Болгарской живописи), на бумагѣ въ л., 1347 г.

— Творенія аввы Исаіи, съ изображеніями Египетскихъ монахинь, на бумагѣ въ 8-ю долю, XVI в.

— Нила Докеопатрія творенія, на бумагѣ въ 4-у, 1661 г.

г) *Сборники.*

— Постановленія св. апостоловъ, на бумагѣ въ 16-ю долю, 1642 г.

— Патерикъ: сборникъ изрѣченій пустынныхъ отцевъ, на бомбицинѣ, XIII в.

— Пандектъ: сборникъ статей догматическихъ, писанныхъ большею частію въ видѣ отвѣтовъ на вопросы, на бомбицинѣ, XIII в.

— Синтагмы, XIII в.

— Τόμος συζαυτδος: переписка разныхъ лицъ царственныхъ, саяновыхъ и духовныхъ въ XI в., на бомбицинѣ, XIII в.

— Лексиконъ старыхъ и новыхъ словъ, на бумагѣ, XV в.

— Χειρογράφα, на бумагѣ, XVIII в.

Рукописи Славянскія.

а) *Книги ветхаго и новаго завета.*

— Псалтырь слѣдованная Сербскаго письма XV—XVI в. на бумагѣ въ 8-у, 213 лл.

— Книга Евангельскихъ чтеній Сербскаго письма XII в. (до 1200 г.), съ важною записью, въ 4-у, 189 лл. *).

— Четвероевангеліе Русскаго письма на бумагѣ, въ листъ, XV в., 289 лл.

— Четвероевангеліе Сербское, на бумагѣ въ л., XV в., 350 лл.

*) Мое изслѣдованіе объ этой драгоценной рукописи помѣщено въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизв. и неизв. памятникахъ. II: 20—36.

— Четвероевангеліе Русское, до 1536 г., на бумагѣ въ 4-у, на 362 л.

— Четвероевангеліе Сербскаго письма XVI в., на бумагѣ въ листъ, на 205 л.

б) *Книги богослужебныя.*

— Часословъ XV—XVI в., на бумагѣ въ 8-у, 152 л.

— Послѣдованіе събраніа вселѣтнаго (мѣсяцесловъ) съ пѣснопѣніями, XVII в., на бумагѣ въ 8-у, 163 л.

— Каноны келейные Сербскаго письма XV—XVI в., въ 8-у, на бумагѣ, 213 л.

— Тріодъ постная Сербскаго письма 1418 г., на бумагѣ въ листъ, 212 л.

— Требникъ: чинъ бываемыи на одѣяніи рясы. XV в., на бумагѣ въ л., 324 л.

— Ирмологій съ нотами, 1573 г., въ 4-у.

— Мѣсяцесловъ по уставу св. Саввы, XVII в., на бумагѣ въ 32-ю долю.

в) *Постановленія и правила.*

— Кормчая Болгарскаго письма, полускорописью XIII—XIV в., на бумагѣ въ 4-у, отрывокъ на 88 л.

— Правила монашескія Болгарскаго письма скорописью, XIII—XIV в., на бумагѣ въ 4-у, 142 л.

г) *Житія святыхъ.*

— *Житіе Панкратія*, Сербская рукопись на пергаментѣ, XIII—XIV в., въ 4-у, 140 л.

д) *Хронографы.*

— Хронографъ безъ заглавія, Русскаго письма XVII в., на бумагѣ въ листъ, болѣе 500 л.

— Хронографъ съ космографіей XVI—XVII в., на бумагѣ въ листъ, 306 л.

е) *Смѣсь.*

— Лѣчебникъ старообрядческій XVIII в., на бумагѣ въ 8-у, 150 л.

III.

Несравненно болѣе богаты собранія пр. Порфирія разными отрывками изъ рукописей, которыя только и уцѣлѣли въ этихъ отрывкахъ, или же сохраняются гдѣ нибудь въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Я остановился на болѣе важныхъ по древности, и только на Славянскихъ. Обозначу здѣсь и ихъ, имѣя въ виду болѣе подробныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ сообщить въ другомъ мѣстѣ.

— *Глаголическій Служебникъ*: два листка въ малую 8-ю долю *).

— *Книга Евангельскихъ чтеній* Сербскаго письма XI—XII вѣка, въ большой листъ (длин. болѣе 9 верш., шир. около 7 верш.) крупн. красив. устава въ два столбца съ красивыми рисованными заглавными буквами: одинъ листъ сплошной, а изъ другихъ листовъ —выписки. Въ концѣ книги записъ, изъ которой видно, что «Григоріе дидѣкъ застави снѣ еѡнгліе златомъ кнезю ве'ко славному Мирославоу сыну Завидиноу».

— *Стихирарь* крюковой (Хиландар. монастыря) Русскаго письма XII вѣка въ 8-у: одинъ листокъ.

— *Трифолоій*, по мѣстамъ съ крюками (Зографскаго монастыря), въ малую 4-у мелкимъ полууставомъ юсоваго, вѣроятно, Болгарскаго письма XII—XIII в.: два листка. Въ концѣ службъ мартовскихъ есть записъ съ упоминаніемъ переписчика Драгана. Въ помѣтахъ тетрадей употреблено нѣсколько буквъ, принятыхъ въ глаголицѣ.

— *Служебникъ* Русскаго письма XIII в. въ малую 4-у: одинъ листъ, заключающій въ себѣ символъ вѣры безъ начала и безъ конца.

— *Псалтырь* Русскаго письма XIII—XIV вѣка (монастыря апос. Павла на Аѡонѣ) въ 4-у: 12 листовъ. Псалмы въ напи-

*) Изданы мною съ прибавленіями и нѣкоторыми изъясненіями въ Запискахъ Академіи, IV: стр. 20 и слѣд. и въ Древ. Глагол. памятникахъ, стр. 243 и слѣд.

саніи раздѣлены на выраженія разной величины такъ, что каждое начинается съ новой строки такъ же, какъ это дѣлается въ толковой псалтыри; на пр.:

Глѣмъ моимъ къ гоу възвахъ .:.

Глѣмъ моимъ къ Боу и вѣнать ми .:.

Въ днь пѣчали моего Ба възискахъ .:.

Роукама моима ноцію предъ нимъ и не
прельщенъ быхъ .:.

Сѣвържеса оутѣшитиса дѣша моа .:.

Помануохъ Ба и възвеселихъса .:.

— *Псалтырь* (Зографскаго монастыря) Болгарскаго письма XIII—XIV в. въ 16-ю долю: одинъ листокъ. Псалмы раздѣлены такъ же, какъ и въ рукописи вышеозначенной. Въ концѣ, въ особой небольшой записи, писецъ Радомиръ дитакъ обозначилъ себя и отца своего Радослела. Такъ это второе записано преосв. Порфириемъ: не стоитъ ли въ подлинникѣ: Радослѣла?

— *Четвероевангеліе* (Зографскаго монастыря) Болгарскаго письма 1305 года, въ 4-у: одинъ листокъ. Списка записи въ замѣткахъ преосв. Порфирія я не нашелъ.

— *Четвероевангеліе* (Хиландарскаго монастыря) Болгарскаго письма 1322 года, въ большую 4-у: одинъ листъ. Въ записи обозначены: «великій прѣ Георгіе, сѣи великаго прѣ Оеω'ра Свѣслава» и «гѣто ,сѣл еи ѿ ѿ». Есть двѣ строки тайнописью.

— *Житіе и подвизы...* иже во святыхъ оца нашего Савы, списано Дометіаномъ; Сербская рукопись 1336 года.

— *Книга Евангельскихъ чтеній* (Хиландарскаго монастыря) Сербскаго письма 1337 года, въ л.: одинъ листъ. Въ записяхъ, находящихся въ концѣ книги, обозначены: «лѣ 6845 и'тв'онъ ѿ», и «лѣто 6868. Хиландарскій игуменъ киръ Арсеній, писецъ Романъ грѣшный тахъ инокъ, Сербскій царь киръ Стефанъ».

— *Сборникъ словъ Иоанна Златоустаго* 1344 г.: одинъ листъ. Въ замѣткахъ преосв. Порфирія списка записи я не нашелъ.

— *Четвероевангеліе* (Хиландарскаго монастыря) Сербскаго письма 1356 г.: одинъ листъ. Запись указываетъ писца «монаѣ

Дивниста», лѣ 6864 индиктионъ ѿ», и кончину въ этомъ году первого царя Сербскаго Стефана Душана.

— *Книга Апостольскихъ чтеній* (Зографскаго монастыря) Болгарскаго письма 1359 года: одинъ листъ. Въ записи означены: многогрѣшный Младенъ, по желанію котораго сдѣлана эта книга, Лалое писецъ, царь Болгаріи Іоаннъ Александръ и годъ 6867 ендиктионъ 13.

— *Книга Василія великаго о постническомъ житіи* Сербскаго письма 1367 года въ л. на толстой бумагѣ. Въ записи обозначено лѣто 6875.

— *Книга Евангельскихъ чтеній* (Хиландар. монастыря) Сербскаго письма XIV вѣка въ листъ на хорошемъ пергаментѣ, съ богатыми украшеніями: одинъ листъ. Въ записи обозначены: писецъ монахъ Теоктистъ и воевода Никола Станевичъ, пожертвовавшій книгу эту Хиландарскому монастырю.

— *Книга Апостольскихъ чтеній* (Хиланд. мѣря) XIV в. одинъ листъ.

ТРУДЫ ЮГОСЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

СТАТІЯ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti: такъ называется повременное изданіе новооткрытой въ Загребѣ Академіи. Первая книга его, только-что здѣсь полученная (въ 8 д.: 276 стр.), заключаетъ въ себѣ, кромѣ статей, читанныхъ въ засѣданіяхъ Академіи, разныя свѣдѣнія о самой Академіи,—свѣдѣнія любопытныя для насъ, такъ какъ къ этому новому учрежденію мы, конечно, не можемъ не относиться безъ особеннаго сочувствія.

Мысль объ основаніи Академіи въ Загребѣ была слѣдствіемъ умноженія научныхъ и литературныхъ силъ на Славянскомъ югѣ вообще и между прочимъ въ главномъ городѣ Хорватской земли, сдѣлавшемся въ послѣднее время средоточіемъ научной литературной дѣятельности юго-западнаго Славянства. Въ какомъ состояніи находятся тамъ научныя требованія, можно видѣть изъ Архива, издаваемого г. Кукулевичемъ Сакцинскимъ и изъ Книжевника, до открытія Академіи издававшегося гг. Рачскимъ, Ягичемъ и Торбаромъ *). Ссылаюсь на эти повременныя изданія, въ нашемъ ученomъ кругу болѣе другихъ извѣстныя и знающими ихъ очень уважаемыя. И нельзя ихъ не уважать: едва ли какое научное повременное изданіе у западныхъ Славянъ можетъ

*) Arkiv za povēstnicu jugoslavensku. I—VIII. 1851—1865.—Književnik. Časopis za jezik i povēst Hrvatsko i Srbsku i prirodne Znanost. I—III. 1864—1866.

быть поставлено не только выше, но и рядомъ съ ними. И въ этихъ повременникахъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ, выказалось нѣсколько даровитыхъ и дѣятельныхъ тружениковъ науки, которые съ честью могли бы занять мѣсто въ академическомъ обществѣ. Но для основанія ученаго общества въ родѣ Академіи нужны значительныя денежныя средства, а ихъ не оказывалось. Не оказывалось ихъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ пожертвовалъ значительную сумму епископъ Босенскій и Срѣмскій Іосифъ Стросмайеръ; въ слѣдъ затѣмъ можно было приступить къ собиранію пожертвованій. На областномъ сеймѣ мысль объ основаніи Академіи заявлена была 29 апрѣля 1861 г., и принята съ живымъ единодушіемъ. Оставалось составить уставъ и просить соизволенія правительства на его утвержденіе. Со стороны сейма все сдѣлано было довольно скоро: его ходатайство пошло въ Вѣну въ концѣ іюля 1861 г. Не такъ скоро пошло дѣло далѣе. Слишкомъ полтора года прошло, пока состоялось общее рѣшеніе правительства объ основаніи Академіи: оно утверждено 7 марта 1863 г. Затѣмъ прошло еще почти три года, пока присланъ былъ сейму передѣланный уставъ Академіи съ предложеніемъ принять его. Сеймъ немедленно принялъ уставъ въ этомъ новомъ видѣ, и тогда уже, 4-го марта 1866 года, онъ утвержденъ былъ императоромъ.

По этому уставу Югославянская Академія имѣетъ цѣлю самостоятельныя изслѣдованія по наукамъ и искусствамъ, всестороннее ихъ развитіе и особенно попеченіе о «Югославянскомъ» языкѣ и письменности. Она раздѣляется на четыре Отдѣленія: 1) историко-филологическое, 2) философско-юридическое, 3) физико-математическое и 4) художественное. Академія дѣйствуетъ посредствомъ засѣданій, которыя, кромѣ одного ежегоднаго, торжественнаго, бываютъ общія и по отдѣленіямъ. Въ нихъ она назначаетъ, по своимъ средствамъ, наградныя задачи для рѣшенія путемъ соисканія и присуждаетъ награды; обсуждаетъ труды своихъ членовъ и постороннихъ писателей, ей сообщенные, и признанные достойными вознаграждаетъ и издаетъ; разсуж-

даетъ о вопросахъ, предлагаемыхъ ей властями и подаетъ требуемыя по нимъ мнѣнія; назначаетъ помощь своимъ членамъ въ научныхъ и художественныхъ предпріятіяхъ, а равно и молодымъ людямъ посвящающимъ себя художеству, пріобрѣтаетъ художественныя произведенія и устраиваетъ ихъ выставки. Въ своемъ повременникѣ, кромѣ ученыхъ трудовъ, она издаетъ извѣстія о своихъ дѣйствіяхъ. Академія состоитъ изъ 32 дѣйствительныхъ обязательныхъ членовъ, которые всѣ должны быть изъ Австрійскихъ подданныхъ: каждый долженъ вступить въ одно изъ отдѣленій, не лишаясь впрочемъ права принимать участіе и въ дѣлахъ какого нибудь другаго отдѣленія. Академія, избирая ихъ на всю жизнь, изъ нихъ избираетъ себѣ, на каждые три года, предсѣдателя, подъ условіемъ подтвержденія его императоромъ, и двухъ секретарей, а по отдѣленіямъ избираются первоприсутствующіе. Она сама себѣ избираетъ, на всю жизнь, изъ сановниковъ Австрійской имперіи, покровителя, долженствующаго быть посредникомъ между Академіей и властями и слѣдить за общимъ ходомъ дѣйствій Академіи. Она избираетъ въ опредѣленномъ ею самою числѣ членовъ-корреспондентовъ и до 16-ти почетныхъ членовъ; тѣ и другіе могутъ быть и изъ иностранцевъ, но не иначе какъ съ одобренія придворной канцеляріи. Право голоса имѣютъ только дѣйствительные члены, и въ голосованіи по выборамъ дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ, а по вопросамъ, касающимся наукъ и художествъ, достаточно большинство относительное; во всякомъ случаѣ голосованье допускается только тогда, когда въ засѣданіи присутствуетъ неменѣе половины членовъ. Академія располагаетъ четырьмя пятими своего годового дохода, а остающаяся пятая доля дохода пріобщается къ капиталу. Она можетъ стараться и увеличивать свои средства и имущества собираніемъ добровольныхъ приношеній, которыя могутъ быть дѣлаемы деньгами, книгами, художественными произведеніями и памятниками прошедшаго времени. Она можетъ, сообразно съ законами, вступать въ сношенія съ другими учеными и художественными обществами. Она сама, на основаніи устава, составляетъ

и измѣняетъ правила порядка дѣйствій своихъ, которыя впрочемъ должны быть одобрены придворною канцеляріей.

Правила эти составлены въ прошломъ году и одобрены придворной канцеляріей 17 января 1867 года. Кромѣ подробностей о собраніяхъ, выборахъ, обязанностяхъ дѣйствительныхъ членовъ и секретарей, присужденіяхъ наградъ, расходахъ и т. п., въ правилахъ помѣщены и болѣе важныя мѣры. Такъ, въ нихъ постановлено, что всѣ разговоры и чтенія въ Академіи происходятъ на языкѣ Хорватскомъ (Сербскомъ), кромѣ особенныхъ случаевъ, когда самою Академіею будетъ допущено исключеніе, и что на этомъ же языкѣ должны быть издаваемы и всѣ академическія произведенія, такъ что только въ видѣ исключенія можетъ быть употребленъ для этого языкъ Латинскій.

На основаніи правилъ Академія будетъ издавать: 1) повременникъ или академическія извѣстія, гдѣ имѣютъ мѣсто разсужденія, читанныя въ засѣданіяхъ, если они не болѣе 6-ти печатныхъ листовъ, памятники древности и искусства, извѣстія о засѣданіяхъ и о состояніи Академіи, некрологи членовъ, критики замѣчательныхъ туземныхъ и иноземныхъ книгъ; 2) произведенія, приготовленныя самою Академіей въ комиссіяхъ; 3) произведенія, удостоенныя Академіею награды; 4) произведенія, присылаемыя въ Академію для изданія, если она найдетъ ихъ того достойными.

Приготовительныя засѣданія были еще въ іюлѣ 1866 года; въ одномъ изъ нихъ установлены были правила дѣйствій, въ другомъ послѣдовао раздѣленіе членовъ по отдѣленіямъ, въ третьемъ избранъ покровителемъ епископъ І. Стросмайеръ. По утвержденіи правилъ начались засѣданія на основаніи оныхъ. Первое главное собраніе было 25 іюля; первое торжественное—28 іюля. Собранія по отдѣленіямъ начались съ 5 іюня засѣданіемъ историко-филологическаго отдѣленія.

Въ настоящемъ своемъ составѣ Академія считаетъ 22 дѣйствительныхъ членовъ, изъ которыхъ 8 принадлежатъ къ историко-филологическому отдѣленію, 8 къ философско-юридическому и 6 къ отдѣленію физико-математическому. Предсѣдателемъ из-

бранъ каноникъ докторъ Фр. Рачскій, секретаремъ Ю. Даничичъ. Кромѣ того въ почетные члены избрано 8-мъ лицъ: одинъ Сербъ одинъ Словенецъ Хорутанскій, два Чеха, одинъ Полякъ, два Русскихъ и одинъ Нѣмецъ (докторъ Шлейхеръ); въ члены-корреспонденты избраны 6 Сербовъ и Хорватовъ, 7 Чеховъ и Словаковъ, 1 Полякъ, 2 Русскихъ, 1 Нѣмецъ.

Въ извѣстіяхъ о засѣданіяхъ помѣщены свѣдѣнія объ ученыхъ предпріятіяхъ, на которыя рѣшилась Академія. Это: 1) собраніе правныхъ обычаевъ Хорвато-Сербскаго народа по программѣ, предложенной докторомъ Богишичемъ, который положилъ уже прекрасное начало этому дѣлу: имъ издана въ прошедшемъ году въ Книжевникѣ и отдѣльно книга подъ названіемъ: *Pravni običaji u Slovena; Privatno pravo*, 2) собраніе и изданіе древнихъ и старинныхъ памятниковъ законодательства Хорвато-Сербскаго; 3) составленіе и изданіе полнаго Словаря Хорвато-Сербскаго языка. Кромѣ того положено издать трудъ члена доктора Ягича, «Исторію письменности народа Хорватскаго-Сербскаго», и первая книга этого труда уже отпечатана, а доктору Ягичу дано пособіе для путешествія по Далмаціи съ цѣлію собранія дополнительныхъ запасовъ для его труда. Академія, вѣроятно, приметъ на себя и изданіе двухъ другихъ готовыхъ трудовъ: Флоры Хорватской доктора І. Шлосера и Л. Вукатиновича и Римскаго права доктора Шугая.

Капиталъ Академіи простирается при открытіи Академіи до 200,720 гульденовъ. По собраніи всего, что имѣется въ виду, капиталъ долженъ возрасти до 280,000 гульденовъ слишкомъ. На издержки въ 1867 году Академія можетъ употребить до 7,856 гульденъ. Само собою разумѣется, что на эту сумму нельзя платить жалованья никому, кромѣ секретаря, ни издерживать денегъ ни на что кромѣ какъ на напечатаніе книгъ, на плату за труды, на небольшія пособія ученымъ и на необходимыя издержки по дѣлопроизводству.

Въ первой книгѣ трудовъ Югославянской Академіи помѣщены слѣдующія статьи:

1. Иос. Торбара, о перелетныхъ птицахъ въ Сербо-Хорватскихъ краяхъ съ обозначеніемъ времени и округа ихъ перелета.

2. Спир. Брусины, о моллюскахъ, находимыхъ въ предѣлахъ Сербо-Хорватскихъ краевъ, подробный перечень ихъ съ обозначеніемъ ихъ особенностей, о мѣстѣ, гдѣ ихъ находятъ, и съ библиографическимъ обзоромъ доселѣ изданныхъ трудовъ, касающихся этого предмета.

3. Юр. Даничича, о ѣ и ѣ въ исторіи Славянскихъ языковъ (см. ниже.)

4. Фр. Рачскаго, грамоты, относящіяся къ исторіи Сербовъ и Хорватовъ (всего 31: изъ нихъ одна Латинская XII вѣка, девять XIII, въ томъ числѣ одна Итальянская; семь XIV вѣка, въ томъ числѣ три Итальянскія; остальные XV вѣка, въ томъ числѣ три Итальянскія, одна Сербская). Прекрасное введеніе къ этимъ грамотамъ объясняетъ ихъ значеніе.

5. Сим. Любича, о Римской надписи, найденной въ Далмаціи, съ упоминаніемъ о *finibus Varvarinorum*.

6. Юр. Даничича, записи при рукописяхъ, хранящихся въ народной библиотекѣ и въ библиотекѣ ученаго общества въ Бѣлградѣ (старшія изъ нихъ, и то немногія, XIV и XV в., остальные XVI—XVIII вв., впрочемъ инныя съ любопытными подробностями).

7. Петра Матковича, о Московской этнографической выставкѣ: обзорѣніе состава выставки и (въ приложеніи) свѣдѣнія объ успѣхахъ географіи Россіи.

8.—11. Извѣстія о книгахъ (см. ниже).

Главное мѣсто въ числѣ статей, относящихся къ филологіи въ обширномъ смыслѣ слова, принадлежитъ статьѣ нашего члена корреспондента Юр. Даничича—о ѣ и ѣ въ исторіи Славянскихъ языковъ.

Извѣстно, что первая изъ этихъ буквъ (ѣ) есть мягкое т (ть), выговариваемое во многихъ Сербскихъ краяхъ какъ очень мягкое ч, а вторая (ѣ) есть мягкое д (дь), выговариваемое такъ

какъ очень мягкое дж: вмѣсто перваго можетъ быть произносно-мо тј, а вмѣсто втораго дј (ѣшити, = тјешити = тѣшити, — ѣло = дјело = дѣло). Въ словахъ чужезычныхъ ѣ произносится вмѣсто мягкаго — к (ѣелија = келиа, ѣирило = Кирилъ), а ѣ не только вмѣсто мягкаго д (ѣаво = дьяволъ, ѣонисије = Дионисинъ), но и вмѣсто г (ѣеванѣелије = квангелинъ, ѣорѣе = Георгие). Вмѣстѣ съ тѣмъ ѣ употребляется тамъ, гдѣ въ Старославянскомъ шт = щ, въ народномъ Русскомъ ч, въ Чешскомъ и Польскомъ ц (свѣѣа = свѣща = свѣча, = svíce = swięca), а ѣ тамъ, гдѣ въ Старославянскомъ жд, въ народномъ Русскомъ ж, въ Чешскомъ з, въ Польскомъ дз (меѣа = межда = межа = meze = miedza). Кромѣ этого ѣ употребляется вмѣсто Старославянскаго шт = щ = Русскаго ч = Польскаго и Чешскаго ц въ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія первообразныхъ глаголовъ, которыхъ коренное созвучіе оканчивается на г, к или х, и въ нѣкоторыхъ существительныхъ подобнаго образованія (жеѣи = жеши = жечь = žeci = žes, теѣи = теши = течь = tes = сіес, вриѣѣи = врѣщи — отъ врѣхъ, — моѣи = мощь = мочь = тос, пеѣи = пещь = печь = рес = ріес). На эти два случая употребленія ѣ вмѣсто Старослав. шт = щ и ѣ вмѣсто Старослав. жд г. Даничичъ обратилъ свое вниманіе, стараясь опредѣлить, какъ явилось это употребленіе. Первый изъ этихъ случаевъ, касающійся одинаково ѣ и ѣ, объясняетъ онъ такъ: въ Сербскомъ ѣ развилось изъ тј, а ѣ изъ дј; въ Старославянскомъ ј при т передѣлалось въ ш, а при д въ ж, и вышедши изъ за т впередъ, образовало шт, а вышедши изъ за д образовало жд (свѣѣа = свѣтја = свѣјта = свѣшта; меѣа = медја = мејда = межда), въ Русскомъ ч = тш = Старосл. щ, представляетъ тоже ј, перешедшее въ ш, ј, а ж = Старосл. жд представляетъ тоже ј, измѣненное въ ж, но такъ, что при ш осталось коренное т, а при ж коренное д выпало изъ выговора (свѣѣа = свѣтја = свѣтша, межа = медја = меджа). Для объясненія втораго случая г. Даничичъ припоминаетъ, что въ Романскихъ языкахъ к передъ т переходитъ въ т и потомъ изъ двухъ т одно или выпадаетъ или переходитъ въ і (Ит. atto = actus, frutto = fructus, Фр. contrat = contractus, Ит. matar = mactare, Порт.

dito=dictus, Фр. conduit=conductus, Фр. fait=Порт. feito=factus, Ит. pleito=plectus, Порт. direto=directus). Такъ, думаетъ г. Даничичъ, и въ Славянскомъ гт, кт, хт прежде всего перешли въ два т, потомъ одно изъ нихъ, второе, замѣнилось гласнымъ и, перешедшимъ въ j,—и такимъ образомъ явилось tj, а это tj послѣ перешло въ h, въ шт=щ, въ ч, въ ц.—Если все это вѣрно, то очевидно, какъ думаетъ г. Даничичъ, въ Сербскомъ нарѣчїи сохранилась всего чище и послѣдовательнѣе древняя система превращенія первообразныхъ звуковъ т, д, гт, кт, хт въ соответственные имъ мягкіе звуки.

Внимательность, которою управлялъ г. Даничичъ свое разслѣдованіе вопроса, въ отношеніи къ разнообразію Славянскихъ нарѣчїй очень любопытнаго, заслуживаетъ полного уваженія; а естественное предпочтеніе роднаго нарѣчїа всѣмъ другимъ легко могло его увлечь въ выводахъ немного далѣе должной границы. Ничего не рѣшая, а только желая большаго разъясненія вопроса столью же любопытнаго, какъ и труднаго, я позволю себѣ замѣтить, что въ нарѣчїи Сербскомъ, какъ видно изъ указаннаго выше, во многихъ краяхъ h и ħ употребляются вмѣсто мягкихъ т и д, к и г, кт, гд, слѣдовательно скрываютъ за собою разные первообразные звуки,—и между прочимъ какъ тѣ мягкія т и д, которыя во многихъ Славянскихъ нарѣчїяхъ удерживаютъ свой коренной звукъ, такъ и тѣ, которыя ни въ одномъ издревле не удержали. Уже ли это признакъ первообразности смягченія звуковъ? Нарѣчїе Польское похоже въ этомъ на Сербское по способу смягченія; но, какъ мнѣ кажется, гораздо лучше сохранило особенности двухъ способовъ смягченія: обыкновенныя мягкія т и д выговариваются по-Польски мягко, только постоянно съ призвукомъ свистящимъ (тѣшити=cieszyć, дѣло=dzielo); тѣ же смягчаемыя т и д, которыя въ Старослав. переходятъ въ шт=щ и жд, и тѣ смягчаемыя гт, кт, которыя въ Старослав. переходятъ въ шт=щ, въ Польскомъ переходятъ въ с и dz мягкія (свѣща=świeca, межда=miedza, мощь=mość, печь=piec, жещи=żec, тещи=ciec). Уже ли эта послѣдовательность отличенія двухъ

явленій для исторіи языка не важнѣе? Такъ же послѣдовательно и Старославянское нарѣчіе отличаетъ два разные случая смягченія; странность его заключается только въ томъ, что коренныя д и т при смягченіи принимаютъ передъ собою ш и ж. Г. Даничичъ думаетъ, что эти ш и ж суть превращенія звука ј, который первоначально стоялъ за т и д. Если и допустить, что это было такъ, то какъ объяснить появленіе въ Старославянскомъ шт вмѣсто смягченныхъ ск, сч (искати шптж, изъ—чезнжти=ипштезнжти) и жд вмѣсто смягченныхъ зг, зж (изгънати ижденж, възъ—желѣти=въжделѣти), гдѣ съ переходомъ свистящей въ шипящую сливается переходъ к и ч въ т, а г и ж въ д, и только ли въ т д переходятъ к и ч, а въ д—г и ж, или же к и ч въ шт, а г и ж въ жд, а с и з исчезаютъ и тутъ, такъ же какъ въ ишедъ вм изъшедъ? При томъ шт и жд такъ ли только выговаривались какъ написаны, или же и какъ штш=шч и ждж (срав. Русскій выговоръ словъ: ношъ, вещь, дождь, вождь, и т. п. и всякаго щ.)? и нельзя ли допустить предположенія, что этотъ выговоръ щ какъ *шшш* и жд какъ *ждж* древнѣе?

Въ извѣстіяхъ о книгахъ разобраны слѣдующія новыя явленія Сербо-Хорватской литературы съ показаніемъ главныхъ достоинствъ и недостатковъ и съ приведеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ:

— Историја Српске книжевности—Стояна Новаковича: въ Бѣлградѣ. 1867: 8-а: XII+326 (статья В. Ягича).

— Богомили, црква Босаньска и крстьяни—Божидача Петрановича, въ Задрѣ. 1867, 8-а: 172 стр. (статья др. Ф. Рачскаго).

— Pregled Hrvatske poviesti—Сим. Любича, въ Рѣкѣ. 1867, 8-а: 359 стр. (статья М. Месича).

Въ этомъ же отдѣлѣ дано мѣсто статьѣ др. В. Богичича о рукописи, въ которой содержится списокъ съ Записки 1551 года sulle consuetudine che sono state nel paese di Croazia da Zara fin a Nona, lequali hanno amministrato i nostri avi e proavi e noi dopo di loro. Эту Записку сообщу въ другомъ мѣстѣ по списку, у меня находящемуся.

Отдѣльнымъ изданіемъ Югославянская Академія печатаетъ трудъ своего сочлена, В. Ягича: *Historija književnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga*. Отпечатана и вышла въ свѣтъ knjiga prva, заключающая въ себѣ обзоръ письменности Хорватской и Сербской въ древнее время (*Staro doba*): Zagreb. 1867, 8-а: 204 стр.

Сочиненіе г. Ягича начинается введеніемъ, посвященнымъ разсмотрѣнію мѣстнаго разнообразія, расселенія и числа народа вообще и въ отношеніи къ мѣстности. Все Сербское и Хорватское населеніе въ земляхъ, обитаемыхъ этимъ народомъ, г. Ягичъ принимаетъ въ 5,800,000 ч. слишкомъ, именно:

	Римско-католич.	Православ.	Магометанъ.
Въ Австрійскихъ земляхъ .	1,917,729	994,512	—
» Сербіи	—	1,100,000	—
» Черной Горѣ	—	200,000	—
» Босніѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи.	300,000	900,000	400,000
	2,217,729	3,194,512	400,000

Всю исторію Хорватской и Сербской письменности г. Ягичъ дѣлитъ на три періода: 1. Древнее время, продолжающееся до конца XIV вѣка; 2. Среднее время—до половины XVIII вѣка; 3. Новое время.

Разсматривая древнее время, г. Ягичъ обратилъ вниманіе на слѣдующіе предметы: 1. Народный бытъ, 2. Крещеніе и первыя встрѣчи съ Греко-Римскимъ міромъ, 3. Подвиги Кирилла и Меѳодія, борьбы за Славянство; 4. Успѣхи письменности въ Болгаріи; 5. Богомилы, ложныя книги, народные рассказы; 6. Успѣхи образованности Хорватовъ и Сербовъ отъ XII вѣка. Въ этихъ шести главахъ дано мѣсто всему важному; не забыто даже и менѣе важное, на сколько оно извѣстно, и обозначено не только то, что непосредственно относится къ Хорватамъ и Сербамъ, но и то, что относится вообще къ Славянамъ или къ Славянамъ южнымъ, не только то, что можно считать несомнѣннымъ, но и сомнитель-

ное, при чемъ сочинитель держался своихъ особенныхъ воззрѣній и убѣждений.

Въ главѣ первой между прочимъ дано мѣсто перечню важнѣйшихъ словъ древняго языка, касающихся быта, нѣсколькимъ указаніямъ на языческія вѣрованія, на черты и рѣзы, подъ которыми сочинитель разумѣетъ руны, на различіе Югославянскихъ нарѣчій.

Во второй главѣ обращено вниманіе на первые зачатки вліянія Римской и Греческой образованности на Хорватовъ, между прочимъ относительно общественнаго строя, и на грамоты, сюда относящіяся.

Въ главѣ третьей обстоятельства дѣятельности Кирилла и Меодія изложены коротко, но съ добавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ или забываемыхъ данныхъ.

Въ главѣ четвертой рассмотрѣны успѣхи письменности въ Болгаріи въ отношеніи къ языку, преимущественно касательно фонетики, въ отношеніи къ азбукѣ, при чемъ сочинитель выражаетъ увѣренность, что глаголица древнѣе кириллицы, въ отношеніи къ произведеніямъ Кирилла и Меодія и его преемниковъ въ Болгаріи: епископа Климента, епископа Константина, Іоанна ексарха, пресвитера Григорія, в. князя Симеона, монаха Храбра и безыменныхъ, которыхъ труды сохранились въ древнихъ спискахъ.

Въ главѣ пятой дано мѣсто краткому обозрѣнію ереси Богумиловъ, предположеніямъ о сочиненіяхъ и вымыслахъ попа Іереми, соображеніямъ о ложныхъ книгахъ, притчахъ и сказкахъ, переведенныхъ или пересказанныхъ въ книгахъ и повторяемыхъ въ народѣ, о народныхъ пѣсняхъ древняго времени и о хроникѣ Діоклейской.

Въ главѣ шестой обращено вниманіе на распространеніе глаголицы въ земляхъ Хорватскихъ, какъ азбуки церковной и гражданской, на законники городскихъ и сельскихъ общинъ Далматинско-Хорватскихъ, въ которыхъ дано мѣсто и обычному праву, на упомѣнныя памятники Сербской письменности до XIII в., на значеніе Дубровника въ отношеніи къ письменности, на заслуги ар-

ієпископа Саввы, на содержаніе и языкъ древнѣйшей Сербской письменности, на Сербскія произведенія XIII—XIV вѣка, между прочимъ на труды Доментіяна, Даніила архієпископа, Григорія Цамблака, на хронографы и лѣтописи, на Законникъ Душана.

Сочиненіе г. Ягича написано легко, занимательно и вмѣстѣ съ тѣмъ почти постоянно безъ ссылокъ, а съ простыми указаніями на имена изслѣдователей или же и безъ нихъ. Мѣсто ихъ вѣроятно замѣнить общій библиографическій указатель въ концѣ сочиненія.

Судя по началу, можемъ надѣяться, что дѣятельность Югославянской Академіи будетъ не только благотворна для краевъ, для которыхъ будетъ она трудиться, но важна для Славянства вообще, между прочимъ и для насъ Русскихъ.

ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ ГЛАГОЛИЦЫ
ХОРВАТСКАГО ПИСЬМА.

Люблянскіе листки изъ сборника.

ЗАМѢТКА АКАД. И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

(См. Записки Акад. томъ XIII, стр. 168.)

Листки эти изданы вполне Шафарикомъ (Pamatky hlach. 5 стр. 61—63) и по Шафарiku Брчичемъ не вполне (Chrest: 12, Cit. 7). На нихъ написано безъ начала, середины и конца слово на усѣкновеніе Іоанна Предтечи. По сличенію оказалось, что это—переводъ слова Іоанна Златоустаго, начинающагося словами: «ὁππερ τις ἀνὴρ φιλέητος», и переводъ тотъ-же самый, какой помѣщается и въ нашихъ Русскихъ торжественникахъ и другихъ сборникахъ поученій. Это открытіе позволяетъ возстановить чтеніе Люблянскихъ листковъ въ должномъ видѣ, дополня недостающія части строкъ, а равно начало и середину слова и съ тѣмъ вмѣстѣ исправя ошибки въ прочтеніи глагольскаго списка. Издаю этотъ памятникъ вполне, ставя въ скобкахъ дополненія и разночтенія изъ Кириловскихъ списковъ. Къ сожалѣнію я немогъ получить ни снимка, ни вѣрнаго буквальнаго списка съ подлинника, и потому долженъ здѣсь сообщить глаголическій текстъ по чтенію Шафарика, очень свободному.

(Іѣкоже мѣжъ етеръ любѧ пѣстыню. на мѣстѣ нѣкоемъ глѣснѣ сѣда подѣ сѣнию при водѣ. добра гласнѣыми пискснѣми птичними и дрѣвнымъ шѣмѣніемъ движемъ. кротокъ имаше смѣслъ. бѣдаже еуѣліе проповѣда. Иродово неистовство)

*) женско бестѣднє. и пирь мѣжь безѣмныхъ. и трѣпезѣ скверн-
нѣ и дарь неправднѣ. и потрѣбление тѣлесе чѣстна. ѣко и нинѣ от
безѣмныхъ. възлюбленнѣ. егда прѣд лице свое привѣсе (= приведоша)
вещи бившее от Ирѣда (= Ирода **). аще есть и ти (= о тои)
глаголати вещи. иже такѣ сдѣѣ пагѣби. въ то врѣме Ирѣдѣ четврѣ-
товластьцѣ (= тетрархѣ) снѣшавъ сѣхъ Исѣсовъ. и рече сѣгамъ
(= отрокомѣ) своимъ. се бѣдетъ (= есть) Иванъ (= Иоанъ). его же азъ
ѣсѣкнѣхъ. та бѣдетъ всталъ (= съ воста) от (= изъ) мрѣтвнхъ. да того
(= сего) ради силѣ дѣютьсе имъ (= о немъ). повѣдаеть пророче ѣбие-
ние его же не можеть сългати. (и) вѣдѣаше бо. ѣки пророкъ (= есть и
мѣжь) свѣтъ. аще бо (бы вѣдѣ)ашъ. не би глаголашъ его (изъ м)рѣтвнхъ
въ ставѣшъ (а. и се)го ради силѣ дѣють (= силамъ са дѣють о
немъ везить). о свѣсти злѣаѣ. (о ин)омъ ѣбинствѣ. а не (о т)акомъ
(= о снѣмѣ) о немже и са(мъ с)вѣдѣтельствѣ(еть). о свѣсти жи-
вѣщи сѣ. дѣшѣ скверннѣ д(о смрѣ)ти живѣщи и по (смрѣ)ти неѣ-
тѣшнѣ сѣ(дѣ прѣ)снѣмлющи. и за кѣю в(нѣ) ѣбисте пророка.
за(н)е божи (= бысть) проповѣдатель (исти)ннѣ и безаконъ-
нѣю (его) дѣтель обнѣчение(мъ хо)тѣаше раздрѣши(ти) (= раз-
дрѣшити). и емъ же достѣѣше (ако) цѣсарю. хранителюб(ѣти)
заповѣдемъ божи(нымъ). се (=то) не ѣд(р)жа б(ѣ)щннѣа плѣ)тнаго.
и за(конъ) (раздрѣ)ши. прѣр бо то есть) правднѣ. иж(е законъ) пра-
веднѣ посылае. прѣвѣ(е самъ) к людѣмъ. како бо (инъ сѣ) под
нимъ красотѣ(ѣ по) чинѣ ѣправнѣ. а(ще) не правднѣ законѣ. ѣко
бръздамъ от тѣж(нѣ)аго рода чловѣчьско(го обѣ)даеть). Ирѣд же
цѣсарь (сын) не людѣмъ нѣ похотѣмъ. (имъ же) бо кто побѣждѣнъ
(бѣ)детъ. томъ есть рабъ (= томъ са и поработитъ). (не то)кмо же
законъ божи (раздрѣ)ши. нѣ и ѣбинствѣ)о неправдѣное сѣдѣѣ
(= сѣдѣ)ла. и так(о) (ко)го ѣби. мѣжа правдѣна. (его) же и господъ
свѣдѣте(льств)ова (= мужа иже въ ѣбѣстѣи живаше безводнѣ)
и неплѣднѣ (без)трѣв(нѣ)ѣ (= безтравнѣ). в ѣбѣст(ѣи)и живѣаше
Иванъ. не (бѣ)гае своего племенѣаго ро)да чловѣчьскаго. нѣ б(ѣ)-
гаеть (видѣти и слышати скверннѣи члѣка з)лодѣѣннѣ. сви нѣ
сѣ (= сѣм) ни жне (= жа) нѣкогда же. тѣм же и (= ни) хлѣба
не имѣаше. ни вина. ни трѣпези. ни одра ни поотѣнаго (= менша)
сѣлѣи. ни мекъкихъ ризѣ. ослабѣѣющѣ(хъ) женолюбна тѣлеса. ни
свѣще. ни свѣщнѣика. ни стола. ни чаше. ни кринице. кромѣ бо си
мира (= всего мира). ни чѣсо же от вѣсего мира не трѣбоваше

*) Отъ сюда начинается глаголическѣй текстъ.]

**) Въ Кирилл. спискахъ постоянно Ирод.

(= имѣаше). живѣаше же не в хранинѣ (= храмѣ) златомъ ѡкрашенѣ (= искушенѣ), нѣ под каменемъ самоѡкрашеномъ (= самоискушеномъ). семѡ (= емѡ) (и) и столъ и тръпеза и одръ земля бѣ. и мяса акриды и медъ дивн. семѡ чаша пѣгрище *) (= пригорща) бише. и вино весельное сладкаѣ вода и съ камене текѡщиѣ. сего Ивана емѡ (= имѡ) привеза е и ѡсѣкнѡ и. (= сваза Иродѣ) **)

(и вверже и въ тѣмницю. жены ради Филипа брата своего. о вещи испровержена. Иоанѣ связанѣ дѣшю пленицами грѣховнѣми хотя разрѣшити а онѣ разрѣшающаго свазаше. но аще и свазаше. Иоанѣ глѣаше. въ тѣмницѣ виѣщаемыи обличаше. свершаше писаниа. и гла о свидѣннѣхъ предѣ цѣри не стыдаса. не боа бо са смѣрти Иоанѣ. но боашеса еже не глѣти истинѣ. сего ѡби Иродѣ. сего же ѡби не единого бо токмо ѡби. но многѣ. ѡбивѣи бо ѡчитела и пользника дѣшамъ. не единого ѡби но толико елико ихъ живѣ хода могѣ бы словомъ оживити. и когда сего ѡби. срамота есть глѣти. срамота же и не глѣющѣ. но створшемѡ ѡбиство. рождѣствѡ бо рече дѣсемѡ Иродовѡ. пласа дщи Иродѣмѣдина по средѣ. и ѡгоди емѡ. тѣмъ же съ ротоу клатѣса еи дати. его же аще въпроситѣ. она же наоучена матерію. даи же ми рече на блюдѣ сѣце главѡ Иоановѡ. о рождѣство злое прѣрѣсѣскимъ дѣша ѡбиствомъ. въ не иже мѣсто достоаише сѣтымъ мѣжа на трапезѡ звати. тако бо бы развращенаи дѣша его исправиласа. съ преподобнѣимъ бо преподобенѣ ѡбдешн. и съ развращенѣимъ развратишиса. въ неи же мѣсто подобаетъ вдовицамъ помощи. и сиротѣ помилувати. да бы многими и различными мѣтвами свои животъ неподвижно схранилѣ. нѣтъ же съ мѣжи нечѣстивѣими и съ женами стѣднѣими веселаса. виномъ многѣимъ и женами сквернѣными обольщенѣ. предтечу Иоана. денѣицю ѡтренюю ѡбиствомъ разруши. просвѣщѣнаго добрѣ. свѣщѣ вѣрнѣю. свѣтильника всемѡ мирѡ. Иоана ѡбиствомъ разрѣши. онѡго бо аще и скѣдельнѣи съсѡдѣ на земли распадеса. но ѡбо дѣхвѣнаи его свѣтлаи свѣща сѣщимъ въ ѡдѣ вѣрнѣимъ свѣтъ добрѣ просвѣщааше. прѣрѣкъ же вѣдѣи. ико имать варити гѣ въ адѣ. посла къ немѡ етерѣ ѡчѣнѣи къ своимъ гѣа. ты ли еси градѣи или иноѡ часемъ. и не незнаа въпрашае. како бо былѣ незнаи гѣа. сгда и самѣ казаше гѣа. се агнѣцъ бѣи. въземлан грѣхѣи всего мира. како бо былѣ не

*) Такѣ у Шафарика.

**) Тутѣ оканчивается листѣ, какѣ можно заключитѣ по безсвязности предѣидущаго съ послѣдующимъ. У Шафарика это не отмѣчено, а только поставлена точка послѣ словъ: «ѡсѣкнѡ и».

знатъ. видѣвъ стѣи дхъ съшедъи съ нѣсе на нѣ. и слѣшавъ
 очѣ гласъ о немъ глѣощъ. се естъ сѣи мои възлюбленъи. о немъ
 же бл҃гоизволихъ. но въпрошаеъ тако. ты ли еси градыи или
 иного чаемъ. не рече бо. ты ли еси пришедъи. пришелъ бо бѣ на
 землю. но ты ли еси градыи. сирѣчь яко въ адъ. ли иного чаемъ.
 глѣаше Иоанъ о себѣ. яко еда хочетъ ангѣлъ оукрѣплъ послати въ адъ.
 дѣло его съвершающе. или егда како хочетъ вса единомъ гласомъ
 въскрѣсити. яко же и при Лазори сътвори. сего ради не могъи ра-
 смотрити съвѣта глѣа. впрашаше глѣа. ты ли еси градыи или иного
 чаемъ: въ адъ сего ѡби Ироодъ. и вако ѡби. роженъю рече бывшию
 пласа дщи Иродыднна по средѣ. достойнаи игра таком трапезы.
 идѣ же бо скакание и пиманство и гѣсли. тѣ нѣстъ ничто же
 твърдо. но все движимо. и непстовое повѣдам Иродово безѣмие.
 слѣпшите любящи пласание. иже оглашаете ѣши своимъ многоматеж-
 ными ногами. ослабленыхъ отрочищъ. и своимъ срѣца съ ослабленъи-
 ми телесы ослабляюще. ѡслѣпшите таковъ кѣплю ѡбинственъ. мно-
 говѣтимое пласание приобрѣте. она же навчена матерню рече. даи
 же ми сѣмо на блюдѣ главъ Иоановъ. о зламъ лѣвица. аспидное от-
 роча. не проси злата ни сребра. ни каменни драгаго. но главъ Иоано-
 вы. и аще бы вѣрты ради просила. многымъ дражшии естъ глава
 Иоанова всякого злата и сребра и каменни многоцѣннаго. но не
 проси вѣрты ради. да бы почла. но да обличителя обивши матери
 дасть винѣ на злобныи грѣхъ. слѣшавши зловѣрныи црѣ оскрѣбѣ.
 не ѡбинства ради члѣча. но страха ради людска. за не вси яко
 пррѣка имахъ. аще бо бы говѣнии ради творилъ. не бы исъ прѣва
 связалъ его и вмѣталъ въ темницу. но и оскрѣбѣ народа ради. и
 бѣ тогда дшѣ Иродова яко въ мори на тѣснѣ мѣстѣ корбаль ва-
 ламса. и къ обѣма стѣнама приражамса. да бы не створилъ ѡбини-
 ства. а възлежати съ нимъ възбранахъ емъ. стѣже же си лѣстивыи.
 многошѣмною женскою похотью. примитъ ѿ сего плашѣбныи отвѣтъ.
 на ѡбинство пославъ. ѡсѣкнѣ. о како естъ зло закланатиса. нѣинѣ по-
 мните гдѣ глѣоща. азъ же глѣю вамъ не кленитеса отъинѣдъ. аще бо
 бы не клалса оканънъи. не бы оставилъ отъинѣдъ ѡбинства створи-
 ти. достояше бо емъ отъинѣдъ не клатиса. но понсже са клалъ.
 лѣжан емъ бѣ престѣпати. въ злѣмъ бо избрании пославъ ѡсѣкнѣ и) *)
 камъ рѣка дръзнѣ възлюблени на светѣ вию Ивановъ нанести мечъ.
 его же звѣри(е) пѣстынни (= въ пѣстыни) (ѡ)боѣшесе. его же
 лѣви (= лѣове въ пѣстыни) вѣстрепеташе. его же керасты и зми-

*) Отъ сюда продолжается глаголическiй текстъ.

ве и аспиди здръгнѣшесе. его же дивіе пчели дѣлающе питахѣ. свети-
 не его ради. от различныхъ бо двѣтъдѣ и били (= были и) събирающе
 росніе капле стрѣдѣ (= стрѣдѣи медѣ творащи) приношахѣ емѣ.
 сего рѣка воина (= воина) ѡсѣкнѣ. не прѣжаснисе (= не сдѣгнѣв-
 шиса). анѣлѣ ска (= анѣлѣска) лица (= образа). и не вострепе-
 тавши отъ зрака емѣ (= его). стѣвенца се (= свѣтащагоса) бо-
 гозѣпно. нѣ мнѣти (= мню) ѣко ввплемѣ (= ѡпытѣмѣ) Ирѣдовою
 омрачѣсе (= омрачиса) вопнѣ. мечѣ ѡбо имѣаше. (и) ѡсѣкаемѣ же
 главѣ Ивановѣ не капаше кровь изъ нсе. не бѣ бо пилѣ николи
 (= никогда) же вина. несомѣ же глава Иванова на вечерѣ (= и
 несасѣ главѣ Иоанову на блюдѣ на вечерю. а кровь искапаше отъ
 нем) (и тогда) глаголаше (въпишасѣ) къ Ирѣдѣ. не достойтъ ти
 жени имѣти Пилппа брато своего. (и) по семрѣти бо правѣдни
 живѣ есть. (и главѣ его ѡсѣченѣ гласѣ его живѣ есть). Олѣ (= о)
 сѣрови чловѣкѣ. на немъ же блюдѣ меса ѣдѣаше. на томъ же главѣ
 мѣжа правѣдна положи. не довѣлѣ ли то Ирѣде младихъ дѣти иско-
 ление (= изгѣбление) бывшее въ Витлеомѣ. не ѡжасише (= ѡстраши-
 ша) ли тебе отѣцѣ и матери (= матерѣ) стенаниѣ и плачи. копыи
 острѣише не прѣклонише ли тебе многотѣкѣщихъ (= многотѣч-
 ныхъ) слѣзѣ капле отъ чрѣсаль въздражающесе и прѣспѣвающе
 источники. егда се отци по прѣсемѣ биѣхѣ. и чѣста въздыханиѣ имѣ
 отъ сръдацѣ (= отъ срдѣцѣ) сквозѣ ноздри всхождахѣ (= исхождахѣ).
 егда матери своихъ чрѣсанѣ лѣторасли младихъ безъ врѣмене ѡведѣ-
 ши (= ѡвадоша) плакахѣсе. егда жени съсци (= изъ съсцю) мѣлко
 точеце (= точахѣ и) землю обѣлише (= обѣлахѣ). отѣтрѣгаемомѣ
 (=отътрѣзаемѣмѣ) младенѣцемѣ вѣнезавѣ и искаемомѣ. егда отѣцемѣ
 тѣщи биста рѣцѣ своихъ чедѣ (= своего плода). и матеремѣ съсци
 отъ младихъ зѣбѣ и оскитаниѣ (=скоктаниѣ) искаахѣ. о котори бо се
 (= ѡбо) звѣрь не би (са) тогда прослѣзилѣ. незлобивихъ младенѣцѣ
 чистіе дѣше виде искалаеми. ихъ же дѣше тольми бѣахѣ чистіи (=не-
 злобивы). елма и ѡди (ихѣ) млади. егда та бѣша и ти обличили о
 Ироде. иже не ѡже ѣзыка имѣахѣ ѡстрѣбѣша. ни зѣбѣ ѡтвердѣиша
 възвращающѣ ѣзыка. да бы въ ѡстѣхѣ ѡслаждѣше ѡстнами изре-
 кли). не довѣлѣ ли ти о Ирѣде тако (= толико) ѡспрение да и(нѣ)
 Ивана ѡсѣкнѣ. смѣ же нѣ (= не) бѣ достоенѣ (= достойнѣ) власа
 единого двигнѣти. и дѣти (= отроки) Рахилини исколь. и црквена-
 го ѡчитѣла Ивана ѡсѣкнѣ. како симѣ всѣмѣ милостивѣ ѡдѣ тебѣ.
 глаголетѣ господѣ. о граде кровави (=градѣ кдѣ есть кровавыи).
 в немъ же цѣсарѣствова (=цѣрѣствѣсть) Ирѣдѣ. ѡви мнѣ. емѣ же бѣ
 (= иже хотѣ) бити цѣсарѣви чѣстнѣишѣ ѡ(= цѣрѣ чѣстнѣишѣ) то

биси (= бысть) бещьстию водьць (= вождь бещьстьяти). потом же (ходащии) Июдѣи наѣчьпесе (= набчипаса) ѡбивати. до Христова ѡбинства доидѡ (= догнашаса). съ бо младенце иска и Ивана ѡсѣкнѡ. *).

Очевидно, что глаголическій списокъ отличается отъ кирилловскихъ только нѣсколькими пропусками, перестановками и перемѣнами словъ, да еще правописаніемъ Сербскимъ, по которому, сообразно съ выговоромъ, употреблены: и вм. ѣ, е вм. а, ѡ вм. ѡ, ѡ вм. ѡ, а (иногда) вмѣсто ѡ и ѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вглядываясь въ языкъ памятника, нельзя отвѣргать, что Славянскій переводъ этого слова Іоанна Златоустаго принадлежитъ къ древнѣйшему времени Славянской письменности. Нельзя не желать найдти это слово въ древнемъ кириловскомъ спискѣ, хотя бы и Русскомъ.

И. И. Срезневскій представилъ слѣдующее общее замѣчаніе о древнѣйшихъ памятникахъ Глаголицы Хорватскаго письма:

Въ теченіе марта мѣсяца окончилъ я разсмотрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ глаголицы хорватскаго письма въ отношеніи къ ихъ языку и содержанію. Определить съ достовѣрностію время, когда они написаны, не возможно. Только по сравненію съ памятниками XIV вѣка и болѣе поздними, можно допустить домыслъ, что они писаны ранѣе, въ XIII или же и въ XII вѣкѣ. Языкъ ихъ тотъ же, что и въ Сербскихъ Кирилловскихъ рукописяхъ этого времени. Сохранились они въ отрывкахъ, а потому о содержаніи ихъ многихъ заключеній и выводовъ сдѣлать нельзя; тѣмъ не менѣе представляется несомнѣннымъ кое-что довольно важное. Очень немногіе изъ памятниковъ, какъ на пр. и Люблянскій отрывокъ часослова, могутъ быть отнесены по содержанію къ числу Римско-католическихъ церковныхъ книгъ: въ такихъ книгахъ и на самомъ языкѣ легли отпечатки вліянія Латинскаго. Въ большей части доселѣ найденныхъ памятниковъ мѣста изъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта приведены въ томъ самомъ перево-

*) Тутъ оканчивается второй листъ глаголическаго текста. Последнихъ словъ «св.—ѡсѣкнѡ» въ Кирилловскихъ спискахъ нѣтъ.

дѣ, какъ и въ Кирилловскихъ рукописяхъ, впрочемъ не самыхъ древнихъ. Изъ отдѣла житій сохранились только два отрывка: одинъ изъ житія св. Феоклы у г. Кукулевича, другой изъ житія св. Прохора у г. Брчича изъ числа Греческихъ. Изъ отдѣла поученій сохранился только одинъ памятникъ, въ Любянскомъ второмъ отрывкѣ, отрывокъ изъ слова на усѣкновеніе главы Іоанна предтечи: мнѣ удалось замѣтить, что онъ принадлежитъ слову Іоанна Златоустаго (*ὁσπερ τις ἀνὴρ φιλέριμος*), котораго переводъ помѣщается и въ нашихъ торжественникахъ и другихъ подобныхъ сборникахъ («іако же мѣжь етеръ любя поустыню»). Въ хорватскомъ глаголическомъ памятникѣ переводъ тотъ же, и поэтому съ помощію нашихъ рукописей можно дополнить не достающее и облегчить себѣ чтеніе неясно читаемыхъ буквъ и словъ.

Другая замѣтка г. Срезневскаго касается одной изъ апокрифическихъ книгъ, найденной имъ въ древнемъ не-Русскомъ спискѣ.

Въ числѣ апокрифическихъ книгъ, помѣщаемыхъ въ нашихъ сборникахъ, встрѣчается сказаніе Іоанна Богослова о второмъ пришествіи Спасителя; оно извѣстно было со времени Ламбеція въ Греческомъ подлинникѣ. Впрочемъ списки и Слав. перевода и Греческаго подлинника всѣ недревни: древнѣйшіе относятся къ XV вѣку; притомъ въ нашихъ спискахъ, доселѣ открытыхъ, переводъ подвергся кое-какимъ и даже въ иныхъ значительнымъ перемѣнамъ и сокращеніямъ. Въ отрывкѣ изъ Болгарскаго сборника XIV вѣка, доставленномъ мнѣ А. Ѳ. Бычковымъ, я нашелъ первоначальный изводъ перевода этого замѣчательнаго памятника; онъ важенъ и по древности языка, и какъ указатель древней, несохранившейся редакціи подлинника.

Signature of the author

ЧТЕНИЕ О ЯЗЫКѢ КРЫЛОВА.

АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Крыловъ былъ почитаемъ современниками, какъ одинъ изъ лучшихъ писателей; не менѣе чтится онъ дѣтьми и внуками ихъ. И это не то холодное почтеніе, которое остается за уваженными писателями и тогда, когда ихъ произведеній не читаетъ уже никто, кромѣ развѣ тѣхъ любознательныхъ людей, которымъ онѣ нужны, какъ памятники времени: уваженіе къ Крылову есть любовь къ нему, какъ къ человѣку, дѣйствующему на душу своею доброю душею, вызывающему простосердечное настроеніе своимъ собственнымъ простосердечіемъ, вызывающему насъ на лучшее, оставляющему въ насъ нравственное спокойствіе. За шестьдесятъ лѣтъ передъ этимъ стали читать и учить его басни; поколѣнія смѣнялись одни другими: для каждого новаго Крыловъ становился тѣмъ же другомъ, и въ каждомъ прежнемъ, старѣвшемъ, съ лѣтами крѣпла любовь къ нему, какъ къ другу. Уваженіе къ Крылову никогда не уменьшало уваженія къ другимъ писателямъ; но и само не только не уменьшалось отъ этого, а возрастало. Произведенія другихъ писателей нерѣдко перечитывали и выучивали по наказу; къ баснямъ Крылова никогда никого не надобно было приневоливать: онъ былъ и остается каждому нуженъ.

Такое значеніе Крылова зависитъ, кромѣ многаго другаго, и отъ языка его. Его басни останутся прекрасными и въ хорошемъ переводѣ на другой языкъ, но ни въ какомъ переводѣ не

будутъ такими какъ въ Русскомъ подлинникѣ — въ томъ видѣ, въ какомъ далъ онъ ихъ намъ.

Въ каждомъ языкѣ таятся неизсякаемыя силы выразительности, надобно только умѣть ими пользоваться. Только незначительною долей ихъ пользуются всѣ, кто какъ можетъ, такъ что иной не управится и съ нею; другими менѣе или болѣе незначительными долями располагають разные части народа, каждая своею, смотря по степени и роду образованности, по занятіямъ и умственному настроенію, по даровитости и наклонностямъ; только самыя даровитыя и внимательныя овладѣвають долями болѣе значительными. Многое остается для немногихъ только понятнымъ, не входя въ запасы выразительности, ими для себя усвоенными; многое остается для многихъ даже и внѣ этого круга. Конечно, безъ пособія памяти и въ родномъ языкѣ не достигнуть желаемой силы выразительности, но не достигнуть ее усиліями одной памяти: нужно духовно сжиться съ языкомъ, сдѣлать его неотдѣлимою частію своего духа такъ, чтобы и думы и чувства жили въ насъ нераздѣльно съ созвучіями языка, ихъ вѣрно выражающими, и съ образами ихъ логической и поэтической постановки въ языкѣ. Въ человѣкѣ развивается чутье языка, въ силу котораго съ правильнымъ употребленіемъ общеизвѣстныхъ словъ и оборотовъ, въ ихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ, онъ овладѣваетъ умѣньемъ пользоваться словами и выраженіями не общеизвѣстными, какъ будто новыми, нерѣдко точно новыми, но также понятными, какъ понятны разные видоизмѣненія словъ смотря по ихъ положенію въ выраженіяхъ, пользоваться не спрашиваясь, были ли они кѣмъ когда нибудь сказаны, лишь бы вѣрно выражали то, что должны выразить, помогаясь только одного — вѣрной выразительности. Безъ этого чутья языка, какъ бы много словъ и выраженій ни внесли мы въ память, или въ памятные книжки, все это богатство будетъ не наше, не наша плоть и кровь, а бѣлила и румяна. Такъ щеголяютъ иногда знаніемъ чужихъ языковъ, такъ щеголяютъ иногда и знаніемъ своего роднаго языка, пестря его чѣмъ придется. Нравится иногда и эта пестрота, сходясь съ временными прихотями вкуса общества; но скоро наскучаетъ, становится противною, какъ все неестественное. Только искусственная выразительность,

какъ сила свободная, самобытная, исходящая отъ души, проникаетъ въ душу, дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сама сильнѣе. Конечно, не всегда такая сила выражаться равно сильна въ чело-вѣкѣ: она нуждается въ волѣ и въ размышленіи, какъ и каждое отчетливое развитіе мысли или образа; но и воля и размышленіе тѣмъ легче дается, чѣмъ крѣпче внутренняя сила, чѣмъ крѣпче живое чутье языка. Какъ своей собственною, свободною и само-бытною силою Крыловъ владѣлъ роднымъ языкомъ; тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ имъ на другихъ, чѣмъ болѣе вдумывался, чѣмъ болѣе готовъ былъ выразить свою думу и чувство искренно. Отсюда сочувствіе къ нему, ничѣмъ не умаляемое, сочувствіе всѣхъ возрастовъ, нерѣдко сильнѣющее по мѣрѣ развитія въ чело-вѣкѣ чутья языка, имъ самимъ въ немъ сѣмага.

Можно такъ сказать химически отдѣлить, чѣмъ именно дѣй-ствовалъ и дѣйствуетъ Крыловъ на своихъ читателей, давая свободу выразительности языка. Можно отдѣлить въ его языкѣ *слова*, какъ вѣрныя изображенія его понятій и образовъ: и пре-красенъ и разнообразенъ и богатъ его подборъ словъ, такъ бо-гаты, что изъ однихъ басенъ Крылова можно выбрать довольно большой словарь Русскаго языка, не полный болѣе всего въ пред-метномъ отношеніи, такъ какъ Крылову не случилось говорить о многихъ предметахъ. Можно отдѣлить въ его языкѣ множество *оборотовъ*, особенныхъ способовъ сочетанія словъ и при этомъ разныхъ видоизмѣненій словъ: въ этомъ отношеніи языкъ Кры-лова если не богаче, то и не бѣднѣе чѣмъ словами. Можно от-дѣлить въ немъ огромное число *выраженій*, тѣхъ связей словъ, которыя для ума нераздѣлимы такъ же, какъ и слоги одного сло-ва: многія изъ нихъ — старое достояніе народа, вытравленное изъ нѣкоторыхъ его слоевъ чужезычіемъ и чужеобычіемъ; мно-гія выникли изъ души Крылова, и дороги своею выразитель-ностью не меньше тѣхъ. Можно отдѣлить въ языкѣ Крылова множество *пословицъ* и *поговорокъ*, и взятыхъ имъ у народа и данныхъ имъ народу, ничѣмъ одна отъ другихъ не отличныхъ, если не знать, что та или другая изъ нихъ была въ ходу и до Крылова, а та или другая пошла въ ходъ только послѣ Кры-лова. За всѣмъ этимъ легко отдѣляемымъ остается то, что не выдѣляется ни какимъ химическимъ разложеніемъ: связность ча-

стей въ одно цѣлое, жизненная сила живого, безъ чего не былъ бы Крыловъ Крыловымъ, безъ чего не замѣнять его басенъ ни какіе сборники словъ, оборотовъ и выраженій, поговорокъ и пословицъ, вошедшихъ въ его басни, какія обольстительныя формы ни придать имъ. Тѣмъ то и великъ Крыловъ въ выразительности языка, что для него богатства Русской рѣчи не были чужимъ добромъ, такъ или иначе подобраннымъ, а достояніемъ его души.

Сравнивая Крылова съ другими писателями его времени, надобно признать, что и онъ иногда подчинялся всѣмъ принятымъ образцамъ не только въ выборѣ предметовъ, въ расположеніи и въ изложеніи произведеній, но и въ языкѣ и слогѣ, въ пониманіи приличій относительно выбора словъ и выраженій и относительно такъ называемой поэтической вольности, но это невольничанье, заразившее многихъ изъ нашихъ даровитыхъ писателей, было для него не жизненнымъ недугомъ, а временною болѣзнію. Въ большей части басенъ его вмѣстѣ съ силою соблюдена и чистота языка до мелочей: нѣтъ ни Славянскаго выговора словъ, ни неправильныхъ удареній для стиха или для рифмы, ни одночленныхъ прилагательныхъ вмѣсто двучленныхъ, ни неестественнаго расположенія словъ. Менѣе всѣхъ своихъ современниковъ онъ пользовался обычаемъ нарушать чистоту языка, когда оставался самъ собою, когда давалъ себѣ право говорить отъ души какъ чувствовалъ.

Чутье языка остается для большинства безотчетнымъ. Не отдавая никому отчета въ мелочахъ, оно по видимому и не отличаетъ того, что придаетъ выраженіямъ силу, отъ того, что ее ослабляетъ; но при всей своей безотчетности оно не стольконисходительно, какъ можетъ казаться. Не отвергая ничего по мелочамъ, оно караетъ писателей холодною тѣмъ болѣе, чѣмъ само живѣе и чѣмъ болѣе бываетъ оскорбляемо нарушеніями чистоты и недостаткомъ живой силы языка. Оно покарало холодною многихъ писателей, достойныхъ лучшей участи, писателей, для которыхъ Русскій языкъ былъ болѣе механическимъ орудіемъ, чѣмъ живою силою, не отдѣлимую отъ мысли и чувства. Не то было съ Крыловымъ. По дарованіямъ, онъ былъ не сильнѣе нѣкоторыхъ изъ писателей забытыхъ, и не только не забыть, но

остается такимъ же живымъ возбудителемъ мысли и чувства, ка-кимъ былъ въ свое время; границы его власти, кажется, даже раздвинулись, и не сдвинутся надолго. Такъ пѣсни пѣвца народнаго, вѣрно сбереженныя памятью народа, остаются неизмѣнно свѣжими цвѣтами поэзіи, какъ бы ни были онѣ стары по времени ихъ сложенія. Рядомъ съ этими живыми цвѣтами поэзіи ставятся нерѣдко поддѣльные цвѣты подражаній, и нравятся, нравятся даже болѣе, гораздо болѣе — на время, пока не устарѣли прихоти, силою которыхъ была за ними признаваема поэтичность, — и потомъ дѣлаются они и смѣшны и жалки своею поддѣльностью.

Нельзя отвергать, что Крыловъ заботился о выразительности языка, искалъ въ умѣ выраженій, совпадающихъ вполнѣ съ его мыслию, и потому перемѣнялъ ихъ, поправлялъ себя; но нельзя также отвергать и того, что онъ и въ первыхъ своихъ басняхъ выказалъ ту же свободную силу языка, какъ и въ другихъ, написанныхъ позже и гораздо позже, что не былъ онъ подъ тяготѣніемъ силъ новаго литературнаго языка, а самъ былъ одною изъ этихъ силъ, силою могучею, хотя и не замѣчаемою. И задолго до того, какъ сталъ онъ писать басни и только басни, владѣлъ онъ выразительностью и плавностью языка всегда, когда хотѣлъ и могъ оставаться самимъ собою, не надѣвая на себя маски условныхъ приличій, и не давая воли пользоваться тѣми отступленіями отъ чистоты языка, которыя были допусκαемы на выкомъ и примѣромъ образцовыхъ писателей. Въ этомъ отношеніи его литературные труды могутъ наводить внимательнаго наблюдателя на замѣчанія, достойныя соображеній.

Крыловъ оставался дѣятелемъ въ литературѣ Русской въ продолженіи слишкомъ пятидесяти лѣтъ: писалъ въ годы славы Державина и Хераскова, продолжалъ при Карамзинѣ, при Жуковскомъ, при ученикѣ своемъ Грибоѣдовѣ, кончилъ вмѣстѣ со своими учениками, Пушкинымъ и Марлинскимъ, при Сенковскомъ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и ихъ современникахъ. Кто не знаетъ, что пережила въ продолженіи этихъ многихъ лѣтъ Русская литература, а съ нею и Русскій литературный языкъ; кто не скажетъ, говоря по совѣсти, что произведенія многихъ, многихъ писателей, когда то и даже очень недавно знаменитыхъ, любимыхъ, трудно и непріятно читать — болѣе всего

потому, что ихъ языкъ не нашъ языкъ? Между прочимъ и многіе изъ стиховъ Крылова, имъ напечатанныхъ въ молодые годы, могутъ понравиться развѣ въ вольномъ переводѣ на какой нибудь иностранный языкъ или въ вольномъ пересказѣ на нашемъ нынѣшнемъ.

Повсюду вдругъ меня сгущенный вьется мракъ
И кажетъ всюду мнѣ княжны кровавый зракъ.
Я слышу стонъ ея, зрю трепеть, скорбь, смятеніе.
Не мучь меня, не мучь, ужасно привидѣнье!
Уже довольно я за злость мою терплю:
Стеню, страдаю, рвусь, и ахъ! еще люблю!
Люблю, когда мой духъ всю злобу ощущаетъ.
Люблю: въ страданіяхъ то сердце мнѣ вѣщаетъ.....

Се путь изрытый пропастями,
Усыпанъ множествомъ цвѣтовъ,
Куда влекомые страстями,
Подъ мнимой прелестью оковъ,
Идутъ несчастны человѣки
Вкусить отравъ пріятныхъ рѣки,
И, чувства въ оныхъ погубя,
Въ ужасны пропасти ввергаться,
И жаломъ совѣсти терзаться
Низринувъ въ гибели себя.

Въ девяностые годы прошлаго столѣтія такимъ языкомъ выражался не одинъ Крыловъ: у лучшихъ поэтовъ того времени языкъ не лучше.

Для примѣра беру безъ особеннаго выбора часть произведенія Державина:

Какое гордое твореніе,
Хвостъ пышно расширяя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахромой
Позады чешуйкой груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый дивный щитъ.

Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждого концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы

Струиста злата и серебра:
 Наклонить — изумруды блещутъ!
 Повернетъ — яхонты горятъ.....

Но что за чудное явленіе!
 Я слышу нѣкій страшный визгъ.
 Сей фениксъ опустилъ вдругъ перья,
 Увидя гнусность ногъ своихъ.
 О пышность, какъ ты ослѣпляешь!
 И баринъ безъ ума — павлинъ.

За покровомъ такого языка нашихъ поэтовъ прошлаго времени иные критики не были въ состояніи увидѣть ихъ поэтической силы и унижали ихъ какъ недостойныхъ славы, возвышая поэтическую силу въ другихъ за стихи, въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ хорошаго языка.

Въ тѣ же девяностые годы тотъ же Крыловъ могъ выражаться и другимъ языкомъ:

Любовь дурачеству съ родни:
 Дѣля весь свѣтъ между собою,
 Онѣ, мой другъ, въ двоємъ одни
 Владѣть согласно стали мною...
 Нерѣдко, милымъ быть желая,
 Я передъ зеркаломъ верчусь,
 И женскій вкусъ къ ужимкамъ зная,
 Ужимкамъ ловкимъ ихъ учусь:
 Лицомъ различны строю маски,
 Кривляю носикъ, губки, глазки,
 И, испугавшись самъ себя
 Ворчу, что вялая природа
 Недоработала меня,
 И такъ-пустила — какъ урода...
 Забывшись, рокъ я поношу,
 И головы другой прошу,
 Незная, чѣмъ и той я стою,
 Которую теперь ношу...
 Суетъ бывало ненавѣда,
 Въ тулупѣ лѣтомъ дома сидя,
 Чиновъ я пышныхъ не искалъ
 И счастья въ томъ не полагалъ
 Чтобъ въ низкомъ важничать народѣ;
 Въ прихожихъ ползать не ходилъ.

Мнѣ чинъ одинъ лишь лестенъ былъ,
Который я ношу въ природѣ,
Чинъ человѣка: въ немъ лишь быть
Я ставилъ должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считаю одно неложной славой.
Теперь, мой другъ...
Отставка начала мнѣ скучить,
Хочу опять надѣть мундиръ
«Какъ счастливъ тотъ, кто бригадиръ,
Кто можетъ вдругъ шестерку мучить!»
Кричу не рѣдко съ горяча,
И шлемъ и латы надѣваю,
Въ сраженьяхъ мыслию летаю,
Какъ рюмки, башни разбиваю,
И армию рублю съ плеча.
Потомъ, въ торжественной минутѣ,
Я возвращаюся къ Анютѣ,
Покрытый лавровымъ вѣнкомъ,
Изрубленъ, кривъ, безъ рукъ и хромъ...
Бывало мнѣ и нужды нѣтъ,
Гдѣ миръ и гдѣ война сурова;
Не слышу я и самъ ни слова,
Иди, какъ хочешь, здѣшній свѣтъ.
Теперь, мой другъ, во все вплетаюсь,
И нужнымъ быть вездѣ хочу:
То къ западу съ войной лечу,
То важной мыслью занимаюсь
Европу миромъ подарить...
И все лишь только для того
Чтобъ лучъ величья моего
Привлекъ ко мнѣ Анюту...
Бывалъ и мой покой мнѣ сладокъ,
Честь выше злата я считалъ,
Съ богатствомъ совѣсть не равнялъ
И къ деньгамъ былъ ни чуть не падокъ.
Теперь хотѣлъ бы Крезомъ быть;
Теперь мнѣ нужны,
Индѣйски берега жемчужны;
Не рѣдко мысленно беру
Я въ сундуки свои Перу;
Хочу, что бы судьбой изъ дружбы
За мной лишь было скрѣплено
Сибири золотое дно;

Чтобы

Анюту въ золотѣ водить,

Анюту съ золота кормить

Ее на золотѣ поить,

И деньги сыпать ей въ забаву.

Вотъ этотъ языкъ нельзя намъ не назвать нашимъ: онъ нашъ, и по словамъ, и по ихъ выговору, образованію и измѣненіямъ, и по оборотамъ, и по связи и расположенію словъ и выраженій, и вообще по духу, по тому, что легко чувствовать, и что не поддается ни какому разложенію.

Было высказываемо мнѣніе, что въ то время такой языкъ считался годнымъ только для слога простого, не возвышеннаго, другими словами: для тѣхъ случаевъ, когда писатель говорилъ или о предметахъ простыхъ, житейскихъ, или же въ обыкновенномъ настроеніи духа, не волнуясь, не восторгаясь. Мнѣ кажется, это мнѣніе несовершенно вѣрно. Тотъ же чистый Русскій языкъ звучитъ у Крылова и не какъ голосъ холоднаго разсудка, а взволнованнаго поэтическаго чувства, и не во взглядахъ на предметъ простой жизни, а въ думахъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ ума. Вотъ примѣръ изъ подражанія псалму 23:

Несись на вихряхъ, мщеній царь!

Возсядь въ громахъ на тучахъ черныхъ —

Судить строптивыхъ и упорныхъ...

И въ гордыхъ молніей ударъ.

Доколь вздывать имъ грудь надменну(ю)

И подпирать пороковъ тронъ,

Правдивыхъ гнать изъ свѣта вонъ?

Доколь твой презирать законъ

И осквернять собою вселенну(ю)?

Заграба миръ себѣ въ удѣлъ,

Твердятъ они на грудахъ тѣлъ:

Господь не видитъ нашихъ дѣлъ

И не познаетъ ихъ во вѣки.

Безумецъ! гдѣ твой умъ и слухъ?

Уже ли слѣпъ создавшій око

И сотворившій ухо глухъ?

Безъ свѣта ли творецъ свѣтилъ?

Безсиленъ ли создатель силъ?

Безумецъ ли кто умъ въ насъ влилъ?

И мертвъ ли давшій душу живу?

Кто, кто съ мечемъ? Со мною рядомъ
 Кто мнѣ поборникъ на убійцѣ?
 Кто на гонителей вдовицѣ?
 Никто — всѣхъ взоры пали ницѣ —
 Никто, но Богъ, самъ Богъ со мной.

Не показываютъ ли эти стихи, что Крыловъ могъ на чистомъ Русскомъ языкѣ возвышать свой голосъ вмѣстѣ съ думою, какъ бы ни вздумалъ высоко, — лишь бы захотѣлъ? — Конечно и у него, какъ и у другихъ нашихъ поэтовъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, съ такими стихами, гдѣ ничто не колетъ слуха Русскаго человѣка, сходились и переплетались стихи, въ которыхъ нанизаны слова и выраженія не-Русскія, или же и Русскія, но испорченныя не-Русскимъ выговоромъ, или правилами не-Русской грамматики; конечно — допускалъ ихъ Крыловъ, допускали и другіе потому что можно было допускать; но коренилось это право смѣшивать языкъ Русскій съ не-Русскимъ не въ признаніи необходимости говорить не по Русски о томъ, чего нельзя было съ достоинствомъ выразить по Русски, а въ слабости требованій чутя языка и въ силѣ навыка оставлять безъ вниманія эти требованія, какъ его нестоющія. Чутье языка таже совѣсть: она никогда ни въ комъ не гаснетъ такъ, что бы не осталось хоть искры; и въ самомъ безнадежномъ сердцѣ вспыхиваетъ хоть рѣдко такимъ же свѣтымъ пламенемъ, какъ и въ самомъ чистомъ; но и въ чистомъ сердцѣ какъ легко она можетъ покрываться пепломъ, когда нѣтъ къ нему прилива чистаго воздуха, когда кругомъ его широко и высоко лежитъ незыблемо зола привычекъ дѣлать не такъ, какъ велитъ совѣсть, а какъ случится или какъ желаютъ другіе. На совѣсти Русскихъ людей въ отношеніи къ языку въ литературѣ лежалъ такой густой слой золы и кругомъ его такая невозмутимая тишь безстрастія, что только случайно, безсознательно вспыхивали въ немъ живыя искры, и нерѣдко теплая зола выдавала себя за пламя. Ни у Крылова, ни у какого другого писателя не было ни какихъ ограничительныхъ условій для выраженія мыслей и чувствъ тѣмъ или другимъ языкомъ, но не было ни основательнаго научнаго знанія своего роднаго языка, ни твердой воли постоянно удерживать себя отъ того, что заведомо портило его чистоту и правильность. Вмѣстѣ съ тѣмъ у cadaго изъ пи-

сателей было такъ много самоувѣренности, а въ читателяхъ, которые могли сказать слово правды о языкѣ по внутреннему чутью, такъ много податливости и застѣнчивости, что пользоваться языкомъ какъ случится не трогало ничьей совѣсти. Все это было тѣмъ возможнѣе въ то время, когда господствовала всюду увѣренность, что языкъ для писателя тоже что для живописца краски, что для ваятеля глина или мраморъ, что не важенъ самъ по себѣ языкъ, а важно искусство владѣть имъ какъ орудіемъ, искусство, вырабатываемое въ писателѣ не столько вдумываньемъ въ свой языкъ, сколько общео образованностью, знаніемъ и усвоеніемъ пріемовъ другихъ писателей, своихъ и иноземныхъ, и т. п. Удавалось ли кому выразиться чисто по Русски или не удавалось, это было все равно. Образовались, правда, кое-какіе условія приличія выговора словъ не по Русски, какъ болѣе важнаго или болѣе выражающаго образованность, кое-какія приличія употребленія словъ не Русскихъ вмѣсто Русскихъ, неестественнаго расположения словъ для приданія слогу величавости или стиху правильности размѣра, и т. п.; но этихъ условій было бы слишкомъ недостаточно для того, что бы чистымъ Русскимъ языкомъ нельзя было выражаться обо всемъ безъ исключенія, если бы только писатели не давали себѣ воли выражаться безсознательно, если бы и въ нихъ какъ во всемъ высшемъ обществѣ не спало подъ пеломъ живое чутье языка.

Такъ, мнѣ кажется, было въ то время, когда началъ и продолжалъ писать Крыловъ, межъ тѣмъ какъ Державинъ царилъ въ нашей литературѣ, почти затмѣвая всѣхъ другихъ писателей или по крайней мѣрѣ всѣхъ ихъ увлекая за собою. И Державинъ, сколько ни давалъ онъ себѣ свободы выражаться, какъ пришлось, хоть бы и противъ основныхъ законовъ языка, нерѣдко выражался чисто по Русски о чемъ бы ни заговорилъ. И Муравьеву, Богдановичу, Майкову, Петрову, даже Хераскову, Кострову, Княжнину удавалось тоже. Съ другой стороны и Карамзину, Дмитріеву, Нелединскому и другимъ, еще болѣе позднимъ, часто не удавалось выражаться такъ хорошо по Русски, какъ удавалось Державину и другимъ писателямъ прежняго времени. Удавалось уже вполнѣ тѣмъ комикамъ и сатирикамъ, которые писали не отъ своего лица, а выводили раз-

ныя лица простого быта и смѣшили или забавляли ихъ рѣчью своихъ читателей или слушателей; но удачи этихъ писателей, кажется, надобно брать въ расчетъ не при разборѣ состоянія литературнаго языка, а при оцѣнкѣ ихъ литературныхъ понятій: они могли умѣть и точно умѣли вѣрно изображать лица разныхъ слоевъ народа особенностями ихъ рѣчи, и въ тоже время могли не умѣть и точно не умѣли говорить хорошо отъ себя. Имъ какъ всѣмъ другимъ удавалось это случайно. Всѣ удачи и неудачи зависѣли отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, — и это бы продолжалось безвыходно, если бы не проникла въ нашу литературу новая струя.

Чувство народности стало все болѣе оживляться въ людяхъ образованнаго общества въ то время, когда это же общество заражалось все болѣе безграничнымъ пристрастіемъ къ чужому, западно-Европейскому. Чувство народности сливалось съ любовью къ отечеству, съ силою, которая связывала въ союзъ взаимнаго уваженія людей Русскихъ родомъ или домомъ и долгомъ совѣсти, но не правомъ и обычаемъ, съ людьми Русскими, которые не умѣли или не хотѣли быть иными чѣмъ отъ роду были. Съ чувствомъ народности росли всегда и вездѣ сочувствіе къ народной пѣснѣ, сказкѣ и пословицѣ, сочувствіе къ выразительности простой народной рѣчи и живое чутье роднаго языка. Литература не могла остаться въ сторонѣ отъ этого движенія общества. Не легко было однако дать ему въ ней общее значеніе: закоренѣлыя привычки писателей прежнихъ поколѣній, легко переходившія и къ новымъ, молодымъ поколѣніямъ, искавшимъ себѣ образецъ въ произведеніяхъ прошлаго времени, необходимость читать и перечитывать произведенія литературъ иноземныхъ, необходимость, которую оправдывали не одни привычки, но и чувство правды, влеченіе къ прекрасному, сравнительная бѣдность нашей литературы, необходимость переводами и передѣлками ихъ дополнять наше литературное достояніе, дополнять сколько можно болѣе вѣрно и дословно, удобство выражаться не вдумываясь въ слова и выраженія, удобство права калѣбчить языкъ на основаніи условій такъ называемой поэтической вольности, права придуманнаго въ вѣка всяческаго бесправья, — все вмѣстѣ удерживало нашу литературу на старой дорогѣ. Робко, чуть замѣтною тро-

пинкой могли пробираться подлѣ этой большой дороги попытки говорить отъ сердца чисто Русскою рѣчью, не смѣша читателей, а вызывая въ нихъ тѣже думы и чувства, какія, какъ всѣмъ казалось, полновластно были вызываемы искусственнымъ языкомъ большой дороги. Эти попытки, какъ ни были онѣ скромны, были замѣчаемы все болѣе и дѣйствовали на писателей по крайней мѣрѣ столько же, сколько и живой языкъ тѣхъ образованныхъ людей, которые говорили по Русски не по книгамъ. Въ искусственномъ литературномъ языкѣ допущен, а въ пользу народности одна перемѣна, одна уступка, безъ сомнѣнія, очень важная, но все же только уступка: допущено, а потомъ признано и необходимымъ подлаживать подъ строй народной логики расположеніе словъ, — но съ тѣмъ вмѣстѣ данъ входъ оборотамъ иноземнымъ, Французскимъ. Выгнано было кромѣ того изъ языка нѣсколько словъ Славянскихъ, но за то принято много словъ, занятыхъ въ подлинникѣ или въ переводѣ изъ того же Французскаго языка. Не этого можно было желать тѣмъ, для которыхъ дорогъ была сила прямо Русской рѣчи. Трудно было овладѣть этой силой въ такомъ положеніи дѣлъ: нужны были — твердая рѣшимость и стойкость, дарованія, счастливое умѣнье, знанія. Пытались многіе, иные довольно счастливо, но не долго; не соскучившихъ борьбою съ трудностями не остался почти никто.

Крыловъ остался. Съ 1806 года, началъ онъ печатать свои басни. Съ пересказами басенъ Лафонтена почти съ разу сталъ онъ давать и свои собственныя, — и какія: Ларчикъ, Музыканты, Оракулъ, Обезьяны и т. д. Въ 1811 году было у него уже болѣе сорока басенъ и въ томъ числѣ на половину его собственныхъ. Въ 1816 году — 115, и въ томъ числѣ собственныхъ болѣе 90. Изъ всѣхъ басенъ, написанныхъ Крыловымъ, а ихъ безъ одной 200, занятыхъ отъ другихъ баснописцевъ менѣе 40. И въ занятыхъ впрочемъ онъ столько же самобытенъ, какъ въ собственныхъ, самобытенъ въ разсказѣ, въ подробностяхъ, въ выразительности рѣчи. Это отмѣчено уже было Жуковскимъ при разборѣ перваго изданія 1809 года, хотя Жуковский тогда еще и не понималъ значенія народной выразительности разсказа и языка. Нельзя сказать, что языкъ басенъ Крылова совершенно

безъ ошибокъ противъ чистоты и правильности; но эти ошибки исчезаютъ въ несчетномъ множествѣ разнообразныхъ красотъ чистаго Русскаго языка, и въ силѣ задушевности, которою онъ проникнуть не менѣе чѣмъ языкъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Приводить ли доказательства? Но кто же не знаетъ наизусть басень Крылова? Однѣ изъ нихъ, правда, менѣе извѣстны, чѣмъ другія; но кто можетъ поручиться, что какая нибудь менѣе всѣхъ другихъ извѣстная не памятна большинству? Позволяю себѣ привести всѣмъ памятную, примѣняемую не только къ простой житейской правдѣ и совѣсти, но и къ правдѣ и совѣсти въ языкѣ.

Дитяти маменька расчесывать головку
 Купила частый гребешокъ.
 Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку.
 Играетъ, иль твердить изъ азбуки урокъ,
 Свои все кудри золотыя,
 Волнистыя, барашкомъ завитыя
 И мягкія какъ тонкій ленъ,
 Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
 И что за гребешокъ! Не только не теребить,,
 Нигдѣ онъ даже не зацѣпнѣть,
 Такъ плавленъ, гладокъ въ волосахъ.
 Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
 Случись однакоже, что гребень затерялся.
 Зарѣзвился мой мальчишъ, заигрался,
 Всклокочилъ волосы копной,
 Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой.
 «Гдѣ гребень мой?»
 И гребень отыскался,
 Да только въ головѣ ни въ задъ онъ, ни въ передъ,
 Лишь волосы до слезъ деретъ.
 «Какой ты злой гребнишка!»
 Кричитъ мальчишка.
 А гребень говоритъ: «Мой другъ, все тотъ же я,
 Да голова всклокочена твоя».
 Однакожъ мальчишъ мой отъ злости и досады —
 Закинулъ гребень свой въ рѣку.....
 Теперь пшъ чешутся Няны.

Крылову болѣе чѣмъ какому другому писателю обязана
 Русская литература тѣмъ, что въ языкѣ ея признана необходи-

мость народности, признана не на какихъ нибудь условіяхъ сочетанія Русскаго съ не-Русскимъ, а безусловно, — на столько же, на сколько должна быть признаваема въ словесности народной.

Признана, сказалъ я, — но развѣ можно сказать это по совѣсти? Развѣ нашъ литературный языкъ можно назвать чисто Русскимъ? Развѣ мы пиша по Русски не такъ же какъ прежде мѣшаемъ Русское со Славянскимъ и съ иноземнымъ безъ надобности, по безотчетной привычкѣ, или же по прихоти и даже по требованію вкуса? Развѣ не во множествѣ внесли мы и вносимъ все болѣе и болѣе словъ и оборотовъ чужихъ, только по привычкѣ и условно понимаемыхъ, къ которымъ надобно привыкать, какъ къ чужому платью, ко вставнымъ зубамъ, вносимъ не только не задумываясь о томъ, нужны ли они, или можно обойтись и безъ нихъ, а даже съ умысломъ, считая ихъ нужными, необходимыми, даже Русскими? Развѣ мы стараемся овладѣть своимъ языкомъ, усвоить себѣ его выразительность, подчинить себя ему, а не его себѣ, своимъ навыкамъ и похваламъ тѣхъ, которыхъ одобреніе въ глаза дороже намъ всѣхъ заглазныхъ порицаній? Да, это правда; но правда и то, что мы все смѣлѣе идемъ по пути необходимости говорить чисто по Русски, не подводя подъ Русскіе звуки условій чужой выразительности, а питая въ себѣ Русское чувство и ища для него выраженій внутри себя. Трудно это, иногда еще даже и невозможно для языка науки, но и языкъ науки все болѣе проникается выразительностью рѣчи народной; тѣмъ легче домогаться этого въ остальныхъ отрасляхъ литературы. Вниманіе къ памятникамъ народной словесности, къ быту и обычаямъ народа, къ древностямъ и старинѣ, уваженіе и любовь ко всему народному, изученіе родного языка, какъ онъ живетъ въ народѣ и по тѣмъ памятникамъ письменности прошедшаго времени, въ которыхъ его народная своеобразность выразилась чище и сильнѣе — возбуждаются въ образованныхъ кругахъ и учеными обществами, и трудами историковъ, археологовъ, филологовъ, этнографовъ, и живымъ словомъ преподавателей, и не менѣе живымъ, хотя и не устнымъ словомъ текущей литературы. На произведеніяхъ нашихъ даровитыхъ писателей, если не всѣхъ, то хотъ нѣкоторыхъ, отпечатлѣлась ихъ забота усвоить себѣ богатства родного языка, пользоваться ими по требованію

живого чутья, избѣгать и высокопарностей высокаго изложенія и неправильностей того просторѣчія людей образованныхъ, которое щеголяетъ чужестранными словами и выраженіями въ подлинникѣ и въ переводѣ, и мертвенной правильности склада рѣчи, строймой по мѣркамъ такъ называемаго логическаго разбора, давать себѣ отчетъ если не во всякомъ словѣ и выраженіи, то по крайней мѣрѣ во всякомъ важномъ. Сдѣлано многое, Богъ дастъ сдѣлано будетъ и все, что нужно и можно. Нужно ли и можно ли совершенно очистить Русскій языкъ не только отъ всѣхъ словъ иноземныхъ, но и отъ тѣхъ Славянскихъ, которыя утвердились въ нашей письменности вѣками, изъ нея стали издавна переходить въ жизнь и стали въ ней необходимы такъ же, какъ коренныя Русскія слова? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы возможенъ, если бы подъ нимъ не таился другой: не нужно ли и нельзя ли очистить Русскій языкъ отъ тѣхъ Славянскихъ формъ словъ, къ которымъ писатели и образованное общество привыкли такъ, что Русскія формы тѣхъ же словъ кажутся или дикими или чужими, и отъ тѣхъ Славянскихъ и чужестранныхъ словъ и выраженій, которымъ есть равносильныя Русскія? Теперь возможно пока разрѣшеніе только этого вопроса. Его сдѣлали возможнымъ Крыловъ и его послѣдователи, доказавъ образцами, что можно избѣгать словъ и выраженій не-Русскихъ, что можно и замѣнять ихъ Русскими. Образцы есть; есть и указанія науки. Богъ дастъ будутъ и силы для окончательнаго рѣшенія вопроса на дѣлѣ.

ТРУДЫ ЮГОСЛАВЯНСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И ХУ- ДОЖЕСТВЪ *).

Статья Н. И. Срезневскаго.

II.

Дѣятельность этого новаго учрежденія, основаннаго и работающаго безъ всякой поддержки отъ правительства въ краѣ, гдѣ, какъ могло бы казаться, не можетъ быть достаточно силъ для научныхъ работъ и ихъ оцѣнки и поддержки, все болѣе радуетъ своимъ постоянствомъ. Съ того времени, какъ я заявилъ Отдѣленію о выходѣ перваго тома трудовъ Югославянской Академіи, вышло еще три, и въ каждомъ изъ нихъ помѣщены произведенія членовъ Академіи вполне достойныя вниманія людей науки.

Филологи найдутъ въ нихъ:

— Разборъ одного изъ памятниковъ Хорватской глаголицы. В. Ягича. II: I.

— Извѣстіе объ особенномъ письмѣ въ одной изъ Ватиканскихъ рукописей. Ф. Рачскаго. II: 36.

— Разсужденіе о временахъ въ Хорватско-Сербскомъ языкѣ. А. Вебера. II: 29.

— Изслѣдованіе о численномъ значенія буквы *а*. I. Берчича. II: 185.

— Разборъ сочиненія М. Гатталы *de mutatione continguarum consonantium*. Ю. Даничича. II: 192.

*) Первая статья по этому предмету была напечатана въ томѣ XII *Записокъ А. Н.*, кн. 2, стр. 154—165.

Зап. И. А. Н., т. XIV.

— Разборъ сборника пѣсенъ, собранныхъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ Б. Петрановичемъ. В. Ягича. II: 204.

— Разборъ книги П. Будмани *Grammatica della lingua Serbo-Croata*. Ю. Даничича. II: 231.

— Разсужденіе о языкѣ подъ названіемъ: *Placere*. Ф. Курельца. II: 183.

— Изслѣдованіе о начальныхъ соединеніяхъ согласныхъ Хорватскихъ и Сербскихъ. М. Гатталы IV: 104.

— Замѣчанія о синтаксисѣ П. Будмани. А. Вебера. IV: 261.

Вниманіе историка обратить на себя:

— Повѣствованіе о движеніи на Славянскомъ югѣ въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. Ф. Рачскаго. II: 68, III: 65, IV: 1.

— Повѣствованіе о банованіи Петра Бериславича во время короля Людовика II. М. Месича III: 1.

— Историческіе матеріалы В. Богишича. III: 157.

— Статья П. Матковича о книгахъ Р. Роскевича и Тѣмеля касательно Босны и Герцеговины. III: 226.

По естествознанію помѣщены слѣдующія статьи:

— О Мословецкомъ гранитѣ и дубахъ въ Хорватской землѣ. Ж. Вукотиновича. II: 39.

— О голосовыхъ органахъ колеоптеръ. Ж. Вукасовича. II: 161.

— Приготовительныя работы по географіи растений въ Триединомъ королевствѣ. I. Шлосера. IV 176.

Со включеніемъ тѣхъ, которыхъ сочиненія помѣщены въ первой книгѣ трудовъ Югославянской Академіи, представляется значительный рядъ дѣятелей, принимающихъ участіе въ ея дѣятельности:

— I. Берчичъ, В. Богишичъ, С. Брусина, А. Веберъ, Ж. Вукасовичъ, Ж. Вукотиновичъ, М. Гаттала, Ю. Даничичъ, Ф. Курелецъ, С. Любичъ, П. Матковичъ, М. Месичъ, Ф. Рачскій, I. Торбаръ, I. Шлосеръ, В. Ягичъ.

Можно надѣяться, что въ слѣдующихъ книгахъ появятся тру-

ды и другихъ дѣствительныхъ членовъ Академіи: И. Суботича, М. Боговича, П. Мухича, М. Шугая, И. Юрковича, Б. Петрановича, І. Блейвейса, Б. Шульца, а равно и труды хоть нѣкоторыхъ членовъ заграничныхъ, подобно труду члена корреспондента М. Гатталы изъ Праги.

Кромѣ сочиненій, появившихся въ сборникѣ Академіи, отдѣльно изданъ еще трудъ И. Дежмана:

— Словарь врачебныхъ терминовъ, *Réčnik léčničkoga nazivlja. Zagreb. 1868.*

Къ этому краткому извѣстію отъ изданійхъ Югославянской Академіи прибавляю нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ статей, которыя своимъ содержаніемъ ближе къ моимъ собственнымъ занятіямъ.

Статья г. Ягича о памятникѣ Хорватской глаголицы касается того самого отрывка изъ книги Апостольскихъ чтеній, о которомъ я читалъ въ Отдѣленіи свои замѣчанія, вошедшія въ рядъ Свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизв. памятникахъ. Въ этой статьѣ весь глагол. отрывокъ сообщенъ буква въ букву и строка въ строку съ приложеніемъ снимка и затѣмъ представленъ внимательный и подробный палеографическій и филологическій разборъ его. Статья очень замѣчательна по тщательности обработки.

Статья г. Рачскаго о Ватиканской рукописи особеннаго письма очень любопытна для палеографа по свѣдѣнію объ особенныхъ письменахъ Сербо-Хорватскихъ. Вотъ эта странная азбука—на сколько она можетъ быть выражена готовыми печатками нашей Акад. типографіи:

а—V, б—ь, в—з, г—f, д—И, е—3, ж—У, з—z, и—Н, і—i, к—<, л—λ, м—u, н—N, о—o, п—П, Ѡ, р—J, с—с, т—T, ѡ—8, х—γ, ѡ—ω, щ—ф, ч—у, ц—Ц, ш—∞, ѣ—>, ѣ—L, ы—>I, ѣ—†, ю—r.

Рукопись, написанная этимъ страннымъ письмомъ, заключаетъ въ себѣ псалтырь съ послѣдованіемъ. Она была и прежде извѣстна Славистамъ, между прочимъ Кошитару и Добровскому по

описанію М. Бобровскаго (см. Добровскаго *Insitutiones l. Slav.* стр. XIII — XIV), но палеографическаго вниманія на нее никто еще не обращалъ.

Въ палеографическомъ отношеніи любопытна и статья г. Берчича объ употребленіи знака **▲** (= **ѣ**) въ численномъ значеніи 800 въ глаголицѣ, мѣсто котораго послѣ заступилъ знакъ **ѡ**: приведены свидѣтельства изъ памятника 1391 года, и сдѣлано заключеніе, что глагольская буква **▲** (= **ѣ**) должна была прежде занимать въ порядкѣ буквъ другое мѣсто, нежели заняла позже, равно какъ и кириловское **▲**, употреблявшееся когда то въ значеніи 900. О кириловской буквѣ **▲** въ значеніи 900 нельзя, кажется, сдѣлать такого вывода: вѣроятноѣ, что въ значеніи цифры эта **▲** есть Греч. **Ϟ**. Могло ли быть въ глаголицѣ сдѣлано подражаніе Грекославянскому знаку? это вопросъ пока нерѣшаемый.

Изъ статей филологическихъ по Славянскому языкознанію самая видная принадлежитъ извѣстному Чешскому ученому М. Гатталѣ. Въ ней предложенъ разборъ начальныхъ совокупленій согласныхъ Хорватскихъ и Сербскихъ. Раздѣляя эти совокупленія на три отдѣла по количеству совокупающихся согласныхъ, изслѣдователь распредѣляетъ каждый отдѣлъ на нѣсколько рядовъ по согласнымъ, въ нихъ участвующимъ, и при этомъ сообщаетъ много любопытныхъ частныхъ и общихъ заключеній и объясненій. Свою его разборъ въ общій наглядный перечень, изъ котораго бы можно было видѣть и систему г. Гатталы, и общее тяготѣніе нарѣчій Сербскихъ и Хорватскихъ въ отношеніи къ начальнымъ созвучіямъ въ словахъ. Желаніе сдѣлать болѣе яснымъ, какихъ именно созвучій недостаетъ въ этихъ нарѣчійхъ, я позволилъ себѣ, въ каждомъ ряду, гдѣ сопоставлены г. Гатталю не совершенно одинаковыя созвучія, отдѣлить въ особія строчки созвучія наиболѣе близкія по составнымъ частямъ.

1-й Отдѣлъ:

Рядъ: 1. кр. гр. тр. др. пр. бр. мр. вр. фр. — хр. ср. шр. зр. жр. пр. чр.

2. кл. гл. тл. дл. пл. бл. мл. вл. фл. — хл. сл. шл. зл. (жл) — чл.

кл. гл. тл. дл. пл. бл. мл. вл. фл. — хл. сл. шл. — жл. — чл.

ское ріасеге, перешло въ Хорватскій въ видѣ *начити*, *пјажати*; тоже значащее Нѣмецкое *gefallen* переведено съ удержаніемъ то го же значенія *допадати*, *допасти*. На словѣ пачити и пјажати нечего и останавливаться. За вторымъ есть столько коренныхъ значеній, несходныхъ съ этимъ подражательнымъ, что оно и допущено быть не могло: сочинитель приводитъ ихъ съ доказатель-ствами изъ народныхъ пѣсень и изъ писателей. Не унотребляя ни того ни другаго въ смыслѣ ріасеге, *gefallen*, можно найти и въ народѣ, и у писатлей множество словъ и выраженій, тоже самое обозначающихъ. Г. Курелецъ ихъ разсматриваетъ. Вотъ они: драго к, было, буде,—угодно к, было, буде (др. и стар. годѣ быти), въ годѣ быти,—милу к, было, буде,—омигѣти, милити се кому, смилити се, умилиати,—сладко к, было, буде, у сласть быти,—любо к, было, буде, любити се комѣ,—обычну быти, свычно и обычно (стар. вычно),—добра воля, драга воля и просто воля, съ добре волк, съ волюм, за волю, до волк, одѣ волк, у волю, изъ волк, на волю, узъ волю, по воли, вольны (вкусный), волити,—подоба к, видѣти се, свидѣти се, рачити, дати се, усхтѣти.—Можно бы желать, чтобы г. Курелецъ, самостоятельно вла-дѣющій выразительностію родной рѣчи и разнообразнымъ знані-емъ народнаго языка новаго и стараго, не остановился на одномъ образцѣ, выработанномъ превосходно, но все таки важномъ толь-ко въ значенія образа. Рядъ такихъ разборовъ, былъ бы очень важенъ для обще-Славянскаго языковѣдѣнія, былъ бы важенъ тѣмъ болѣе, чѣмъ былъ бы длиннѣе и разнообразнѣе.

Статья г. Шлосера, заключающая въ себѣ приготовительныя работы по географіи растений въ Тріединомъ королевствѣ, любо-пытна для филолога по Сербскимъ и Хорватскимъ названіямъ ра-стеній, приведеннымъ въ ней рядомъ съ Латинскими. Одни изъ этихъ названій суть народныя, даже и общія Славянскія; другія придуманы учеными. Не отрицая совершенно пользы этихъ при-думаныхъ Славянскихъ названій растений, особенно если они не простые переводы Греческихъ и Латинскихъ названій, а выбра-ны съ тѣмъ, чтобы облегчить Славянину пониманіе тѣхъ или дру-

гихъ качествъ или особенностей растеній, позволяю себѣ думать, что было бы во всякомъ случаѣ необходимо постоянно отличать какимъ нибудь условнымъ знакомъ названія народныя. Онѣ принадлежатъ исторіи науки въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исторіи языка и образованности народа. Онѣ указываютъ — какіе роды и виды растеній замѣчены народомъ (что осталось пезамѣченнымъ, на то нѣтъ и названія), — какіе роды и виды растеній или смѣшаны имъ въ одномъ общемъ названіи, или различены разными названіями иначе чѣмъ сдѣлала это наука, — на сколько народъ воспользовался своимъ языкомъ, а слѣдовательно и своимъ разумомъ для отличенія разныхъ растеній, на сколько былъ онъ въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ другихъ народовъ и на сколько сохранилъ въ своемъ нынѣшнемъ языкѣ достояніе общее, многимъ сроднымъ племенамъ одинаково принадлежащее, по праву наследства отъ незапамятнаго, какъ называютъ доисторическаго, времени.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЧЕПСКОМЪ МУЗЕѢ ПО ПОВОДУ ЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ.

АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Чешскій Музей, называемый нынѣ Музеемъ Чешскаго Королевства, основанъ по мысли и при стараніи нѣсколькихъ лицъ изъ высшаго дворянскаго круга земли Чешской. Вотъ имена ихъ: — графъ Францъ Коловратъ, графъ Францъ Клебельсбергъ, графы Францъ и Каспаръ Штернберги, князь Антоній Лобковичъ, графъ Гартманъ, графъ Францъ Врѣтбы, графъ Францъ Вальдштейнъ, графъ Францъ Гартигъ, графъ Іосифъ Миллесимо и фрейгеры Гильдтбрандтъ и Гохбергъ. Послѣ первыхъ совѣщаній о составѣ и устройствѣ предполагаемаго Музея, графъ Коловратъ, какъ главный начальникъ края, созвалъ 3 апр. 1818 г. въ торжественное собраніе всѣхъ принявшихъ первое участіе въ этомъ дѣлѣ, прочелъ подписанное имъ «воззваніе къ отечественнымъ друзьямъ наукъ» о жертвованіи Музею всего, что можетъ быть пригодно къ его обогащенію и о принесеніи денежныхъ пособій для его устройства, и заявилъ о началѣ сбора. Въ этотъ день дѣйствительно положено было начало вкладамъ для Музея: графы Ф. Коловратъ и Гартманъ пожертвовали тогда свои собранія минералогія, графъ К. Штернбергъ всѣ свои собранія. Другіе записали на музей денежные вклады. Разосланное по Чешской землѣ воззваніе графа Ф. Коловрата вездѣ принято съ сочувствіемъ. Не только изъ разныхъ краевъ земли Чешской, но и изъ другихъ мѣстъ стали получаться заявленія о пожертвованіи вещей, книгъ

и денегъ для музея. Графъ Іосифъ Коловратъ-Брезницкій отдалъ тогда музею всю свою богатую библіотеку, графъ І. Вратиславъ и графъ Гартигъ свои природовѣдныя собранія и т. д. Кромѣ такихъ приношеній къ концу мая 1818 г. собрано деньгами болѣе 60,000 гульденовъ асигнаціями т. е. около 14,000 рубл. серебр. Слишкомъ невеликъ этотъ итогъ денежныхъ вкладовъ въ отношеніи къ богатствамъ, которыми владѣли многіе изъ вкладчиковъ, гдѣ красовались, съ помянутыми выше, имена вел. герцога Фердинанда Тосканскаго, эрцгерцога Карла, князя Меттерниха, князя Кинскаго, графа Стадіона, графа Хоринскаго, графа Траутмансдорфа и пр. и пр.; но не такимъ казался онъ для Чеховъ властителей, большею частью бѣдныхъ, принесшихъ отъ себя сравнительно ничтожныя вклады, не привыкшихъ къ тому, чтобы жертвуемы были на общественное дѣло громадныя суммы, не надѣявшихся и на такой успѣхъ, надѣявшихся, что и этого будетъ достаточно для основанія учрежденія, важность котораго для воскрешенія народнаго самосознанія они понимали болѣе чѣмъ тѣ, которые вносили не гульденъ, а сотни и тысячи гульденовъ въ капиталъ Музея. Вѣроятно впрочемъ и самимъ жертвователямъ не казались ихъ пожертвованія несоотвѣтствующими ихъ общественному положенію. Не для чего сомнѣваться, что и они, такъ же какъ и тѣ, которые передавали въ собственность Музея свои собранія вещей и книгъ, собранія, которыми сами они и по образованности и по страсти не могли не дорожить, жертвовали съ мыслию участвовать въ общемъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, Музей былъ основанъ. Немного позже былъ утвержденъ и уставъ его. Этотъ Музей долженъ былъ быть сокровищницею всего, что объясняетъ природу и исторію Чешской земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть проводникомъ просвѣщенія въ народѣ. Нераздѣльно съ нимъ для его поддержанія и обогащенія основано при немъ общество подъ названіемъ Общества отечественнаго Музея. Однимъ изъ условій принятія въ члены его было, чтобы каждый желающій быть членомъ внесъ въ собственность Музея приличный вкладъ (§ 4); другое условіе было, чтобы каждый принимае-

мый понималъ по Чешски (§ 15). (Къ стати замѣтить, что умѣть правильно говорить и писать по Чешски требовалось только отъ одного человѣка, отъ секретаря, который впрочемъ могъ быть и не изъ членовъ общества и былъ только помощникомъ главнаго дѣлопроизводителя). Не только безъ чувства обиды, а даже радостно приняты были Чехами и эти статьи статута. Они все таки давали хоть какое нибудь значеніе Чешскому языку. Желать, чтобы онъ былъ сравненъ съ Нѣмецкимъ, было бы не только дерзко, но и невозможно. Надобно было напротивъ того желать, чтобы господствовалъ въ музейномъ обществѣ языкъ Нѣмецкій: только онъ могъ сблизить въ немъ разнородныя силы и тѣмъ способствовать умноженію средствъ Музея; только онъ могъ отклонить сомнѣнія правительства, въ то время вѣрившаго, что исключительное господство Нѣмецкаго языка въ имперіи есть вѣрное средство прочнаго соединенія разнородныхъ ея частей. Достигая этого, Австрійское правительство вездѣ, гдѣ могло, требовало, чтобы изученіе науки не только въ высшихъ и среднихъ, но даже отъ части и въ низшихъ училищахъ, было на Нѣмецкомъ языкѣ: очевидно, что учащіеся, начиная съ дѣтскаго возраста, привыкали къ Нѣмецкому языку, и неумѣнье говорить по Нѣмецки было признакомъ необразованности. Вліяніе двора и высшаго общества было такъ же сильно. Время постепенно должно было взять свое. Вывести совершенно изъ употребленія Чешскій языкъ изъ училищъ, предназначенныхъ для Чеховъ и для тѣхъ, которые должны были служить въ землѣ Чешской, а тѣмъ менѣе изъ проповѣди, было не возможно; а позже правительство сочло это и ненужнымъ. Вліяніе литературно-образованныхъ кружковъ Чешскихъ со своей стороны становилось все сильнѣе, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе сама литература обогащалась произведеніями, достойными вниманія. Правда, что Чешскій языкъ и доселѣ еще не вполне пользуется въ музейномъ Обществѣ тѣмъ положеніемъ, на которое онъ могъ бы имѣть право; тѣмъ не менѣе никто уже не считаетъ его неприличнымъ для бесѣдъ въ собраніяхъ Общества. Сдѣлалось это само собою постепенно по мѣрѣ увеличенія числа Чешскихъ

писателей и ученыхъ между членами Общества, и по мѣрѣ успѣховъ Чешскаго языка въ образованныхъ кругахъ. При попеченіи музейнаго Общества и при сочувствіи народа, Музей постоянно возрасталъ. Обогащаясь и покупками разныхъ собраній и приношеніями цѣлыхъ собраній и отдѣльныхъ вещей, книгъ и рукописей, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ во всей имперіи учреждений этого рода. Денежныя средства и еще болѣе самоотверженное участіе лицъ, которымъ ввѣрено было непосредственное завѣдываніе Музеемъ, помогли ему устроиться, конечно, не роскошно, но въ научномъ отношеніи пригодно для посѣтителей и для ученыхъ работъ. Въ этомъ отношеніи заслуги Ганки, прослужившаго Музеемъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, должны быть, какъ мнѣ кажется, всего болѣе памятны. Теперь изъ разнообразныхъ собраній, его составляющихъ и постоянно увеличивающихся новыми вкладами, особенно важны по богатству содержанія: собраніе ботаническое и палеонтологическое, богатый архивъ съ грамотами и дѣлами начиная съ XII вѣка, собраніе археологическое, богатое вещами и снимками, обширное собраніе монетъ, медалей и печатей, библіотека, въ которой находится слишкомъ 100,000 книгъ и болѣе 4000 рукописей, библіотека, особенно важная для изученія исторіи, древностей и литературы не только Чеховъ, но и вообще Славянъ.

Впрочемъ не одно богатство собраній опредѣляетъ важность Чешскаго Музея, а значеніе музейнаго Общества въ отношеніи къ Чешской литературѣ и къ различнымъ отраслямъ науки. Это общество мало по малу расширяя кругъ своихъ дѣйствій, разрослось наконецъ въ связь нѣсколькихъ обществъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ въ виду свою особенную цѣль, а всѣ вмѣстѣ народное просвѣщеніе. Съ самаго основанія Музея, музейное Общество не отказывалось отъ изданія книгъ, но издавало ихъ случайно и почти исключительно на Нѣмецкомъ языкѣ: такъ еще въ 1820 году издана была на Нѣмецкомъ языкѣ Грамматика Русскаго языка А. Пухмайера. Не этого ожидали Чешскіе властители: «Да будетъ для насъ свято это народное учрежденіе,—говорили они

при первомъ воззваніи объ основаніи Музея,—да будетъ его основаніе торжествомъ народнымъ. Неси каждый свою посильную жертву на алтарь народности. Музей долженъ быть нашимъ общимъ наслѣдникомъ. Ученые властенцы, цвѣтъ народа, лѣниво издавали вы свои Чешскія сочиненія и по недостатку средствъ и по неувѣренности въ сбытъ. Народный Музей позаботится объ изданіи вашихъ трудовъ: пишите достойное его издженій». Такія ожиданія властенцевъ были не напрасны. Съ 1827 года музейное Общество рѣшилось на постоянное изданіе книгъ, и начало повременными сборниками и притомъ не на одномъ Нѣмецкомъ, но и на Чешскомъ. Повременникъ Нѣмецкій просуществовалъ только пять лѣтъ: по недостатку вниманія къ нему читателей Нѣмецкихъ, не смотря на общія похвалы его содержанію, безъ подписчиковъ и покупателей онъ не могъ быть продолжаемъ долѣе. Повременникъ Чешскій, Часопись Чешскаго Музея, напротивъ того привлекалъ къ себѣ до послѣдняго времени все болѣе вниманіе и Чеховъ и другихъ Славянъ: онъ былъ у Чеховъ орудіемъ распространенія высшаго образованія, руководителемъ литературной дѣятельности, сокровищницей ея лучшихъ произведеній; для другихъ Славянъ Австрійской имперіи онъ былъ образцомъ повременника, вмѣстѣ ученаго и общественнаго; для всѣхъ Славянъ вообще богатымъ сборникомъ разнообразныхъ матеріаловъ, изслѣдованій и художественныхъ произведеній. Такое значеніе далъ ему съ самого начала Ф. Палацкій, избранный и долго остававшійся редакторомъ; мѣсто его заступилъ позже І. Шафарикъ; достойными преемниками этихъ двухъ представителей Чешской учености по изданію Часописа были Воцель, Врѣтатко, Небескій. Постоянными участниками были всѣ лучшіе писатели Чешскіе. Съ 1830 года Часопись поступилъ въ завѣдываніе особеннаго отдѣленія общества, поставившаго себѣ главною обязанностью заботиться о научной обработкѣ Чешскаго языка и Чешской литературы, и остается подъ наблюденіемъ этого отдѣленія общества постоянно: внимательность его къ пользамъ Чешской словесности налагаетъ на него обязанность заботиться о томъ, чтобы этотъ повременникъ былъ по-

стоянно сообразенъ съ требованіями современнаго просвѣщенія. Позже образовалось еще два отдѣленія музейнаго общества: отдѣленіе естествоиспытателей и отдѣленіе археологическое. Каждое изъ нихъ стало издавать свой особенный повременникъ: одно съ 1852 года Живу, повременникъ природовѣдный, другое съ 1854 года Записки археологическія и топографическія. И то и другое изданіе одинаково дороги для Чеховъ и для людей науки вообще, представляя и по общимъ вопросамъ науки, и для частнаго изученія земли Чешской очень много новаго и замѣчательнаго. Съ нынѣшняго года предполагено начать еще одно повременное изданіе: научный сборникъ (Sbornik Vědecky), посвящаемый трудамъ въ строгомъ смыслѣ ученыхъ.

Съ 1830 года при музейномъ Обществѣ образовалась Чешская Матица, капиталъ изъ добровольныхъ пожертвованій для изданія хорошихъ Чешскихъ книгъ. Дана была каждому возможность посильно участвовать въ добромъ дѣлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ основателямъ Матицы, въ число которыхъ положено включать всѣхъ, жертвующихъ единовременно не менѣе 50-ти гульденовъ серебромъ, дано право на бесплатное полученіе всѣхъ книгъ, издаваемыхъ на счетъ Матицы. Начало дѣла было не блестящее: въ первый годъ было внесено въ Матицу менѣе 3000 гульденовъ сер. (= 1,800 р. сер.); но съ каждымъ годомъ число вкладовъ увеличивалось; и въ началѣ 1867 года, за всѣми издержками на разныя изданія, Матица имѣла уже слишкомъ 145,000 гульд. сер., т. е. около 90,000 р. сер. Членовъ основателей теперь считается значительно болѣе 3000, кромѣ умершихъ 500 слишкомъ. Въ теченіе послѣднихъ тридцати пяти лѣтъ на иждивеніе Матицы и съ ея помощью издано около 150-ти книгъ, изъ которыхъ каждою внесено въ Чешскую литературу что-нибудь новое, замѣчательное, что ее обогащало. Не перечисляя всего, довольно вспомнить, что на деньги Матицы издаются, кромѣ повременныхъ изданій:—Старо-Чешская библіотека, собраніе произведеній Чешскихъ писателей стараго времени;—Ново-Чешская библіотека, собраніе произведеній новыхъ Чешскихъ писателей, между прочимъ

Юнгмана, Марка, Пресля, Челяковского, и пр.;—Малая энциклопедія наукъ, собраніе общедоступныхъ руководствъ по разнымъ наукамъ, между прочимъ по философіи, природовѣденію, географіи, исторіи, руководствъ написанныхъ большею частію знатоками дѣла,—Выборъ изъ Чешской литературы, древней, старинной и новой,—Сборникъ драмъ Шекспира въ Чешскомъ переводѣ. Кромѣ всего этого Матицѣ одолжены Чехи появленіемъ въ свѣтъ и превосходнаго огромнаго Чешско-Нѣмецкаго словаря Юнгмана, и новаго переработаннаго изданія его Исторіи Чешской литературы, и Славянскихъ древностей Шафарика, и Исторіи Чешскаго народа Палацкаго и т. д. Нельзя забыть, что управленіе Чешской Матицы всегда заботилось, чтобы ея изданія были образцовыми въ отношеніи къ чистотѣ и богатству языка. — Къ заслугамъ управленія Матицы надобно отнести кромѣ того: 1) удешевленіе цѣны книгъ, и черезъ это значительное увеличеніе круга читателей,—2) возбужденіе предприимчивости и соревнованія въ книгопродавцахъ-издателяхъ а вмѣстѣ съ тѣмъ значительное увеличеніе литературной производительности на языкѣ Чешскомъ. Къ чему это привело можно понять изъ немногихъ примѣровъ: книги Чешскія продаются въ двое и въ трое дешевле, чѣмъ Русскія (такъ напр. томъ Исторіи Палацкаго слишкомъ въ 30 печат. листовъ продается по 2 гулд. 20 крейц., т. е. по 1 р. 32 к. сер.; годовое изданіе Часописа, 4 книжки, стоитъ по подпискѣ 3 гульдена, т. е. 1 р. 80 коп.); нѣсколько книгопродавцевъ-издателей, каковы Темпскій, Коберъ, Скрейшовскій и др. издають только Чешскія книги. Чешскій научный словарь, предпринятый обществомъ ученыхъ и литераторовъ Чешскихъ, не смотря на свою обширность, приходитъ къ концу, и издатель-книгопродавецъ не только не въ накладѣ, но готовъ взяться и за другое подобное предпріятіе.

Безъ сомнѣнія, самъ по себѣ Музей не могъ бы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ: его успѣхи во многомъ зависѣли отъ успѣховъ народной мысли въ образованныхъ слояхъ Чешскаго народа; но и самъ онъ со своей стороны содѣйствовалъ этимъ успѣхамъ —

особенно посредствомъ своего вліянія на развитіе Чешской литературы.

Это прекрасное начало могло ли быть дѣйствительно началомъ дѣла важнаго, а не явленіемъ случайнымъ, блеснувшимъ на малый срокъ и потомъ исчезнувшимъ безслѣдно, или же за этимъ началомъ пойдутъ стройнымъ рядомъ одни за другими явленія, все болѣе утѣшительныя для друзей человѣчества? Это скажетъ время. Пока можно только желать, чтобы благородное сочувствіе къ дѣлу, оживлявшее многихъ при основаніи и устроеніи Музея, жило постоянно въ душахъ тѣхъ, которые призваны къ участию въ дѣлѣ правительствомъ и уваженіемъ народа, вызывая ихъ на все общепольное, чтобы Коловраты, Штернберги, Юнгманы, Пресли, Ганки, Челяковскіе, Шафарики не умирали безъ преемниковъ, ихъ достойныхъ, и чтобы заслуги такихъ людей были постоянно цѣнимы тѣми, которые обязаны умѣть ихъ цѣнить, честно, безъ своекорыстія и безъ вражды къ добру общему.

Надскеты Никона Черногорца въ Русскомъ спискѣ XII в.

Н. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Работая надъ рукописями Ярославскаго Архіерейскаго дома прошедшимъ лѣтомъ, я не могъ не обратить особеннаго вниманія на рукопись, о которой теперь сообщаю нѣкоторыя свѣдѣнія. Она заняла меня и древностью письма и языка и содержаніемъ — особенно по выдержкамъ изъ каноновъ апостольскихъ и соборныхъ. Къ сожалѣнію въ то время я не только не имѣлъ подъ руками какихъ нибудь описаній рукописей, но и не вспомнилъ, что прежде уже были сообщены свѣдѣнія и объ этой рукописи и о нѣкоторыхъ другихъ той же библіотеки. Только уже послѣ, благодаря постороннему указанію, я вспомнилъ и вновь познакомился со статьею, которою, конечно, не могъ не дорожить. Говорю о трудѣ своего почтеннаго товарища. Еще въ 1867 году А. Ѳ. Бычковъ, въ слѣдствіе своей поѣздки въ Ярославль, сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о рукописяхъ Ярославскаго Архіерейскаго дома (Спасскаго монастыря) и между прочимъ о двухъ изъ тѣхъ древнихъ, къ числу которыхъ относится и та, о которой идетъ теперь рѣчь. Вотъ эти свѣдѣнія (Записки Импер. Академіи Наукъ. XII: стр. 80):

— «Между пергаментными рукописями болѣе замѣчательны: а) Псалтырь, XIII вѣка (уставомъ на 177 л.), въ которой каждый стихъ псалма начинается съ особой строки и киноварною буквою;

б) Слова Никона Черногорца, XIII вѣка (полууставомъ въ два столбца разныхъ почерковъ, 262 л.), которыхъ переводъ и грамматическій строй языка значительно отличается отъ перевода и языка этихъ же словъ въ рукописяхъ XV вѣка».

При этомъ извѣстіи приложены отрывки изъ обѣихъ рукописей, и между прочимъ изъ книги словъ Никона Черногорца весь первый столбецъ и часть втораго одного изъ листовъ (то же стр. 81—81).

Въ дополненіе къ этому свѣдѣнію представляю еще нѣсколько данныхъ о рукописи, заключающей въ себѣ слова Никона Черногорца.

Эта рукопись писана на пергаментѣ въ листъ въ два столбца не крупнымъ почеркомъ по 56 строкъ, и въ настоящемъ своемъ положеніи, не имѣя между прочимъ и конца, заключаетъ въ себѣ 202 лл.

Мнѣніе свое, что эта рукопись писана въ XII вѣкѣ, основываю на рисункѣ буквъ: ж (писанной между прочимъ и въ три пріема), з, к, м, оу, ч (писанной съ очень высокими и округло выходящими рогами), и на сходствѣ почерка съ памятниками XII вѣка, между прочимъ съ Хутынской грамотой и съ Златоуструемъ этого вѣка.

Рукопись начинается на оборотѣ 1-го листа заглавіемъ:

— «СЪТАВЪ КНИГАМЪ събрано имѣють тълкованія единаго кождоу слова на оувѣдѣніи любоучимыхъ».

За этимъ слѣдуетъ перечень главъ, короче чѣмъ передъ каждою главою и безъ конца.

Главъ всего въ книгѣ 36, какъ и должно быть въ 1-й части Никоновыхъ Пандектъ, именно:

Слово ѿ объема книгъ тълкованія.

— В. предъложеніи книжнаго тълкованія.

— Г. тълкованіи заповѣди гнѣ.

— Д. о повиновении яко зломже на пакость съвоупленіи.

— Е. о повиновении рабъ пришедшихъ постригати.

— З. (о) ѿлоучающихся братии.

— И. о различии съблзнь.

— К. о оучительхъ различіи.

— Л. о различии гнѣва и ѿ гарости подобіи.

— М. о оклеветаньи и ѿ всакомъ досаженіи.

— Н. о томъ еже не премѣнитиса къ ближнемоу.

— О. о съставленіи блюда.

— П. о прѣлюбодѣйствѣ слово.

- ДѢ. о клятвѣ и о различныхъ лжахъ.
- ЕІ. о незлобии и бестѣхъ.
- ГІ. о безлобии и ѡставлении.
- ЗІ. о послушании.
- ИІ. о хотѣннѣхъ своихъ и чюжихъ.
- ЕІ. о блазѣмѣ хотѣннѣхъ.
- Н. о милостыни.
- НА. ꙗко лоуче ксть нищимъ раздавати имѣннѣхъ.
- КВ. о творящихъ милостыню.
- КГ. ꙗко аще смотран ѡданик оубогыхъ бѣтыхъ имѣннѣхъ растачать.
- КД. о любви и о чѣволюбии.
- КС. ꙗко не подобать ѡзлобити како чѣва.
- КЗ. ꙗко подобать молитиса ꙗче за нечѣстивына.
- КЗ. о томъ еже не подобать ꙗвѣ милостыни творити.
- КИ. о молитвѣ и како подобать молитиса.
- КӨ. образъ мѣтвы и наставленіе ѡпелънникомъ.
- І. оуставъ мѣтвы съ ꙗннемъ.
- ІА. о тѣхъ иже на ꙗти съ мѣтвою шѣтвуюущи.
- ІВ. ꙗко же и мѣтвы ѡ кого ищеть самъ же гѣнаса.
- ІГ. о чѣвѣкоугодии.
- ІД. о несѣтажании.
- ІЕ. ꙗко не подобать оучителю любити имении.
- ІС. ꙗко пакостьна ксть бесѣда мникомъ съ мирьскыи.

Во второй части Пандентъ Никона находится еще двадцать семь словъ: въ разсматриваемой рукописи ихъ нѣтъ.

Имѣя въ виду то, что мнѣ извѣстно о другихъ спискахъ того же произведенія Никона по печатнымъ ихъ описаніямъ и по выпи-скамъ, мною сдѣланнымъ, считаю несомнѣнною важность раз-сматриваемой рукописи и какъ одного изъ немногихъ списковъ древняго первоначальнаго перевода Никоновыхъ Пандектъ, изъ мѣхъ извѣстныхъ древнѣйшаго.

Въ библіотекѣ Чудовскаго монастыря есть полный списокъ древняго перевода Пандектъ Никона Черногорца; го писанный въ концѣ XIV в. и притомъ съ отклоненіями отъ первоначальнаго вида.

Въ Синодальной Московской библіотекѣ есть сборникъ XIII вѣка (1296 г.), заключающій въ себѣ между прочимъ и слова Ни-кона Черногорца, въ томъ же самомъ переводѣ, но всего на все

только 18 словъ (сл. 15—33) и притомъ слово 31 безъ конца, а 32 безъ начала.

Ярославскій Архіерейскій списокъ, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ почти вполне всю первую часть Пандектъ Никона (не учтѣло только нѣсколькихъ листовъ), и писанъ въ XII в., а если его отнести и къ XIII вѣку, то все же въ сравненіи съ Синодальнымъ, онъ и на первый взглядъ человѣка, видѣвшаго древнія рукописи, не можетъ не показаться по почерку гораздо древнѣе.

Синодальная рукопись 1381 года, заключающая ту же 1-ю часть Пандектъ Никона, конечно, достойна вниманія, но уже не какъ списокъ древняго перевода, а какъ древнѣйшій изъ списковъ его передѣлки: какова была передѣлка древняго перевода, переписанная въ этой рукописи, указано въ Описаніи Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки (II: 3: 22—25).

Эта передѣлка была въ ходу не только въ XIV вѣкѣ, но и позже, въ XV и XVI в., какъ видно изъ подробныхъ описаній рукописей Синодальныхъ и Уваровскихъ (бывшихъ купца Царскаго); и потомъ подверглась новому измѣненію, причеиъ, какъ замѣтили гг. Горскій и Невоструевъ, исправители обратились къ древнему переводу и кое гдѣ возстановили его.

Какъ бы то ни было, Ярославскій списокъ древняго перевода, равно какъ и два другихъ списка, сдѣланъ на Руси и именно въ одной изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ употребляли на выворотъ звуки и и ч. Написаніе рукописи Русскимъ писцомъ доказывается, кромѣ этого, употребленіемъ полногласія и смягченіемъ д не въ жд, а въ ж (сорочиномъ, болого, надежа, прѣже, стража и пр.).

Какъ образцы языка и правописанія привожу нѣсколько выписокъ.

л. 2. Слово обхмла сложеніи книгъ. тькова | отъ тьковани. ги. блѣви ѿче. Сия книги гна оубо заповѣди и сихъ тькованиіи моуше. тако же съвькоуплающе и послѣдоующе ѿ оцѣскихъ оучении. едина главизна отъ другомъ прикмылюци виноу. тако же се нѣкыи златы чепи съ драгымъ каменимъ. и съ женьчюгымъ съплетены въю христыанскоу оукрашають. аще и вѣра ксть права. ибо и дѣла съвършають вѣроу. а вѣра ѿ основаниіи дѣломъ, безъ вѣры ничто же оуспѣеть. тако же и вѣра кромѣ дѣла мѣртва ксть ѿ себе.

л. 51. Что видиши соуцьць. въ ѿцѣ братоу своѣмоу. Клады же въ ѿцѣ твоѣмъ не чюкши. ли кымъ ѿобразымъ оувидиши и соуць ѿка брата твоѣго изати иже кладоу мѣрости въ ѿцѣ своѣмъ имѣи

покрывающаго. ѿ оныхъ оубо винъ гнѣвномъ движениемъ разгорѣвъся слѣпить ѿчи. дѣшеви. и не дать ни видѣти слѣда праведнаго. Ако же бо приложитъ и златоу петаль (πετάλιον *)). ли ѿлованоу. ѿ него же възвращениемъ слѣпоты. злата петаль и чѣсть кѣа творити. тако ѿ коихъ оубо винъ подобны или ли неподобны. гнѣвою въспогѣвъшюся и видѣния сила дѣшевна помрачакъся.

Переводъ Каноновъ иногда дословно сходится съ тѣмъ древнѣйшимъ переводомъ ихъ, что въ Ефремовской кормчей, и съ тѣмъ, что въ Устюжской кормчей, въ Синтагмѣ Іоанна Схоластика; но иногда и очень отличается. Привожу нѣсколько примѣровъ, ставя подъ каждою выпискою отличія по Ефремовскому списку съ буквою Е, а отличія Устюжскаго списка съ буквою У.

Ам. к. 6. Еѣпъ. ли прозвутерь. ли дияконъ мирьскыхъ печали. да не прикметь. аще ли ни. да извържеться. (л. 202).

— прозвутерь = Е. попъ: У. попъ.

— печали = Е. печении: У. печалии.

— да не прикметь = Е. да не въспр...: У. да не прикм...:

— аще ли ни: У. а ли не хощеть.

— да извържеться: У. да из— сѣнна.

Ам. к. 44. Еѣпъ. ли по ли дияконъ лихвы рекомыа съти тѣа приема. ли престанеть. ли да извържеться (л. 114).

— лихвы рекомыа съти тѣа приема = лихвы принося оу займникъ: У. лихвою въземла ѿ займникъ:

— ли престанеть = Е. ли да останеться: У. ли да о—са того.

— извържеться = Е. изв—нъ боудеть: У. ѿвержетъ.

Ам. к. 55. Аще кто клирикъ порѣгакъ еѣпоу свомоу. да извържеться. князю бо людии своихъ не речеши зла (л. 53).

— Аще кто клирикъ = Е. Иже причѣтъникъ: У. клирикъ.

— порѣгакъ = Е. досадить.

— князю = Е. старѣшинѣ: У. князю.

Ам. к. 82. Рабъ въ клиросъ съставити безъ господьскы вола не повелѣваемъ. понеже скръбъ кѣтъ стажавѣшмоу. развращениемъ таковыи съдѣвакъ. Аще ли кто достоинъ гавитиса на поставленіи степени яко же и нашъ ѿнисиимъ гависа. и простать гда и ѿпоустать на свободу ѿ домоу свогго ѿпоустити створать.

— рабъ = Е. рабовъ: У. раба.

— въ клиросъ = Е. въ причѣтъ: У. на пр—тъ.

*) Слово петаль употребляется и съ окончаніемъ на а: петала.

— съставити = Е. У. приводити.

— безъ господьскы вола = Е. безъ вола господы ихъ: У. безъ вога своего кмоу гна.

— понеже скърбъ ксть стажавъшему = Е. на оскърбленик прптажавшимъ: У. на скорбъ имоущимъ.

— (домовъ бо) развращеник таковъи съдѣвакъ = Е. д—ъ бо раз—ник таковъ съд—тъ: У. и на разореник домоу бывакъ.

— аще ли кто достоинъ гавитиса на поставленик: У. аще ли когда достоинъ боудеть рабъ сиѣниа.

— тако же и намъ Ѡ—ъ гависа: У. тако же и Ѡ—ъ нашъ.

— и простать гда и пр.: У. и поустать гѣмъ кго и свободать и. и из домоу Ѡпоустать и да боудеть.

6-ю собора к. 42. Глѣмъи поустыинники лжеимѣющеса (: еже очърньшеса) и главы ѡбростивъше (: небстризающе) преходать (: про—) градъи и вси съ (: межю) простыми моужьми (: моужь). мирьскими и женами матоущеса (: живоуще) и своему ѡбѣтоу (: ѡбѣщанию) досажаяще (роугающеса) повелѣваетъ (: заповѣдакъ) власы ѡстрѣщи (: остригъше). аще волатъ (: хотать) прочихъ (: мнихъ) примати (: въс—) ѡбразъ. сихъ в монастырь (: м—рихъ) впоустити (: посадити) и съ братию пребывати (: и къ брати припитати). Аще ли ни сего изволатъ (: аще ли сего не изгонать) Ѡиноудъ (: въсѣдѣ) тѣхъ (: га) Ѡ всѣхъ градъ (Ѡ града) Ѡгнати (: изгонити) и в пустынахъ прѣбывати (: жити) Ѡ него же и има себе стажаша. (л. 41).

Въ слѣдующихъ выпискахъ привожу отличія только Евремоваго списка въ скобкахъ.

6-ю собора к. 62. Сице рекомы (: глѣмъи). казанды (: колады) и рекомъи (: глѣмъи) воты (: паствы) и рекомаи роусалиа (: наричѣмъи шестъкы) и кжевъ. (: и въ) а. дѣи марта мѣа творимок (: съвършанмок) тържство. по кдиномоу же кждо (: отиноудъ) Ѡ вѣрныхъ житиа Ѡати хоцемъ. нъ и еще и женъ градныхъ (: женьскиа прѣдъ людьми) пласаниа (л. 69).

Далѣе текстъ Никоновскій отличается и отъ обычнаго подлинника Греческаго:

такъ бещьстьныхъ и многоу пагоубоу и пакость творити могущихъ сии сборъ всѣхъ сихъ и еже подобнаа игры творащаа. и оубо аще клирици соутъ. сихъ измещеть. простъца же Ѡлоучахъ. Тако

же иже вино въ бтаре гвющана. смѣхъ начинаютъ чстоы вещь. ли соукуты бѣсовскына лсты съдѣвающе.

Слово *бтаре* употреблено и въ Ефрем. переводѣ.

Привожу еще одинъ канонъ седьмого вселенскаго собора, переведенный въ Пандентахъ очень отлично отъ того, какъ онъ читается въ Ефремовской кормчей:

1. 22. 7-ю собора к. 19. Толикъ срѣбролюбиа въдастьса врѣдъ къ прѣвникомъ яко и нѣкына гѣмъна блгобознивыни моужа и жены забвѣвша заповѣднн гнѣ и прельстившеся златѣмъ дамынн приходимоу спѣничьскоу чиноу и въ мнишескоу житиѣ строити и бывають. и кто жена чадонеискоусна. и пороку ѿмѣтънѣ. яко ре, великий Василии. ни бо ксть вѣи мамонѣ ради работати гѣтъ. аще кѣто ѿбращетьса се твора. аще оубо кѣпѣ или игоуменѣ. ли кто ѿ спѣничества. ли да престанеть. ли да извържетьса. по второму канону иже въ Халкидонѣ стѣо сбора. аще ли игоуменина да ижде-нетьса изъ монастыра и предастьса въ инѣ монастырь въ повинованиѣ. Тако же и при игоуменѣ. неимоущю ставлениа прозвоутерска ѿ родитель же предакмата рекъше чѣтъ чадѣ. ли своего стараниа. самѣхъ вещи приносимѣхъ исповѣдающимъ приносящимъ симѣ быти спѣнамъ боу повелѣхомъ. аще прѣбоудеть. Аще ли изидеть быти тѣмъ въ монастыри по общанию ко. тѣкмо аще ксть вина прѣдѣдържащаго. И вторыи канонъ Халкидонскаго сбора гѣтъ. яко аще кто и ходатайствоуи авитса таковыи сквърннѣ. не ли аще и кли(ри)къ ксть. своего ѿпадетъ степенѣ. аще ли простѣцъ ли мнихъ проклатъ да боудеть.

Въ Ефремовской кормчей читается:

— Тольма пороугана бы срѣбролюбиа сквърна на властела прѣвнына. яко и нѣкына... моужъ и женѣ... злата ради приятии. приходящихъ (къ) чистительскоуму чиноу и къ инокоуму житию. творити бывають и пр.

Считаю пока достаточнымъ этихъ выписокъ. Для себя сдѣлалъ я болѣе ихъ для обозрѣннѣ древнихъ переводовъ каноновъ.

Къ XIII-му же времени отнесена должна быть и еще одна рукопись той же библиотеки. Это — книга Евангельскихъ чтеннй, любопытная и по письму и по красотѣ рисунка большихъ буквъ. Къ сожалѣнню она не сохранилась вся какъ была: въ ней остались безъ начала и конца только 131 л. Писана она въ 2 столбца по 23 и по 24 строки довольно крупнымъ уставомъ. На оборотѣ 37 л.

передъ чтеніемъ су⁶. ѿ. не⁴ ѿ ма⁶ (Рече ꙗко просащемъ) помѣщено изображеніе евангелиста сидящаго между зданіями; на оборотѣ 102 л. помѣщено изображеніе двухъ евангелистовъ такъ же между зданіями сидящихъ при письменныхъ приборахъ—передъ чтеніемъ въ новокъ лѣто ѿ лоуки (Въ оно время Иродъ четвертовластникъ).

Къ тому же XIII вѣку, какъ и это Евангеліе, относится вѣроятно и списокъ Псалтыри.

Кромѣ этихъ трехъ рукописей въ библіотекѣ Ярославскаго Архіерейскаго дома есть и еще нѣсколько пергаменныхъ, именно: книга Евангельскихъ чтеній (3: 720), двѣ книги служебной минеи: одна за май (9: 238), другая за декабрь (43: 831), каноны Богородичныя (10: 847), синаксарь (11: 853).

ПАНДЕКТЫ НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА ПО ДРЕВНЕМУ ПЕРЕВОДУ.

Акад. Н. Н. Срезневскаго.

Послѣ предварительнаго ознакомленія съ Ярославскимъ спискомъ Пандектъ Никона Черногорца, я счелъ долгомъ рассмотреть его болѣе подробно и сравнить какъ его съ другими древними списками того же извода, такъ и самый этотъ изводъ перевода съ другими изводами и съ подлинникомъ Греческимъ. Послѣднее мнѣ удалось только частію по описаніямъ и нѣкоторымъ статьямъ. И то однако, что могъ я пока сдѣлать, мнѣ кажется достаточнымъ, для того, чтобы позволить себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній о значеніи нашего древняго извода.

Прежде всего нелишнимъ будетъ сообщить нѣсколько данныхъ о самомъ Никонѣ Черногорцѣ, его произведеніяхъ и ихъ извѣстности въ Русской письменности.

Никонъ, монахъ Черной горы, что близъ Антиохіи, жилъ во второй половинѣ XI вѣка, извѣстенъ былъ своимъ учительствомъ и вмѣстѣ своей нравственностью и начитанностью. Съ пѣлію дѣйствовать наставленіями, почерпнутыми изъ разнообразныхъ твореній отцевъ и учителей церкви и между прочимъ изъ толкованій св. писанія и каноновъ соборныхъ, на монашество, вообще нуждавшееся въ наставленіи и при желаніи даже не могшее пользоваться всѣмъ тѣмъ, что было извѣстно ему, Никону, онъ составилъ двѣ книги: Пандекты и Тактиконъ. Въ одной изъ нихъ онъ собралъ правила и ихъ объясненія касательно общихъ обязанностей монаховъ, нѣчто въ родѣ нравственной философіи въ приложеніи къ монашеству, въ другой размышленія о христіанствѣ православной церкви, о разныхъ ея нуждахъ, условіяхъ ея благосостоянія, о не-

православныхъ христіанахъ и т. п. Первое изъ этихъ сочиненій сочтено было такъ важнымъ, что оно было представлено въ Соборную Антиохійскую церковь и ею принято какъ полезное и важное, какъ это видно изъ посланія къ Никону Антиохійскаго патріарха Іоанна, которое приложено къ книгѣ. Второе, Тактиконъ, было переведено и по Арабски.

У насъ первое изъ нихъ, Пандекты Никона Черногорца, были извѣстны уже въ XII вѣкѣ и за тѣмъ переписывались не рѣдко, съ конца XIV вѣка въ новоизмѣненномъ видѣ; второе, Тактиконъ, стало извѣстно съ XIV вѣка и съ того времени такъ же переписывалось не рѣдко. Въ началѣ XVII вѣка предпринято было ихъ печатное изданіе, но пріостановилось при началѣ; въ концѣ XVIII в. (1795 г.), оба были напечатаны по рукописи 1672 г. Греческій подлинникъ до сихъ поръ не изданъ, хотя Фабрицій уже давно считалъ это нужнымъ, имѣя въ виду только Пандекты, которыя въ нѣсколькихъ спискахъ XIII—XIV вѣка хранятся въ библіотекахъ Италіи и Франціи. Вѣроятно, еще настоятельнѣе сказалъ бы онъ о нуждѣ издать Тактиконъ, если бы это произведеніе было ему извѣстно. Оно и послѣ Фабриція оставалось на западѣ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока не издано было Анджеломъ Маіо описаніе Арабскаго перевода его, хранящагося въ Ватиканской библіотекѣ. Изъ этого описанія, сдѣланнаго Стеф. Ассемани, ясно видна важность книги Тактиконъ въ отношеніи къ церковной археологіи, и въ отношеніи общенсторическомъ по разнымъ подробностямъ о положеніи дѣлъ на христіанскомъ востокѣ во время борьбы христіанъ съ Сарацынами.

Древній изводъ нашего перевода Пандекты Никона Черногорца сохранился, на сколько мнѣ извѣстно, въ трехъ древнихъ пергаменныхъ спискахъ: Ярославскомъ, Московскомъ Синодальномъ и Чудовскомъ.

Ярославскій сборникъ написанъ въ XII вѣкѣ въ малый листъ или въ длинную большую четверть въ два столбца и состоитъ въ настоящемъ видѣ изъ 26 тетрадей = 204 листовъ, заключая въ себѣ 36 словъ, т. е. первую часть Пандектъ. Недостаётъ только нѣсколькихъ строкъ окончанія 36-го слова (листокъ, на которомъ это окончаніе было написано, вырѣзанъ).

Московскій Синодальный списокъ написанъ въ XIII вѣкѣ, вторая половина въ 1296 г., въ малую четвертку, и заключаетъ въ себѣ только слова 15—33 Пандектъ на 169 листахъ изъ 180 всей рукописи, которой первые листы (11 — 74) заняты Житіемъ св.

Симеона Столпника и Наказаніемъ общеживущей братіи. Недостаётъ конца 32 слова и начала 33 — такъ, что на одномъ и томъ же листкѣ написано и то, на чемъ прерывается 32 слово, и то, съ чего начато 33 слово (ясно, что въ рукописи, съ которой писецъ списывалъ, не доставало того, что онъ не списалъ, вѣроятно, средняго листа тетради). Кромѣ того не достаётъ въ концѣ 33 слова послѣднихъ строкъ.

Чудовскій списокъ написанъ разными почерками XIV вѣка въ большую широкую четвертку, въ два столбца, очень сжато, и заключаетъ въ себѣ, на 212 лл. всю книгу Пандектъ, т. е. всѣ 63 слова. По невнимательности переплетчика тетради перепутаны: за л. 1—57 должны бы слѣдовать лл. 128—135, за тѣмъ лл. 58—66, 68—75, 67, 76—127, 136—207. Нѣсколькихъ листовъ не достаётъ, между прочимъ въ концѣ книги, гдѣ нѣтъ почти всего сл. 60, сл. 61—62, а изъ 63 слова уцѣлѣло только два листа безъ начала и конца. Кромѣ того есть пропуски, происшедшіе отъ невнимательности писцовъ или отъ другихъ подобныхъ причинъ: такъ между лл. 49 и 50 есть пропускъ части 15 слова столбца въ $3\frac{1}{2}$; на л. 87 пропущенъ конецъ 32 слова и все 33-е.

Во всѣхъ трехъ спискахъ правописание Русское, такое какъ употреблялось въ то время, когда каждый изъ писцовъ писалъ. Въ списокѣ Чудовскомъ сверхъ того, не смотря на ясные признаки слѣды правописанія обычнаго въ XIV вѣкѣ, осталось очень многое отъ правописанія болѣе давняго времени, отъ обычаевъ XII вѣка.

Во всѣхъ трехъ спискахъ текстъ перевода до мелочей, за очень не многими исключеніями, одинъ и тотъ же, и тѣ немногія отличія, которыя встрѣчаются въ спискахъ, относятся преимущественно къ Московскому Синодальному списку. Отличій между списками не мало только въ опискахъ писцовъ, въ ошибкахъ и пропускахъ ихъ; отъ этого всѣ три списка необходимы для возстановленія первоначальнаго извода въ его полномъ видѣ. Сличеніе трехъ списковъ приводитъ впрочемъ къ выводу, что ни одинъ изъ нихъ не списанъ съ другаго, а всѣ три съ другихъ трехъ, а можетъ быть изъ четырехъ (предполагая, что въ Синодальномъ списокѣ соединены двѣ рукописи).

Что касается, до самаго перевода, то его можно, кажется, считать трудомъ если и нѣсколькихъ сотрудниковъ, то все-таки исполненнымъ подъ присмотромъ одного главнаго: на это указываетъ довольно ровное соблюденіе однообразія въ передачѣ Греческихъ словъ Славянскими. При этомъ нельзя не замѣтить, что

мѣста св. писанія большею частію не были переводимы вновь, а передаваемы довольно вѣрно по прежнему переводу, и при томъ по тому, въ которомъ, по недоразумѣнію, слово *уѣнѹа* передано словомъ рождество.

Языкъ перевода Пандектъ Никона Черногорца есть тотъ обыкновенный Славянскій, который употребляемъ былъ во всѣхъ подобныхъ книгахъ у Славянъ православныхъ въ церковной и учительной письменности, но съ особеннымъ Русскимъ оттѣнкомъ.

Можно бы и не придавать особеннаго значенія Русскому оттѣнку языка этой книги, если бы онъ ограничивался въ кругѣ выговора, т. е. употребленія *ере* вм. *ръ*, *оро* вм. *ра*, *оло* вм. *лъ* и *ла*, *же* вм. *жд* и т. д. въ словахъ, принадлежащихъ къ числу общихъ Славянскихъ или Славянскихъ церковныхъ, усвоенныхъ Русскими; но Русскій оттѣнокъ проникаетъ языкъ рассматриваемой книги гораздо глубже. Въ ней находимъ слова, по Русски написанныя, и такія, какихъ напрасно было бы искать въ не-Русскомъ обликѣ или по крайней мѣрѣ въ не-Русскомъ смыслѣ; находимъ вмѣстѣ съ тѣми слова, обозначающія особенности Русскаго быта.

Къ числу словъ перваго рода принадлежатъ слова хорошъ съ производными хорошавъ, хорошаник. Слово хорошъ употреблено въ Чудовскомъ спискѣ въ значеніи убрать, прибрать: нѣкъи приде къ нѣкокмоу братоу и видяше келью кою не хорошоу ни пометеноу. сл. 6. Слово хорошавъ взято въ значеніи щеголя (?): аще ли видять насъ оумъвенама рѣкама мдоуща гѣтъ. сеи чьрньци хорошави соутъ сл. 36. Слово хорошаникъ взято вмѣсто сл. величаник: хорошаники бещиньна къ старцемъ. сл. 4. Нельзя не замѣтить, что въ Ярославскомъ спискѣ при сохраненіи двухъ послѣднихъ словъ, вмѣсто хорошъ употреблено похороненъ: нѣкъи приде къ нѣкокмоу братоу и видяше келью кою непохороненоу и непометеноу. Непосредственно ниже и въ Ярославскомъ, и въ Чудовскомъ спискѣ одинаково употреблено слово похороненъ вмѣсто хорошъ и глаголъ похоронити въ значеніи убрать, прибрать: гѣаше в себе бѣжнѣ къ сѣмъ брѣ. ꙗко небрѣже всѣхъ земныхъ и тако възложи оумъ свои въсь горѣ ꙗко же ни кѣликъ свокк оупразнитъ похоронити. и пакы идяше къ иному и видяше келью кою чистоу и похороненоу. и гѣаше. ꙗко се и келью кою чиста и по съставу дѣшъ кою. такъ къ сѣмъ съставъ келью кою. Глаголъ похоронити употребленъ кромѣ того въ значеніи готовить: отрокъ обрѣте прозвутера похороняюще стѣмъ дары. сл. 40.

Изъ словъ бытовыхъ особенно замѣчательны тѣ, которыми обозначается денежный счетъ. Цѣнности опредѣлены не только *ринами*, но и *ртзанами* и *тѣкиами*, *веверицами*: Не хотяи ѿ кѣдиномъ рѣзаны мѣтина створити, ни ѿ тысяще гривень имать створити. сл. 36. Начать красти і. і. (вѣвериць). ксть же кгда и по большѣ. іако видѣ іако блѣвихомъся начать по рѣзанѣ красти сл. 23. Въ истину і. та (десята) вѣвериць доволно соуть домови на снѣдно. сл. 23. Въсприкмлю на корымлю свою еі вѣвериць. сл. 45. Рци старче. продакши ли сина. ѡнъ же рече, ки. они же по коликоу рѣша. ѡнъ же рече. по десяти вѣвериць. аще хоцеши по вѣкшѣ да мы возмемъ. и глѣ имъ. іако же хоцете возмѣте. и давше кму вѣвериць взяша вся спиридина. сл. 46. аще по вѣкѣши кдиной тѣкмо подають никто же бы нищъ былъ. сл. 36. приимаше і. и двѣ вѣкши. купяше доволнок собѣ и брату. сл. 45.

Не менѣе замѣчательно употребленіе счета длины *верстами*: ѿ келиа шесть вѣрсть. сл. 2.

Разъ употреблено слово семья: даровати домъ и семью. сл. 4. въ смыслѣ образа жизни.

Разъ употреблено слово посадникъ: Аще посадникъ ксть аще судыа. аще и самъ то (=тъ) вѣнецъ нося приступакъ. възбрани (прияти св. дары нечистыми ѹстами). сл. 53.

Глаголъ крьноути = креноути употребленъ не разъ, и всегда по древне-Русски въ значеніи купить, приобрести: Аще ли кто (мнихъ) и крьнетъ сътяжаникъ кѡм до възспринметься. сл. 4. Онъ же приѣмъ книги (продававшіися) къ аввѣ Геласію несе искоусити га. и рекъ кмоу цѣноу. и глѣ старьць. крьни к. добры бо соуть. сл. 15. Идохъ въ градъ. крьню мѣсто ѡгражено добрѣ и създахъ црѣвъ. сл. 34. Въ дѣи црѣ Леона и Александра князь нѣкто в Пело(по)нисѣ крени отрочища. Скуньфина родомъ. сл. 40. Крени кмоу іако же хоцеть. сл. 45.

Примѣровъ этихъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, достаточно, чтобы позволить себѣ догадку, что древній переводъ Пандектъ Никона Черногорца, какъ и переводъ хроники Георгія Амартола, Космографіи Козмы Индикоплава и пр., сдѣланъ при участіи Русскаго человѣка.

ОПИСАНІЕ РУКОПИСЕЙ БИБЛІОТЕКИ А. И. ХЛУДОВА.

Составилъ Андрей Поповъ. М. 1872. (8°, 5 + X + 664 + 54:
всего 52 печатныхъ листа).

Записка Акад. И. И. Срезневскаго.

Издавна были по слухамъ извѣстны въ Москвѣ два собранія рукописей: А. И. Лобкова и А. И. Хлудова. Такъ же по слухамъ недавно стало извѣстно, что оба эти собранія соединились въ рукахъ одного А. И. Хлудова, и что тѣмъ же любителемъ древности и старины приобрѣтены были и тѣ рукописи, которыя вывезъ изъ Македоніи и Болгаріи А. Ѳ. Гильфердингъ, и которыя доселѣ были такъ же извѣстны большинству занимающихся только по слухамъ. Теперь неожиданно является описаніе всего этого Хлудовскаго собранія, и такое описаніе, посредствомъ котораго любопытствующій читатель можетъ подробно познакомиться не только съ собраніемъ, но и со многими памятниками, хранящимися въ немъ въ спискахъ, частію очень рѣдкихъ, частію ничѣмъ незамѣтныхъ.

Хлудовское собраніе Славянскихъ рукописей въ настоящемъ своемъ положеніи состоитъ изъ 361 книги, въ томъ числѣ 69 на пергаментѣ и на бомбицинѣ. Изъ этихъ книгъ болѣе 60 принадлежитъ къ числу памятниковъ древняго письма (до конца XIV в.), почти столько же къ числу памятниковъ Югославянскихъ, юсовыхъ, безъюсыхъ и смѣшанныхъ, не мало замѣчательныхъ Русскихъ списковъ древнихъ памятниковъ и болѣе 100 полемическихъ сочиненій въ пользу и въ опроверженіе раскола въ Русской церкви.

По древности написанія особенно замѣчательны слѣдующія рукописи:

— № 140. *Шестодневъ* служебный XII—XIII в. юсоваго письма.

— № 141. *Шестодневъ* служебный XIII в. безъюсаго Югославянскаго письма.

— № 2. *Псалтырь* 1212—1213 г. юсоваго письма. Въ концѣ 10-й каѳизмы есть записъ: «рокѣ ѿѿѣ (6720=1212); а въ концѣ рукописи»: сѣ писаніе Іѡнѣ дѣакѣ ѿѿѣка года». Составитель описанія говоритъ, что «подлинность первой записи не подлежитъ никакому сомнѣнію»; о второй не говоритъ ничего. Если и обѣ записи не считать современными, то все таки довольно одного удостовѣренія А. Н. Попова, что письмо не позже XIII в.

— № 3. *Псалтырь* XIII в. Русскаго письма со множествомъ рисунковъ, извѣстныхъ уже по описанію архим. Амфилохіа и по снимкамъ къ нему приложеннымъ (см. Древности Моск. Арх. общества III. 1—28).

— № 133. *Триодъ* цвѣтная и постная XIII в. юсоваго письма.

— № 187. *Прологъ* сентябрьскаго полугодія 1262 г., извѣстный уже, но еще очень мало, по описанію Снѣгирева (въ Рус. Истор. Сборникѣ. III. 293) и по снимку, изданному М. П. Погодинымъ (въ Образцахъ древлеписанія: I: 14).

— № 142. *Паремейникъ* XIII—XIV вѣка юсоваго письма (см. въ Древ. пам. юсоваго письма. 70, 218—219, 224).

— № 28. *Книга Евангельскихъ и апостольскихъ чтеній*. XIII—XIV в. юсоваго письма.

Изъ памятниковъ письма XIV вѣка годами отмѣчены слѣдующіе:

— № 29. *Книга евангельскихъ чтеній* 1323 г. Русскаго письма. Въ концѣ книги записъ:

в. гѣ ѿѿѣ гѣ початы быша книгы си писати мѣа нѣа а кончашася мѣа авгѣ на памѣ стаго оца Моисѣа Мурпна. а писалъ рабъ бжїи Иродіанъ игѣменъ Моисѣю. ѿпи и браѣци гдѣ буду си помалѣ или переступилъ исправаче чтите. и бѣ дѣла. а не кльнѣте. а васѣ бѣ багвѣтитъ амин. Гѣ помози рабу бжїю игумену Моисѣю создавшему книгы си сватокъ ѿѿѣ. стѣи гжїи бѣи. даи ѣмоу гѣ животъ и спѣникъ и ѿданикъ грѣхомъ получити бѣ наше».

По предположенію А. Н. Попова подъ именемъ Моисея здѣсь должно понимать того, который съ 1322—1325 сдѣлался Новгородскимъ архіепископомъ.

— № 188. *Прологъ* мартовскаго полугодія 1370 г. Сербскаго письма. На послѣднемъ листѣ записъ:

Слава съвършителю Хѡу... амн. писа грѣшнѣи Нікола диякъ въ лѣтѣ 5. Ѡ. ой.

По составу этотъ прологъ отличается отъ другихъ извѣстныхъ помѣщеніемъ стихиръ передъ житіями.

— № 146. *Служебная минея* на октябрь 1388 г. Сербскаго письма. На послѣднемъ листѣ записъ:

въ лѣто 5. Ѡуѣ писасе сина книга домоу мѣре бѣіе Грайска. повелѣниѣмъ прѣвосщеннаго архіепѣпа Липлянскаго. Къ Се-
меѡна. ѡмоу же вѣчнаа память.

— № 151. *Служебная минея* на январь до 1389 г. Сербскаго письма. Время написанія опредѣляется молитвою о спасеніи отъ Агарянъ и за независимаго короля Сербскаго, что можетъ относиться только къ королю Лазарю, погибшему въ 1389 г.

— № 37. *Книга апостольскихъ чтеній* 1389 г. или позже Русскаго письма. Въ концѣ книги записъ:

Написаны быша книгы сина при блговѣрнѣмъ и бохранимѣмъ князи нашеѣ Василю Дмитрееви всеа Руси. при архіепѣпѣ нашеѣ Киприанѣ всеа Руси мѣа февраля въ дѣи днѣ. на пама-
стѣо Аоуѣсентина. а псалъ ихъ многогрѣшнѣи рабъ бѣи Ку-
земка дыакъ Въздвигеньскѣи. аще дѣи буду помалса чѣи
исправа а не кленѣте браѣ ба дѣла.

Въ другой записи, въ началѣ книги, читается:

почато мѣа октабра... ги помози рабоу своѣмоу Коузмѣ.
даи бѣ емоу спсати си — кнѣгы блгнѣемъ архимандріачнѣ
Серапиѡновымъ.

№ 134. *Триодъ Цветная* 1392 г. Сербскаго письма. На послѣд-
немъ листѣ записъ:

простите и блвѣте исписавшаго сина комате трѣи а стѣиѣ
Феѡриѣ роукою грѣшноу Стефана конаха. бѣвшаго Страна-
таха и хтитора стѣи Феѡра. іже дръзнетъ ѡнети х. да моу...
соупостати въ днѣ страпнаго соуда. в лѣтѣ 5. ѡ. сотне. кѣди
Тоурци приѣше Скопин. мѣа гѣ 5.

Изъ памятниковъ письма XV вѣка годами отмѣчены слѣдующія:

— № 158. *Минея служебная* на май 1401 г. Сербскаго письма. Книга написана блгвополчнѣмъ прѣвосщ. ариепѣпомъ... куръ Арсе-
ниѣмъ... въ помень к емоу и вѣчнаа емоу памѣ. лѣто же бѣ тогда
сѣѡ.

№ 125. *Октоихъ и праздничная минея* 1428 г. Сербскаго письма. Время написанія показано въ записи: Написасе въ лѣте шестотисщно и деветьстно и тридесети и шесто по прѣставленіи бл҃гочтѣваго краля Срьблкѣ деспот Стефа.

№ 139. *Триодъ постная* 1434 г. Сербскаго письма. На оборотѣ послѣдняго листа двѣ записи, одна черниломъ, другая киноварью: Сїю книгу сїръ триѡ извѣдохъ изъ Бѣгарскыя книги на Срьбскы чинъ. да ако ѣ нечтѡ и недоставено. не прокльните веѡми мѡю ви се. понеже не быхъ вѣщи словѣ томъ и. и чѣтеи ѡсмотри и ѡвѣждь добръ и ѡпасно и ли извѣдей пакы изъ нѣи знаи. еже ꙗко комѣ даль бѣ и болше мѡжетъ извести. вѣчна памѣ Еустратию попѣ ѣрмонахъ.

Извѣщеніемъ ѡца и поспѣшеніемъ сѣна и свѣршеніемъ стго дха написасе сѣа бжѣвна книга. въ днѣи бл҃гочтѣваго и хр҃толюбиваго госпѣра Срьблкѣ дѣспота Гюрга. въ лѣтѣ сѣмѣ. и писа Гроубѣцъ діакъ. и ѡци стын и братіе прочитающе бл҃вите. а не прокльните. понеже дхъ стѣи не писа. нѣ рѣка грѣшна. и бѣ да проститъ вѣи.

— № 58. *Лѣтвица* Іоанна Синайскаго въ спискѣ 1478 г. Русскаго письма. Подлинная запись замѣнена копіей XVII в. «Написана же быѣ книга сѣа въ лѣто ,сѣпс мѣа июліа въ ѣ днѣ въ Цриградѣ въ ѡбители прѣтыа вѣцы зовомое Свѣргетица. рукою многогрѣшнаго сщенионока Оувѣналіа»,

Изъ памятникѡвъ письма XVI вѣка отиѣчены годами слѣдующіе:

— № 49. *Толкованія на дѣянія и посланія Апостольскія* 1520 г. Русскаго письма. На л. 150 помѣщенъ перечень событій, приложенный къ указанію времени мученія ап. Павла, а къ нему присоединено объясненіе о трудившихся надъ переводомъ этой книги. Тутъ обозначено, что отъ Аркадіа и Онорія до начала княженія Русскаго прошло уѡа годъ, отъ Рюрика до крещенія Владиміра рѣс лѣтъ, отъ крещенія Владиміра «до настоящаго сего царствіа пятаго надесяте лѣта благочестиваго Василиа... самодержца всеа Руси и девятаго лѣта святительства Варлама митрополита всеа Руси ѣ и кд лѣта... ѡ начала мпру ,зѣи лѣто»... Далѣе: предложено съ Греческаго ꙗзыка на Рѣскыи монахомъ Маѣхимомъ стѣа горы Афѡна... да Василиемъ толмачемъ Латынскыи и Немецкыи... в прѣименито... градѣ Москвѣ...

— № 192. *Прологъ* сентябрскаго полугодія 1541 г. Сербскаго письма... Съписа сїю бжѣтвеню книгу... іеромонахъ Вусаріѡ и прѣимѣнованіе Варламъ... въ лѣто зѣи.

— № 24. *Четвероевангелие* начала XVI в. (до 1548 г.) Сербского письма. На оборотѣ послѣдняго листа записъ архіепископа Прохора: Прохъ мѣтїю бжїею архіепкѡ а. е ѿстинїанїе всѣмъ Бл҃га-роумъ Сръблѣмъ и прочимъ.

Смѣрєніе моє пише. до се знає. како прїидоу въ бѡхранимое мѣсто Іанкѡ при вѣсєбсцєнноу мѣтроуліте кїрѣ Никаноре. и прїиде къ намъ. кнѣ Петръ Герзій и приложи сїю кнїгѣ, тетроеуліе цркве архистратигѣ Михайлѣ и Гавріилѣ и Плаканичке махале и да си имѡ вишерейнаа црква сїю кнїгѣ ники не ѡемлемѣ. и на сє бѣ сїе наше писанїе въ всѡко съхранїне и ѡтверженїе. въ лѣтѣ 5315 апрелїа аї днѣ.

— № 46. *Псалтырь* съ толкованїемъ Θεодорита Русскаго западнаго письма 1560 г., какъ видно по записи:

Слава бѡгоу въ трїцы. аминь. писана бѣ сїа кнїга въ лѣтѣ ѡ рожества збавителя нашего .а. ф. ξ. оу земли Прѣскїа. а доконаса мѣа авгѣста иї днѣ. настолицеберкоу. (настоящему же рокоу?)

— № 66. *Дїонтра* инока Филиппа 1563 г. Сербского письма. Въ записи стоятъ: въ лѣтѣ 530а при ігѣмена Стефана пєромонаѣ. и монастыѣ Продрумъ.

— № 73. *Сочиненїа Максима Грека*, въ спискѣ 1563 г. Русскаго письма: «лѣтѣ 53 седмѣдесятаго съверьшенѡ бѣ кнїга сїа авгѣста аї.

— № 148. *Минея служебная* на декабрь, 1571 г. Сербского письма:... писа сїю кнїгоу... поу Лазарѣ ѡ мѣста Крѡтова. въ монастырь... въ храмъ п. вѣе ч. и с. еѣ ѡуспєнїа. писасе при ігоумєноу ієром. Павлу сїоу Никѡфора Морозвїзскаго. въ лѣто 5308 маїа ка.

— № 113. *Служебникъ* въ спискѣ 1574 г. на перг. Влахоболгарскаго письма: ржкож мнѡгрѣшнаго та ієромонаѣ Амфилѡфїе... влѣто 531в...

— № 238. *Сборникъ* Сербскаго письма 1581 г.: въ 531в.

— № 60. *Творенїа Іоанна Дамаскина* въ переводѣ князя Андрея Мих. Курбскаго съ собственноручными его замѣтками.

Изъ памятниковъ письма XVII вѣка годами отмѣчены:

— № 115. *Служебникъ* Русскаго письма 1602—1603 г.

— № 173. *Каноны богородичные* Сербскаго письма 1604 г.

— № 90. *Кнїга о вѣрѣ единой* Русскаго письма до 1648 г., т. е. до печатнаго изданїа ея въ этомъ году.

Изъ предъидущаго перечня видно, что изъ рукописей опредѣленнаго времени въ библіотекѣ А. И. Хлудова важны — для палеографіи Русской: одна рукопись XIII в. (№ 187), двѣ XIV в. (№№ 29 и 37), одна XV в. (№ 58), три XVI в. (№№ 49, 73, 60), двѣ XVII в. №№ 115, 90), — для палеографіи Болгарской и вообще юсовой одна рукопись XIII в. (№ 2) и одна XVI в. (№ 113); для палеографіи Сербской четыре рукописи XIV в. (№№ 188, 146, 151, 134), три XV в. (№№ 158, 125, 139), пять XVI в. (№№ 192, 24, 66, 148, 239) и одна XVII в. (№ 173).

Не менѣе важно Хлудовское собраніе рукописей и въ отношеніи къ содержанію.

Изъ книгъ священнаго писанія особенно важны списки псалтыри между прочимъ и XIII в. (№№ 2, 3), и псалтырь съ толкованіемъ Θεодорита (№ 46); изъ книгъ богослужебныхъ: требникъ XIV в. (№ 118) со статьями изъ Кормчей книги, Паремейникъ XIII—XIV в. (№ 142), третологій XIV в. (№ 162) со многими любопытными статьями, святцы съ лѣтописью (№ 178); изъ твореній св. отцевъ: творенія Іоанна Дамаскина въ переводѣ князя Курбскаго (№ 60), Поученія Θεодора Студита въ списокѣ XV в. (№ 64); изъ церковно-историческихъ: полная Палея въ списокѣ XVI в. (№ 182), Лѣтописецъ Георгія инока въ Сербской редакціи въ списокѣ XV в. (№ 183), нѣсколько списковъ Пролога обоихъ полугодій начиная со списка 1262 года (№№ 187 и слѣд.), нѣсколько книгъ съ житіями святыхъ; изъ книгъ избраннаго чтенія: Торжественникъ XIV в. (№ 195) со многими замѣчательными статьями, нѣсколько любопытныхъ сборниковъ (№ 105 и слѣд. № 237 и слѣд.); въ отдѣлѣ книгъ касающихся Русскаго раскола (№ 253—361) очень много любопытныхъ.

Словомъ сказать, не лзя не считать Хлудовскаго собранія Славянскихъ рукописей однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, и не воздать должной хвалы признательности почтенному собирателю за стойкость въ дѣлѣ собиранія памятниковъ, тѣмъ болѣе достойную уваженія, что равнодушіе ко всему, лежащему внѣ круга плотскихъ наслажденій и безотчетнаго любостяжанія, еще сильно давить во многихъ изъ насъ всѣ стремленія образованности.

Въ Хлудовскомъ собраніи есть что разсматривать, что изучать, и потому нельзя не порадоваться, что за трудъ описанія этого собранія взялся такой знатокъ научныхъ нуждъ, каковъ А. Н. Поповъ.

Въ общемъ распредѣленіи рукописей подлежававшихъ его обзору онъ принялъ тотъ же порядокъ, какъ Ундольскій и затѣмъ А. В.

Горскій съ К. И. Невоструевымъ въ описаніи рукописей Синодальныхъ: онъ распредѣлитъ ихъ по ихъ содержанію. Имъ принято восемь главныхъ отдѣловъ: I. Священное писаніе, II. Толкованіе св. писанія, III. Творенія св. отцевъ, догматическія, учительныя и полемическія, IV. Каноническое право, V. Разныя богословскія сочиненія, VI. Богослужебныя книги, VII. Церковноисторическія и литературныя сочиненія, VIII. Полемическія сочиненія въ пользу и въ опроверженіе раскола въ Русской церкви. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ принять порядокъ такъ же по содержанію.

При описаніи каждой рукописи, кромѣ обозначенія заглавія, характера и времени его написанія и величины по листамъ, обращено вниманіе на содержаніе—тѣмъ подробнѣе, чѣмъ оно своеобразнѣе или чѣмъ менѣе извѣстны книги такого содержанія. При этомъ оглавленіе статей, составляющихъ книгу, передано дословно и буквально по рукописи. Записи и замѣчательныя приписки выписаны всѣ и такъ же буквально. Такъ же выписаны и отрывки изъ рукописей, взятые для показанія языка и правописанія. Изъ нѣкоторыхъ рукописей выписаны цѣликомъ цѣлыя статьи, или неизвѣстныя, или извѣстныя по какому нибудь другому изводу или по неудовлетворительному списку. Нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ снабжены разнотченіями по другимъ спискамъ. Кромѣ всего этого есть еще очень много указаній то на другіе списки статей и книгъ, и на печатныя изданія, то на Греческіе подлинники и на изслѣдованія о статьяхъ и книгахъ: въ этихъ указаніяхъ такъ же, какъ и въ своемъ трудѣ о хронографахъ, А. Н. Поповъ старался сохранять долгъ изслѣдователя, отличающаго нужное отъ излишняго, не терялъ напрасно словъ, не щеголялъ бесполезными подробностями, и между тѣмъ всегда былъ готовъ помочь любознательному читателю не только указаніями, но и разслѣдованіями.

Книга А. Н. Попова, посвященная Хлудовскому собранію рукописей, важна не только для ознакомленія съ этими рукописями, но и вообще какъ пособіе для изученія юго-Славянской и Русской письменности.

Считаю не бесполезнымъ сдѣлать перечень важнѣйшихъ изъ выписокъ, сообщенныхъ въ книгѣ:

— № 13. XIV в. Блаженнаго оучителя нашего *Константина философа слово*: прогласиѣ стаго кѣлиа. яко же пррци прорекли соуть прѣже. (стр. 12—14: срав. въ Изв. VII 145).

— № 162. XIV в. *Чтеніе дѣтства Іс Хв а*: Азъ Ѳома Ісѣтънинъ избраниѣ възвѣстихъ вамъ всѣмъ (стр. 320—325).

— Слово ѿ бѣговѣщеніи рождѣства мѣка Хѣа Димитриѣ: Въ ѿни дни прѣстоующоу Маѣймиѣноу въ славнѣмъ градѣ Солоунѣ (стр. 327—331).

— Мѣник стго и славнаго великомѣника Хѣа Гоѡргіа Въ ѿни дни ѡбластоующоу безакѡнному цроу Дадидѣноу (стр. 3311—339).

— Слово стго Іѡанна бгослова: По възнесеніи гѣ нашего Іѣ Хѣ азъ Іѡанъ вышѣпоу мѣ на гороу Ѡаворскую (стр. 339 — 344: ср. *Н. С. Тихонравова* Памятники отречен. литературы: II: 174—192, и мое изданіе Памятниковъ юсоваго письма: 406—416).

— № 176. Акаѣстѣ Алексѣю челоѡѣкоу божѣму XVIII в. *предсловіе ко блжчестіѡмѣ читѣтелю Алексѣа Петровичю Всерѡсѣйскомѣ* (стр. 352—356).

— № 178. *Святцы съ мѣтописью* XVII в. Изъ этой рукописи выписаны богѣ важныя хронологическія замѣтки и привносныя въ святцы статьи, именно: — о *Арсеніи* Коневскомѣ, о *Людмилѣ* Сербской, о *Константинѣ* философѣ, обѣ *Іѡанѣ* Рыльскомѣ (стр. 356), обѣ архистратигѣ *Михаилѣ* (стр. 357), о *Василии* великомѣ (стр. 357—358), о *Сильвестрѣ* папѣ, о *Геннадіи* Люблиградскомѣ, о *Кириллѣ* философѣ (стр. 358), о *Василии* Римлянинѣ (стр. 358—360).

— № 187. *Прологъ* 1262 г.: — О убіеніи князя *Гмѣа* (стр. 375); о *Аморосіи* Медіолянскомѣ (стр. 376).

— № 188. *Прологъ* 1370: — О св. мученикѣ *Юношѣ* (стр. 377).

— № 189. *Прологъ* обоихъ полугодіѣ XIV в.: — О убіеніи кн. *Гмѣа* (стр. 378), о кн. *Мстиславѣ* *Теодорѣ* (стр. 378).

— № 195. *Торжественникъ* XIV в.: — Слово хвальнѣ Іѡанну Крестителю *Кмимента* *еп. Величкаго* (стр. 388—392), записъ *Іѡанна* пресвитера о переводѣ житіѣ Антоніѣ вел. (стр. 393), житіѣ *Макаріѣ* Римлянина (стр. 396—404), *Паромѣомѣна* *Гереміи* (стр. 406—413), *Видѣніѣ* пророка *Исаи* (стр. 414—419).

— № 198. *Житіѣ* *прп. Александра Ошевенскаго*: — выписки изъ него (стр. 431—434).

— № 215. *Сказаніѣ о чудесахъ* *Николая Чудотворца* XIV вѣка: выписки изъ него (стр. 448—454).

Всего этого, мнѣ кажется, достаточно, чтобы убѣдиться въ важности новаго труда А. Н. Попова, равно какъ и въ важности Хлудовскаго собраніѣ Славянскихъ рукописей.

Остается желать, чтобы почтенный собиратель рукописей, умѣвѣннѣй привлечь А. Н. Попова къ этому труду, нашедѣ возможность

дополнить изданіе Описанія рукописей изданіемъ дополнительной книги «Памятниковъ изъ рукописей Хлудовскаго собранія» и «Сборника палеографическихъ снимковъ съ важнѣйшихъ изъ рукописей Хлудовскаго собранія».

Отъ имени всѣхъ сочувствующихъ успѣхамъ Русской научной дѣятельности и просвѣщенію можно сказать, что обѣ эти книги заслужать ихъ общую признательность.

Не могу при этомъ не выразить еще желанія, чтобы А. И. Хлудовъ сдѣлалъ свое собраніе доступнымъ для изслѣдователей, какъ дѣлали это всѣ собиратели, озаренные свѣтомъ любви къ наукѣ и къ отечеству *).

*) На дняхъ я слышалъ отъ одного изъ Москвичей, что собраніе А. И. Хлудова не только не закрыто для изслѣдователей, но совершенно доступно. *Приниска при поправкѣ набора 5 ноября 1872 г.*

ОДНА ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ОБЪ ОБРАЗОВАНИИ СЛОВЪ.

ИПАТЬЕВСКИЙ = ИПАТСКИЙ.

И. И. Срезневскаго.

Троицкій Костромской монастырь, особенно памятный тѣмъ, что въ немъ жилъ до призванія на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, и что въ немъ найденъ одинъ изъ важнѣйшихъ списковъ древней Русской лѣтописи съ Кіевскимъ и Галицкимъ ея продолженіемъ, называется обыкновенно Ипатьевскимъ — по имени священномученика, во славу котораго, вѣроятно, построена была въ немъ одна изъ древнѣйшихъ церквей. Такъ, между прочимъ называли его издавна и называютъ теперь наши писатели, духовные и свѣтскіе, составители дѣловыхъ бумагъ — всѣ сколько нибудь образованные люди, и пр. Такъ Ипатьевскою лѣтописью названъ былъ и списокъ лѣтописи, въ монастырѣ найденный. По имени того же святаго, но нѣсколько иначе, Ипатскимъ, а не Ипатьевскимъ, тотъ же монастырь называемъ былъ въ старину, въ XVI, въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ: въ 1587 году царскою грамотой пожалованы были разные земли въ Ипатцкой монастырь; въ 1589 году данъ указъ о подати съ Ипатцкого монастыря; въ 1604 г. дана грамота по челобитью игумена и братъи Ипатцкаго монастыря; въ 1605 г. дана грамота на рыбныя ловли Ипатцкого монастыря, что были за Ипатскимъ монастыремъ, и наказъ приказамъ Ипатцкого монастыря; въ поручной по Ямскихъ охотникахъ до 1609 и въ разныхъ отпискахъ 1609 г. монастырь названъ такъ же Ипатцкимъ = Ипатскимъ; въ грамотахъ, относящихся къ избранію на царство Михаила Ѳеодоровича, читаемъ объ Ипатскомъ или Ипатцкомъ монастырѣ живоначальные Троицы и о лаврѣ Ипатцкого монастыря; такъ и въ грамотахъ 1614, 1623, 1650, 1689, 1698;

такъ и въ синодалныхъ указахъ времени Петра Великаго и пр. и пр. Въ слѣдствіе частаго употребленія въ старинномъ языкѣ слова Ипатскій въ приложеніи къ монастырю, употреблено это слово и въ приложеніи къ помянутой лѣтописи въ ея новомъ изданіи.

Не случайно въ старину назывался монастырь Ипатскимъ, не случайно и теперь называется Ипатьевскимъ: отъ имени Ипатъ произошелъ первый видъ прилагательнаго, отъ имени Ипатій — второй.

Что имя Ипатій могло быть употреблено вмѣсто Ипатъ, предполагая, что второе правильнѣе, это подтверждается употребленіемъ Климентій вм. Климентъ, Самсоній вм. Сампсонъ, Юліаній вм. Юліанъ и пр. Этого однако не было: имя Ипатій — Ὑπάτιος, Нуратіусъ въ Греческомъ кругѣ собственныхъ именъ, изъ котораго перешло и въ нашъ, было довольно обычно. Имя Ипатія носили четыре савовника IV—V вѣка ¹⁾, два V—VI вѣка ²⁾ и т. д. Въ ликѣ св. мучениковъ извѣстны: Ипатій Трипольскій I-го в., Ипатій Византійскій III в., Ипатій Гангрскій и Ипатій Персидскій IV в., Ипатій Синайскій V в., Ипатій Ефесскій VIII в. ³⁾. Носящіе имя Ипатія празднуютъ свои именины въ одинъ изъ слѣдующихъ дней: 14 января, 31 марта, 3 и 18 іюня, 28 августа, 21 сентября, 20 ноября ⁴⁾.

Слово Ипатъ, очевидно равносильное Греческому Ὑπάτος, употреблялось въ нашей древней и старинной письменности въ томъ же значеніи, какъ въ Греческой христіанской и до-христіанской жизни, т. е. какъ равносильное по значенію съ Латинскимъ словомъ Consul. Какъ нарицательное имя важнаго сана, въ Греческомъ оно было необходимо; какъ не могшее имѣть соотвѣтственнаго себѣ Славянскаго слова, оно оставлялось у насъ безъ перевода. Имени собственнаго Ὑπάτος у Грековъ не было, — и потому напрасно его искать и въ Греческихъ и въ Русскихъ календаряхъ. Если бы оно и встрѣтилось въ какомъ нибудь старомъ рукописномъ календарѣ нашемъ, то не иначе какъ вмѣсто Ипатій.

Это впрочемъ нисколько не устраняетъ возможности употребленія слова Ипатъ въ живомъ языкѣ Русскомъ, въ Русскомъ про-

¹⁾ Codex Theodos. Prosopographia подъ словомъ Нуратіусъ.

²⁾ Прокоп Кес. Перс. I: 8, 11, 24, Готт. I: 8.

³⁾ Пр. Д. *Вершинская* Мѣсяцословъ: 255—256.

⁴⁾ Полн. христ. мѣсяцословъ. Киевъ. 1863.

сторѣчій; вмѣсто Аврамій употребляется Аврамъ, вмѣсто Антоній—Антонъ, вмѣсто Власій—Власъ, вмѣсто Діонисій—Денисъ, вмѣсто Игнатій—Игнатъ, вмѣсто Макарій—Макаръ, вмѣсто Тарасій—Тарасъ и пр. и пр.—такъ же какъ вмѣсто Іоаннъ—Иванъ, вмѣсто Исидоръ—Сидоръ, вмѣсто Ксенія—Аксинья, вмѣсто Евфиміа—Афимья, и пр.

Отъ этого просторѣчнаго Ипатъ произошло прилагательное Ипатскій, такъ же какъ отъ Антонъ—Антонскій, отъ Ефимъ—Ефимскій, отъ Макаръ—Макарскій и нѣк. другіе.

Отрицать общую правильность образованія слова Ипатскій нельзя. Нельзя только вмѣстѣ съ этимъ и отрицать: 1) что многія собственныя имена на *ій*, въ Греческомъ на *ιος*, не подчинялись въ Русскомъ языкѣ сокращенію окончанія на *ъ*, или же употреблялись въ двухъ видахъ, съ окончаніями на *ій* и на *ъ* (иные на *ь*), и 2) что въ древнемъ языкѣ нашемъ и позже, и доселѣ, прилагательныя имена на *скій* образовывались изъ существительныхъ большею частію не прямо, а изъ первичныхъ прилагательныхъ, на *овъ* и *евъ* или на *имъ*: Дмитръ вм. Дмитрій (Димитрій = Δημήτριος) дало слово Дмитровъ и за тѣмъ Дмитровскій, Юрій вм. Георгій (Γεώργιος) дало слово Юрьевъ и потомъ Юрьевскій, Марія дало слово Маріинъ и потомъ Маріинскій и т. д.

Изъ именъ на *ій*, Греч. *ιος*, удерживали это окончаніе, и сокращали въ *ъ*, или въ *ь*, между прочимъ слѣдующія: Аврамій=Аврамъ, Анастасій=Анастасъ=Настасъ, Антоній=Антонъ=Онтонъ, Аркадій=Аркадъ, Аеанасій=Офанасій=Афанасъ, Василій=Василь-Власій=Власъ, Димитрій=Дмитрій=Дмитръй=Митрій=Дмитръ, Діонисій=Девисей=Денисъ, Евтихій=Евтухъ, Евфимій=Ефимій=Ефимъ, Игнатій=Игнатъ, Исакій=Исакъ, Корнилій=Корниль, Леонтій=Левонтій=Леонтъ, Макарій=Макаръ, Панкратій=Панкратъ, Пахомій=Пахомъ, Прокопій=Прокофій=Прокопъ, Тарасій=Тарасъ, Θεодосій=Θεδοςΐй=Θεδосъ.

Изъ именъ на *ій* удерживавшихъ постоянно это окончаніе можно вспомнить болѣе обычныя и чаще встрѣчающія въ памятникахъ: Алексій=Алексѣй=Олексѣй, Арсеній, Георгій=Гюргій=Юрій, Зиновій, Лаврентій, Патрикій=Патрикѣй, Сергій=Сергѣй, Терентій, Фотій. Рядомъ съ этими можно поставить очень много другихъ менѣе обычныхъ.

Имя Ипатій по памятникамъ надобно отнести къ числу послѣднихъ. Ни разу, сколько я знаю, Ипатій не названъ Ипатомъ. Въ древнѣйшемъ лѣтописномъ упоминаніи объ обители или церкви у

Костромы, относящемся къ 1436 г., читаемъ о мысѣ у св. Ипатія ¹⁾; въ древнѣйшей изъ сохранившихся грамотъ этого монастыря, относящейся къ 1442 г., упомянуто о перевозѣ подъ Елпатіемъ, по неразумію вм. Ипатіемъ ²⁾; по тому же неразумію Евпатіемъ названъ святой покровитель монастыря и въ царской грамотѣ 1565 г. ³⁾; въ написяхъ на колоколахъ монастырскихъ 1603 и 1647 гг. означено имя чудотворца Ипатія ⁴⁾. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ подъ

¹⁾ «Князь велики поиде на Кострому на князя Василья, и ста на мысѣу святого Ипатія, и не лѣѣ (бѣе = бѣ) имѣ битися о рѣцѣ Костромѣ, и взяша миръ». *Соб. гр.* изд. Строева. II: 13. Ср. *Воскрес. лѣт.* въ Полн. Собр. Лѣт. VIII: 99: «у св. Ипатія межѣ Волгы и Костромы». Такъ и въ *Ник. лѣт.* V: 119.

²⁾ Вотъ эта грамота:

«Отъ великого князя Василья Васильевича на Кострому Градку Ларивонову. Бялѣ ми челомъ Еупатьева монастыря игуменъ Θεогностъ, а сказываетъ что возятъ на рѣкѣ Костромѣ выше Ипатъева монастыря и ниже градскіе люди Костромичи (и) проѣзжіе всякіе люди, и тотъ перевозъ данъ въ Ипатъевъ монастырь на темьянъ. И ты бы князь велѣлъ возити градскимъ людямъ Костромическимъ и всякимъ людямъ проѣзжимъ на рѣкѣ на Костромѣ подъ Елпатіемъ, а выше Ипатконого монастыря и ниже волити бы ся еси не велѣлъ никому, писана лѣта 5200».

«По от ца моего грамоты великого князя князь великии Иванъ пожаловалъ Елпатъевского игумена Θεогнаста по семъ грамотѣ, и велѣлъ подписати князь Иванъ Юрьевичу, а подписалъ Θεодоръ дьякъ».

³⁾ Въ этой грамотѣ между прочимъ читаемъ:

«Бигъ намъ челомъ съ Костромы отъ живоначальныя Троицы Еупатьева мря игуменъ Васьянъ съ братъею, и сказываетъ что де на рѣкѣ на Костромѣ подъ Еупатьевымъ мремъ перевозъ, а пожаловалъ деи тѣмъ перевозомъ къ Еупатью стому на темьянъ прадѣдъ нашъ кн. вел. Василій Васильевичъ, а опричь де ихъ мрскаго перевоза на р. на Костромѣ иного перевозу не было, а нынѣ де на р. Костромѣ выше и ниже ихъ мрскаго перевозу перевозятся... Да положилъ передъ нами игуменъ в. к. Василья Васильевича грамоту, и въ грамотѣ написано, что перевозъ на р. Костромѣ далъ на темьянъ въ Еупатьевъ мръ по челобитью Еупатьевского игумена Θεогноста, и Костромичемъ городскимъ и всякимъ проѣзжимъ людямъ на р. на Костромѣ велѣно перевозитися на мрскомъ перевозѣ подъ Еупатьевымъ мремъ, а опричь того перевозу выше и ниже перевозитися не велѣно ни кому. Икакъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бы велѣлъ на Костромѣ въ торгу кликати не по одинъ день чтобъ опричь мрскаго перевозу на р. на Костромѣ судовъ не держали... а перевозились бы подъ Еупатьевымъ мремъ... а которые люди учнутъ послушати... и ты бы у тѣхъ людей суды ималъ на меня царя... а ихъ давалъ на поруки, а за поруками срочилъ имѣ стати передъ нами... Писанъ на Москвѣ лѣта 708 апрѣля въ 1 днь».

⁴⁾ *П. Островскаю*. — Историко-стат. описаніе Костром. Ипатіевск. монастыря: стр. 11—12. На колоколѣ вклада Ивана Ивановича Годунова читается: Лѣта 1603 при державѣ царствія Россійскаго благовѣрнаго государя царя і великаго

1183, 1396, 1417 и 1547 гг. упоминается о церквахъ св. Ипатія, и вездѣ тутъ удержано имя Ипатія, или по неразумію передѣлано въ Еупатія и Елпатія. Во Владимірѣ была такъ же церковь Еупатія, и сгорѣла въ 1213 году. Въ древнихъ нашихъ календаряхъ, гдѣ очень часто написаны имена по простому народному выговору, имя Ипатія или удерживается, или такъ же измѣняется какъ въ извѣстіяхъ о церквахъ: такъ въ Обиходѣ XIII вѣка подъ 17 и 18 ч. іюня поставлено имя Упатія; такъ и въ Прологѣ XIII в. подъ 14 ч. ноября означено оуспенникъ с. Оупатія чудотворца; въ Прологахъ XIV в. подъ этимъ же числомъ стоитъ ІЕоупатія, такъ же какъ въ Кондакарѣ XII в. и въ Обиходѣ XIII в. подъ 16 ч. ноября и пр. Евпатіемъ же вмѣсто Ипатія названъ Черниговскій бояринъ Коловратъ, о котораго храбрости и смерти въ Костромской лѣтописи есть цѣлое сказаніе подъ 1237 годомъ.

Отъ имени Ипатій (Евпатій, Елпатій) правильно и легко произведено могло быть прилагательное Ипатьевъ (Евпатьевъ, Елпатьевъ), такъ же какъ Алексѣевъ, Арсеньевъ, Афанасьевъ, Васильевъ, Дмитріевъ, Зиновьевъ, Игнатьевъ, Леонтьевъ, Прокопьевъ, Сергѣевъ, Юрьевъ и пр. и пр. По этому и Костромской монастырь названъ въ грамотѣ 1442 г. Ипатьевымъ (Ипатьевъ монастырь, выше Ипатьева монастыря), и Еупатьевымъ (Еупатьева монастыря игумень Θεογνωστός), а въ грамотѣ 1565 г. Еупатьевымъ (подъ Еупатьевымъ монастыремъ). Козьма Ипатьевъ сынъ сдѣлалъ инокомъ подъ пменемъ Корнилія до 1588 г. (Юр. Ак. 1411); подъ грамотою объ избраніи царемъ Михаила Ѳеодоровича подписался въ числѣ дру-

князя Бориса Ѳеодоровича всея Руси: слить колоколъ по приказу Івана Ивановича Годунова по отце государе своемъ по Иванѣ Васильевиче Інокѣ скимнике Іосиее въ домъ живоначальной Троицы і великаго чудотворца Іпатія. На колоколѣ вклада Алексѣя Никитича Годунова и дяди его Василія Стрѣшневна читается: «Лѣта 1647 мѣсяца сентября въ 20 день при державѣ царствія Російскаго благовѣрнаго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси самодержца и по его царскому указу и по грамотѣ въ домъ живоначальной Троицы въ Іпатской монастырь апостола Філіппа и чудотворца Іпатія по приказу стольника Алексѣя Микитича Годунова да дядя его бояринъ Василей Ивановичъ Стрѣшневъ продать племянника своего Олексѣву вотчину село Семеновское въ домъ живоначальной Троицы по немъ Олексѣе и по его отцѣ і по матери і по родителехъ і в вѣковѣчную поминку при архимандритѣ Сергі з братьемо а за тое его вотчину монастырскою казною слить сі колоколъ (600 пуд.), а колоколъ вынулъ по государеву указу колокольный государевъ мастеръ Данило Матѣевъ. Въ этихъ написяхъ издатель, очевидно, сдѣлалъ кое какія перемѣны, напр. поставилъ Арабскія цифры вмѣсто Греческихъ. Здѣсь онѣ удержаны.

гихъ стольникъ Кон. Ѳед. Ипатьевъ; въ концѣ XVIII вѣка былъ подъячимъ Иванъ Ипатьевъ (Пам. дипл. сн. IX. 677 — 694); въ началѣ XVIII в. былъ учителемъ и поддьякомъ въ Рязани Тимоѳей Ипатьевъ (см. рукопись Импер. Публичной библіотеки изъ Толст. II: 380). Есть и теперь родъ Ипатьевыхъ, получившій имя отъ предка своего Ипатія, и родъ Елпатьевыхъ отъ предка, имя котораго измѣнено мѣстнымъ выговоромъ въ Елпатія. Есть село Елпатьево въ Переяславскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи (С. н. м. VI. 144); есть деревня Елпатьевка въ Гдовскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи (С. н. м. XXXVII. 57).

Отъ имени прилагательнаго Ипатьевъ легко и правильно могло произойти и вторичнаго образованія имя Ипатьевскій, такъ же какъ Алексѣевскій, Васильевскій, Сергіевскій, Юрьевскій и пр. и пр. Въ Межевой грамотѣ 1564 года помянуто село Елпатьевское. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи есть село Ипатьевское (С. н. м. VII. 257). Въ Адресныхъ календаряхъ встрѣчаются чиновники по родовому имени Елпатьевскіе.

Очень естественно было тѣмъ, которые не были знакомы со стариннымъ названіемъ Костромскаго монастыря, или которымъ это названіе почему нибудь могло не нравиться, по требованію простаго чутья, назвать монастырь Ипатьевскимъ — такъ же какъ другіе монастыри названы: Алексѣевскимъ, Авраамьевскимъ, Антоніевскимъ, Аркадьевскимъ, Васильевскимъ, Макарьевскимъ, Сергіевскимъ, Ѳеодосіевскимъ и т. д. Естественно было этому названію и утвердиться, какъ и сдѣлалось это наконецъ въ самомъ монастырѣ, въ епархіи, въ Синодѣ и всюду. Естественно было и Карамзину и Археографической Коммисіи назвать Ипатьевскою лѣтопись, найденную въ Ипатьевскомъ монастырѣ, хотя и Карамзинъ и члены Археогр. Коммисіи встрѣчали въ грамотахъ слово Ипатскій.

Возвратимся ли мы опять къ старинному, не древнему названію монастыря и всего къ нему относящагося не въ одиночныхъ попыткахъ, а безъ исключенія — это покажетъ время.

НѢСКОЛЬКО ПРИПОМИНАНІЙ О СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ XI ВѢКА.

И. И. Срезневскаго.

Мартовская минея четія, вѣроятно часть большаго сборника житій святыхъ и поученій на праздники цѣлаго года, извѣстная подъ названіемъ Супрасльскаго рукописи, до 1825-го года хранилась въ библіотекѣ Супрасльскаго Греко-уніатскаго монастыря (что близъ Бѣлостока) до тѣхъ поръ, пока не обратилъ на нее вниманія патеръ Михайлъ Бобровскій. Въ мартѣ 1825-го года почтенный патеръ прислалъ при письмѣ къ П. И. Кеппену, издававшему въ то время Библіографическіе листы, описаніе этой рукописи и небольшой снимокъ. То и другое передано было А. Х. Востокову и послужило источникомъ описанія и разбора ея, помѣщеннаго въ Библ. лл. № 14 стр. 189—200). Востоковъ отнесъ ее къ XI вѣку, готовъ былъ заняться ею съ полною подробностью, просилъ патера Бобровскаго о сообщеніи выписокъ; но получилъ, кромѣ дополненій къ описанію (Библ. лл. № 36: стр. 533—537), очень немного. Приговоръ Востокова привлекъ къ Супрасльскаго рукописи вниманіе графа Румянцова, который даже выразилъ готовность ее издать (см. письмо его къ Востокову отъ 2 іюня 1825), привлекъ, вѣроятно, вниманіе и другихъ; но печатныя свѣдѣнія о ней ограничились тѣмъ, что высказано было Востоковымъ — на долго, до 1851 г. Тогда вышло въ Вѣнѣ ея полное изданіе, приготовленное проф. Ф. Миклошичемъ подъ названіемъ: *Monumenta linguae Palaeo-Slovenicae e codice Suprasliensi*. Какъ могъ это сдѣлать почтенный Миклошичъ объясняется его предисловіемъ, и еще болѣе перепискою Востокова съ В. Копитаромъ. Отыскавъ въ библіотекѣ графа Клоца нѣсколько листовъ древней глаголической рукописи и приготовляя ихъ къ изданію, какъ одинъ изъ

древнѣйшихъ памятниковъ Славянскаго письма и языка, Копитаръ, въ письмѣ отъ 26 сент. 1830 г., обратился къ Востокову съ просьбою сообщить ему въ вѣрномъ списокѣ съ древнѣйшихъ рукописей статьи, находящіяся въ глагол. рукописи. Востоковъ, въ своемъ отвѣтѣ (14 дек. 1830), въ слѣдъ за объясненіемъ посылаемыхъ выписокъ, обратилъ вниманіе Копитара на Супрасльскую рукопись, указавъ на ея сходство по содержанію съ тѣмъ, что помѣщено въ глаголической, и на свое описаніе въ Библиогр. листахъ. Копитаръ не замедлилъ писать Бобровскому, но долго ждалъ отвѣта напрасно, и опять обратился съ просьбою къ Востокову (въ письмѣ отъ 9 мая 1831 г. и потомъ въ письмѣ отъ 1 октября 1831 г.). Востоковъ написалъ Бобровскому разъ (въ маѣ 1831), увѣдомивъ объ этомъ Копитара (въ октябрѣ 1831), и потомъ въ другой разъ, прося Бобровскаго о сообщеніи Копитару выписокъ изъ Супрасльской рукописи (въ окт. 1831). На это второе письмо Востокова Бобровскій отвѣчалъ (5 ноября 1831) сообщеніемъ, что онъ взялъ рукопись изъ монастыря, и обѣщаніемъ списать что нужно для Копитара и прислать въ Петербургъ. Прислано ли что имъ было въ Петербургъ, изъ переписки Востокова не видно; а изъ того, что сообщено Миклошичемъ въ предисловіи, узнаемъ, что въ руки Копитара дошла вся рукопись, какъ ясно изъ того, что самъ онъ сдѣлалъ съ нее полный списокъ, которымъ и воспользовался Миклошичъ, и что въ рукахъ Копитара осталось 118 лл. подлинника, которые, по его смерти, вмѣстѣ съ другими рукописями, перешли въ бібліотеку Люблянскаго лицея. Такъ страннымъ образомъ часть рукописи осталась отчужденною отъ Супрасльскаго монастыря, да и остальные 167 листовъ, какъ оказалось, не были возвращены монастырю. Гдѣ были эти листы, или по крайней мѣрѣ, часть ихъ, оставалось неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ, пока не сообщилъ о нихъ свѣдѣнія А. Θ. Бычковъ въ концѣ 1856 (Извѣстія 2-го Отд. Академіи. V: 335—336). Отъ г. Стрѣльбицкаго получилъ онъ двѣ тетради рукописи (17-ю и 18-ю = лл. 119—134) и извѣстіе, что нѣсколько тетрадей оставлено имъ въ помѣстьи, а еще нѣсколько, три или четыре, взяты у него однимъ Галицкимъ ученымъ. Двѣ означенныя тетради остались у А. Θ. Быčkova (ими я и воспользовался въ Древ. пам. юсов. письма: стр. 235—240); а куда дѣлись другія, оставалось неизвѣстно. Свѣдѣніе П. А. Лавровскаго о тетрадяхъ изъ этой рукописи, найденныхъ г. Паплонскимъ въ бібліотекѣ гр. Замойскаго, рѣшило загадку. Такимъ образомъ оказалось, что три части Супрасльской рукописи находятся въ трехъ

разныхъ мѣстахъ: 118 лл. въ Люблянскомъ лицѣѣ, 16 у А. О. Бычкова, 146 у гр. Замойскаго. Все это вмѣстѣ составляетъ 280 лл. Въ полной рукописи, въ томъ видѣ, какъ она доставлена была Копитару, было 285 лл. *); слѣдовательно гдѣ нибудь еще скрывается 5 лл. Бѣдная рукопись! Жалокъ монастырь, не смогшій сохранить свою драгоцѣнность; достойны сожалѣнія и тѣ изслѣдователи Славянскихъ древностей языка, письма и словесности, которые найдутъ нужнымъ лично ознакомиться съ этимъ памятникомъ!

**Приписка по полученіи Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій
1872 г. № 4.**

Въ неофіціалномъ отдѣлѣ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій, № 4, помѣщена замѣтка И. И. Паплонскаго, открывшаго въ библіотекѣ графа Замойскаго часть Супрасльској рукописи, объ этой рукописи вообще и о той части ея, которую онъ нашелъ въ означенной библіотекѣ. Въ Замѣткѣ повторено, что въ этой библіотекѣ находится 146 лл., составляющихъ 19 тетрадей, къ сожалѣнію безъ означенія, чѣмъ оканчивается эта часть рукописи. При этомъ сдѣлана ошибка, что въ Люблянѣ находится 18 тетрадей: ихъ тамъ не 18, а 16 (держась перече́та, сообщеннаго пр. Миклошичемъ), и въ нихъ то (по этому перече́ту) и должно быть 118 лл. Тетради 17 и 18 = 16 лл. находятся у А. О. Бычкова; 19-ть (какъ отмѣчено г. Паплонскимъ) = 146 лл. у г. Замойскаго. Все вмѣстѣ составляетъ 37 тетрадей, именно столько, сколько перече́тено проф. Миклошичемъ, но только 280 лл., а не 285, какъ отмѣчено тѣмъ же Миклошичемъ. Все таки, значить, не достае́тъ 5 лл. Г. Паплонскій, пользуясь подлинникомъ, можетъ всѣхъ легче отмѣтити, какихъ именно листовъ нѣтъ пока на виду. *13 ноября 1872 г.*

*) Пр. Миклошичъ сообщилъ перече́тъ и по листамъ, отмѣтя, что у Копитара было подлинныхъ 118 лл., а переписано 167, и по тетрадямъ, изъ которыхъ 30 было полныхъ (= 240 лл.), а 70 (I, III, VI, XI, XII, XVI, XXXVII) не полныхъ (во всѣхъ семи 145 листовъ).

К. И. НЕВОСТРУЕВЪ.

Записка Академика Н. Н. Срезневскаго.

Прошедшаго 29-го ноября скончался членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ К. И. Невоструевъ.

Два главные труда его: Описание Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки и изданіе Слова св. Ипполита о Христѣ и Антихристѣ съ разными примѣчаніями—всѣмъ намъ извѣстны. Первый изъ нихъ, исполнявшійся имъ совмѣстно съ А. В. Горскимъ, былъ удостоенъ первой Ломоносовской преміи; второй награжденъ Уваровскою премією.

Кромѣ тѣхъ памятниковъ, которыхъ рассмотрѣнію дано мѣсто въ этихъ двухъ книгахъ, Невоструевъ сдѣлалъ извѣстными и еще нѣсколько другихъ: Поученіе св. Алексѣя (1861); Древнія русскія поученія (1862, 1866); Житія св. Іосифа Волоколамскаго (1863, 1866); Служебникъ патр. Іова (1870) и др. Одни изъ этихъ памятниковъ внимательно рассмотрѣны, другіе изданы. Изъ особенныхъ научныхъ изслѣдованій изданы имъ очень немногія: главное изъ нихъ заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе вопроса о древнемъ переводѣ Евангелія на Славянскій языкъ *).

Послѣ Невоструева осталось нѣсколько трудовъ неизданныхъ. Одинъ очень давній. Въ 1858 году II-е Отдѣленіе Академіи ходатайствовало у митрополита Филарета о доставленіи на время книги Евангельскихъ чтеній, извѣстной подъ названіемъ Мстисла-

*) Въ только что полученной 21-й книгѣ «Записокъ Югославянской Академіи» помѣщено очень любопытное изслѣдованіе К. И. Невоструева о православіи въ Чешской землѣ (стр. 184—169), а въ 4-й книгѣ «Стариня», издаваемыхъ тою же Академіей, дано мѣсто одному изъ памятниковъ, имъ сообщенныхъ.

вова Евангелія. Митрополитъ Филаретъ не рѣшился ввѣрить эту книгу, какъ напрестольную, почтовому вѣдомству для пересылки въ Петербургъ, а общалъ вмѣсто этого доставить снимки и подробное описаніе. Трудъ описанія былъ порученъ имъ К. И. Невоструеву и хоть не скоро, но былъ имъ исполненъ. Это былъ не выборъ сырого матеріала, а вполне законченное изслѣдовательное описаніе памятника, такое подробное и обширное, какого до-сихъ поръ нѣтъ ни для одного памятника (въ печати оно заняло бы около 40 печатныхъ листовъ). Такой трудъ, изъ уваженія къ его значенію и къ потрудившемуся изслѣдователю, нельзя было употребить какъ матеріалъ для другаго труда; не пользуясь имъ по рукописи, надобно было его издать, — и Отдѣленіе готово было взяться за это; но Невоструевъ, надѣясь издать его отдѣльно при пособіи митрополита, просилъ возвратить его по минованіи надобности. Отдѣленіе издало только два отрывка изъ него. Получивши свою рукопись обратно, Невоструевъ принялся за передѣлку этого труда, особенно за сличеніе Мстиславова Евангелія съ другимъ Юрьевскимъ, столь же древнимъ, и, сколько извѣстно, окончилъ предпринятую работу. Нельзя не сожалѣть, что это произведеніе трудолюбія и изслѣдовательности осталось неизданнымъ. Оно, не говоря уже о важности содержанія, едва-ли не самый лучший изъ трудовъ К. И. Невоструева.

Другой неизданный трудъ — Произведенія св. Ипполита въ древнемъ Славянскомъ переводѣ съ разными примѣчаніями. Ионъ, кажется, конченъ и предполагенъ къ изданію на иждивеніе Московской духовной Академіи *).

Можетъ быть, есть въ бумагахъ К. И. Невоструева и другіе неизданные труды, по крайней мѣрѣ небольшого размѣра: Невоструевъ любилъ трудиться, трудился постоянно, и не имѣлъ привычки немедлять съ изданіемъ оконченнаго.

Нельзя не предполагать, что и для продолженія Описанія Синодальныхъ рукописей, по крайней мѣрѣ для второй половины 3-го отдѣла (№ 433 и т. д.), заготовлено у Невоструева не мало матеріала **).

*) Такъ по крайней мѣрѣ я понялъ изъ письма ко мнѣ К. И. Невоструева, написаннаго во время отправления въ Академію Наукъ по моему просьбѣ, Чудовскаго списка произведеній Ипполита.

**) Матеріалъ, хотя и очень неравномѣрный, гдѣ болѣе значительный долей быть и для всѣхъ частей Описанія: это видно изъ самого расположенія

Вспоминая объ этомъ трудѣ, нельзя не вспомнить о покойномъ митрополитѣ Филаретѣ. Задумавъ предпринять описаніе рукописей Синодальной библіотеки, онъ не могъ не чувствовать, какъ сильно зависть долженъ успѣхъ дѣла отъ тѣхъ, кому оно будетъ поручено,—и не обманулся въ выборѣ лицъ: такихъ исполнителей, какими показали себя А. В. Горскій и К. И. Невоструевъ, нельзя найти многихъ ни въ одной образованной странѣ Европы.

Одно было не совсѣмъ прочно обдуманно въ устройствѣ коммисіи, которой поручено было дѣло описанія рукописей *). Предположено было, что два избранные лица и начнутъ и кончатъ его, а чтобъ дѣло могло подвигаться скоро, безъ отягощенія силъ сотрудниковъ, имъ даны были временные помощники, смѣнявшіеся довольно скоро, и слѣдовательно неуспѣвавшіе близко ознакомиться съ производствомъ работъ, въ которыхъ участвовали. Что же оказалось? А. В. Горскій, по скопленію разныхъ обязанностей, отвыкся отъ участія въ дѣлѣ по выходѣ въ свѣтъ четвертой книги Описанія; К. И. Невоструевъ, будучи занятъ также не однимъ Описаніемъ, и по разнымъ другимъ причинамъ, между прочимъ, и по медлительности, подвигалъ впередъ работу очень тихо, къ тому же все чаще болѣлъ, и вотъ наконецъ умеръ. Трудъ, такъ великолѣпно начатый, составляющій одно изъ лучшихъ украшеній нашей научной литературы, не доведенъ и до половины. Продолжателя, который бы могъ такъ же трудиться послѣ Невоструева безъ его помощи, какъ трудился Невоструевъ послѣ А. В. Горскаго, нѣтъ. Этого бы не могло быть, еслибъ при самомъ образованіи коммисіи, устроенной для описанія рукописей, вмѣсто временныхъ помощниковъ, поставленныхъ при этомъ въ самое неутѣшительное положеніе, даны были главнымъ сотрудникамъ въ подмогу достойные постоянные помощники, хотя сколько-нибудь обезпеченные. Удаленіе А. В. Горскаго возвысило бы одного изъ нихъ, болѣе достойнаго, въ то положеніе, въ которомъ былъ Невоструевъ при А. В. Горскомъ, а теперь и мѣсто Невоструева

рукописей въ немъ — не по старому порядку, а по совершенно новому, гдѣ каждой рукописи, между прочимъ и сборникамъ, дано мѣсто по содержанію: это могъ я заключить и изъ того, что давно уже слышалъ отъ А. В. Горскаго, сказавшаго мнѣ, что еще до начала печатанія описанія, всѣ рукописи были внимательно осмотрѣны.

*) Трудившіеся надъ описаніемъ рукописей не составили изъ себя коммисіи по названію; но въ сущности это было то, что мы привыкли называть такимъ именемъ.

могло бы быть занято ученымъ, уже привыкшимъ къ труду и опытнымъ.

Что же теперь будетъ съ продолженіемъ Описанія рукописей? Продолжателя достойнаго, на сколько извѣстны труженики для этого годные, выбрать будетъ очень трудно, продолжателя достойнаго, который, обладая ученостью и смышленостью, дорожилъ бы дѣломъ, за которое взялся, какъ дѣломъ чести и совѣсти. О продолжателѣ, который, могъ бы довольствоваться тѣмъ жалкимъ положеніемъ, въ какомъ былъ поставленъ К. И. Невоструевъ, нечего и думать.

Отчаяваться впрочемъ еще не время: мало ли было случаевъ, когда, какъ ни сильна была увѣренность, что для того или для другого дѣла не найдется годнаго дѣлателя, отыскивался такой дѣлатель и часто тамъ, откуда его и не ожидали. Авось-либо для чести Русской научной дѣятельности нашего времени найдется достойный дѣлатель и для дѣла продолженія Описанія Синодальныхъ рукописей. Можетъ быть, тотъ, заботами котораго положено основаніе зданію Описанія, котораго указанія и наставленія оставались постоянно важны въ этомъ дѣлѣ, уже отиѣтилъ лицо, кому бы можно было поручить его.

Будемъ надѣяться, что высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій приметъ близко къ своему Русскому сердцу это важное Русское дѣло, и устроитъ его вновь къ чести Русской науки, не оставивъ его безъ конца, какъ остаются безъ конца нѣкоторыя другія предпріятія (напр. изданіе Византійскихъ историковъ въ Русскомъ переводѣ).

ТРУДЫ П. И. САВВАИТОВА.

Записка Академика Н. Н. Срезневскаго.

Въ кругѣ людей, занимающихся наукой, особенно Русскими древностями, очень немногіе не знаютъ и не уважаютъ П. И. Савваитова, кто самолично, кто по крайней мѣрѣ по слухамъ; но едва ли и въ этомъ необширномъ кругѣ найдутся многіе, которымъ близко знакомы даже и важнѣйшіе изъ его трудовъ, едва ли есть кто близко знакомый со всей его разнообразною дѣятельностію. Думаю по этому, что, по случаю избранія П. И. Савваитова въ число членовъ-корреспондентовъ Академіи, нелишне будетъ представить хоть краткій перечень трудовъ, доселѣ имъ изданныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько біографическихъ данныхъ о немъ.

П. И. Савваитовъ родился въ 1815 году (15 февраля) въ Вологдѣ сыномъ священника, учился въ Вологодской семинаріи, а потомъ съ 1833 года въ С.-Петербургской Духовной Академіи. Въ 1837 году, по окончаніи академическаго курса, причисленъ къ первому разряду академическихъ воспитанниковъ, опредѣленъ бывшею комиссіею Духовныхъ училищъ наставникомъ философіи въ Вологодскую семинарію, и затѣмъ возведенъ въ степень магистра и въ званіе профессора. Тогда ему еще не было 23-хъ лѣтъ. Въ должности наставника философіи въ Вологдѣ онъ оставался пять лѣтъ, исполняя по временамъ обязанности наставника и по другимъ предметамъ, между прочимъ по исторіи и по Еврейскому языку. Въ 1842 году онъ переведенъ въ С.-Петербургскую семинарію профессоромъ патристики, св. писанія, герменевтики и чтенія отцевъ церкви Греческихъ и Латинскихъ, и оставался въ этой должности 25 лѣтъ — все лучшее время жизни, съ 28 года до 53 года жизни. Мы увидимъ, что занятія по этой должности П. И. Савваитова не остались безслѣдными и для нашей литературы.

Не могъ онъ однако ограничить свою дѣятельность одними ими—частью по житейской нуждѣ, частью по любознательности и желанію быть полезнымъ. Такъ онъ слишкомъ четыре года (въ 1853—1858) преподавалъ въ семинаріи статистику Русскаго раскола и занимался обзорѣніемъ сочиненій, какъ раскольническихъ, такъ и написанныхъ противъ нихъ; почти двѣнадцать лѣтъ (въ 1855—1867) былъ бібліотекаремъ семинаріи. Кромѣ того занимался преподаваніемъ Русскаго языка и словесности — въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (въ 1843—1862), въ Комерческомъ училищѣ (въ 1845—1847) и въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (въ 1853—1854) и нѣсколько лѣтъ (въ 1862—1864) былъ наставникомъ-наблюдателемъ по Русской литературѣ въ Павловскомъ корпусѣ и въ 1-мъ Павловскомъ Военномъ училищѣ.

Исполняя преподавательскія обязанности, П. И. Савваитовъ все болѣе предавался и научнымъ трудамъ, между прочимъ собранію и разработкѣ памятниковъ Русской древности и старины. Какъ издавна началось это, узнаёмъ изъ Записокъ современника о Вологдѣ, М. П. Погодина, относящимся къ 1841 г. и напечатаннымъ въ Москвитинѣ 1842 г. — «18 августа: Познакомился съ профессоромъ исторіи Саввантовымъ и получилъ отъ него много извѣстій о матеріалахъ, имъ собранныхъ. Есть очень любопытные, особенно относящіеся до жизни частной, о коей мы знаемъ такъ мало. — 21 августа: былъ у г. Саввантова. Онъ живетъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, священникомъ, и занимаетъ одну маленькую комнату, отъ которой еще отдѣлены три клѣточки. Здѣсь онъ занимается своей философіей и исторіей, но долженъ очищать ее, если къ отцу придетъ какой прихожанинъ *). Кто бы подумалъ, что за сальнымъ огаркомъ, въ захолустьи бѣднаго губернскаго города, въ полуразвалившейся избенкѣ, читается и разбирается Августинъ и Кантъ . . . Г. Савваитовъ показалъ мнѣ свое собраніе. Есть вещи прелюбопытныя.» Это говорится о молодомъ человѣкѣ, которому едва минуло 25 лѣтъ. Въ Вологдѣ П. И. Савваитовъ долженъ былъ ограничивать свою любознательность и страсть собирать и объяснять памятники старины и народности только въ кругѣ того, что представляли мѣстныя средства. Кругозоръ его внимательности и работъ расширился съ переѣзда въ Петербургъ — при помощи и нѣ-

*) Тутъ вкралась неточность въ записку высокоуважаемаго М. П. Погодина: отецъ Іоаннъ Саввантовъ былъ не приходскимъ священникомъ, а кафедральнымъ.

которыхъ изъ его начальниковъ, и еще болѣе при помощи дружбы. Между прочимъ здѣсь сошелся онъ и очень сблизился съ И. П. Сахаровымъ, извѣстнымъ собирателемъ «Сказаній Русскаго народа», постоянно увлеченнымъ всѣмъ, что могъ найти и въ памяти народа и въ старописанныхъ и старопечатныхъ листахъ и книгахъ. Пользуясь по мѣрѣ возможности тѣмъ, что хранилось въ бібліотекахъ общественныхъ и частныхъ, и что доставлялось ему со стороны, съ его родины и изъ другихъ мѣстъ, П. И. Савваитовъ не упускалъ случаевъ и самъ ѣздить. Такъ въ 1846 и 1853 г. онъ былъ посылаемъ начальствомъ для ученыхъ изслѣдованій и обозрѣнія замѣчательнѣйшихъ книгохранилищъ въ губерніяхъ Вологодской, Ярославской, Костромской и Владимирской въ 1858 г. въ Москву для изслѣдованій въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ Вотчинномъ архивѣ (что при Департаментѣ Правительствующаго Сената); нѣсколько разъ выѣзжалъ въ разныя мѣста по своему выбору и по порученіямъ Археологическаго Общества. Болѣе правильно пошли его работы съ тѣхъ поръ, какъ въ 1858 г. онъ былъ избранъ членомъ Археографической Комисіи и позже, съ того времени, какъ онъ вышелъ въ отставку изъ семинаріи и предался исключительно научнымъ занятіямъ.

Литературными работами, если не считать студенческихъ и вообще не напечатанныхъ, П. И. Савваитовъ сталъ заниматься съ 40-хъ годовъ. Въ Москвитянинѣ 1841 и 1842 года появилось нѣсколько работъ его, — первая изъ нихъ (начало ея въ Москвитянинѣ 1841 г. II: 270 —; продолженіе въ Москв. того же 1841 г., III: 3—, и 1842. IV: 251—275) была о Вологодскихъ пѣсняхъ. Сообщение небольшое, но очень замѣчательное, какъ свидѣтельство какихъ взглядовъ на народность, на народную поэзію и на народный языкъ въ это относительно давнее время, когда всѣмъ этимъ занимались еще очень мало и немногіе, и когда понятія обо всемъ этомъ были очень туманны, хотѣлъ держаться молодой профессоръ Вологодской семинаріи. Онъ считалъ необходимымъ удерживать въ переписи пѣсни народный говоръ до мелочи, — и далъ такимъ образомъ довольно полный образецъ Вельскаго народнаго языка, потерявшій и доселѣ своего достоинства. Одинъ изъ первыхъ (если не первый) онъ тутъ же обратилъ вниманіе на неохотность нашихъ селянъ сообщать пѣсни свои для записыванія («вѣдь пѣсня была» — говорятъ обыкновенно — «а мало ли что бываетъ: за иное и въ судъ поведутъ») и на употребленіе слова *былина* («въ Вельскомъ уѣздѣ всѣ рассказы (о старинѣ) называются былинами и расска-

зываются на распѣвъ» *). Въ другихъ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Москвитинѣ, П. И. Савваитовъ сообщилъ не только замѣчанія, любопытныя при изученіи народности, но и нѣкоторыя остатки старины и объясненія на нихъ. Съ того давняго времени доселѣ онъ продолжалъ сообщать въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльно подобныя наблюденія и объясненія относительно народности, старины и древности Русской, исторіи и современнаго положенія разныхъ монастырей, жизни замѣчательныхъ Русскихъ людей и т. п. Въ Москвитинѣ, въ Географическихъ Извѣстіяхъ, въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Археологическ. Общества, въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Академіи, въ Вѣстникѣ Географическаго Общества, въ Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія, въ Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи, въ Кирилло-Мефодіевскомъ сборникѣ, въ Вологодскихъ Епархіальн. вѣдомостяхъ, въ альманахѣ Утро, въ Читеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древностей, въ Русскомъ Архивѣ, въ Русской Старинѣ, помѣщено имъ многое, менѣе или болѣе любопытное и важное. Кое-что не менѣе замѣчательное издано и отдѣльно, и теперь сдѣлалось не доступно для большинства занимающихся. Изъ числа его трудовъ по Русскимъ древностямъ и старинѣ болѣе другихъ замѣчательны его Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія и пр. съ объяснительнымъ указателемъ (1865) и его только что оконченное изданіе доселѣ бывшаго почти совершенно неизвѣстнымъ Путешествія Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка съ разнообразными объясненіями (1872). Эти два труда П. И. Савваитова какъ нельзя яснѣе даютъ знать, съ какою стойкостью и какъ безкорыстно умѣетъ онъ работать на пользу науки.— Говоря о трудахъ П. И. Савваитова по Русской древности и старинѣ, не могу забыть и плодовъ его дѣятельности по званію члена Археографической Комиссіи: имъ изданы три большіе тома Писцовыхъ книгъ, два тома Макаріевской Четивъ минеи и печатается древняя Новгородская лѣтопись.

Всего того, что сдѣлано П. И. Савваитовымъ по Русскимъ древностямъ и старинѣ, слишкомъ достаточно для дѣятельности самаго достойнаго труженика. И однако у него оставалось времени не мало и для трудовъ другого рода.

По званію профессора С.-Петербургской семинаріи П. И. Савваитовъ долженъ былъ съ 1842 г. заняться герменевтикой и

*) Рассказы о старинѣ называются тамъ и былинами и былями.

близкими съ нею отраслями знаній,—и въ 1844 г. уже издалъ свой трудъ: «Библейская герменевтика», трудъ переизданный въ 1857 и потомъ въ 1859 году. Второе изданіе этой книги было принято какъ пособіе, а третье какъ руководство по классу герменевтики въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Нѣсколько другихъ трудовъ меньшаго размѣра по объясненію книгъ св. писанія, исторіи христіанства и т. п. издано было имъ или отдѣльно, или въ такихъ повременныхъ сборникахъ, какъ Духовная Бесѣда, Духъ Христіанина, Странникъ и пр. Къ этому же отдѣлу трудовъ надо отнести и трудъ изданія Новаго Завѣта на Славянскомъ языкѣ съ Греческимъ текстомъ, подобраннымъ изъ разныхъ изданій, гдѣ можно было найти то или другое выраженіе соотвѣтствующее Славянскому переводу, трудъ столько же тяжелый, какъ и невидный, и едва ли не менѣе полезный, чѣмъ бы могло быть изслѣдованіе, для разрѣшенія вопроса: когда, какіе именно списки Новаго Завѣта были въ виду при измѣненіи древняго Славян. перевода. П. И. Савваитовъ принялъ его на себя по желанію А. С. Норова, предпринявшаго изданіе Новаго Завѣта въ такомъ видѣ.

Третій отдѣлъ трудовъ П. И. Савваитова касается зырянскаго языка, употребляемаго, какъ извѣстно, значительною частію народа въ Вологодской губерніи, родинѣ Савваитовыхъ, и изученнаго имъ еще въ юности. Кромѣ нѣсколькихъ книжекъ на зырянскомъ языкѣ для народа, онъ написалъ Грамматику Зырянскаго языка и Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій Словарь (1849). За два послѣдніе труда онъ удостоенъ былъ Демидовской преміи. Нельзя опустить изъ виду, что П. И. Савваитовъ изучилъ этотъ языкъ и представилъ о немъ свои наблюденія не по одному какому нибудь нарѣчію, а по всѣмъ четыремъ главнымъ и по нѣкоторымъ мѣстнымъ говорамъ, и только въ слѣдствіе сравненія нарѣчій и говоромъ порѣшилъ, что всѣхъ важнѣе — нарѣчіе Сысольское. Съ этими главными трудами по зырянскому языку соединяются и нѣсколько малыхъ этнографическихъ и археологическихъ, каковъ напр. о зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о Пермской азбукѣ (въ Трудахъ I-го Археологическаго Съѣзда).

Обширная и разнообразная дѣятельность П. И. Савваитова не могла не вызывать къ нему сочувствіе разныхъ ученыхъ обществъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ очень ревностнымъ членомъ. Не пересчитывая всѣхъ обществъ, въ которыхъ онъ находится членомъ, укажу на его постоянное

участіе въ трудахъ Русскаго Археологическаго Общества: оно и наградило его за услуги, имъ оказанныя, золотомъ медалью.

Въ ряду людей сочувствующихъ дѣятельности П. И. Саввантова, не могу не поставить и себя. Чѣмъ болѣе я узнавалъ его, чѣмъ болѣе случаевъ было мнѣ бесѣдовать съ нимъ о томъ, что и его и меня занимало, тѣмъ потребнѣе было для меня уважать его. Какъ ученый труженикъ онъ приготовленъ къ труду очень разнообразными знаніями и между прочимъ знаніемъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и готовностью трудиться — съ увлеченіемъ, безъ усталости, денно и нощно. При работѣ имъ овладѣваетъ не желаніе скорѣе добратъ до конца начатаго дѣла, а стараніе дойти до полнаго разрѣшенія каждаго частнаго вопроса, до объясненія каждой мелочи. Время для него при этихъ развѣдкахъ какъ будто не существуетъ: онъ не въ силахъ спѣшить и рассчитывать ни недѣли, ни мѣсяцы, ни годы. Не существуетъ для него при этомъ и усталость отъ хлопотъ: занятый какою-нибудь трудностью, представившеюся ему въ работѣ, онъ не полѣнится перебивать въ разныхъ библіотекахъ, архивахъ, кабинетахъ и у разныхъ лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и написать нѣсколько писемъ; онъ успокоится тогда только, когда дѣло покажется ему яснымъ, разрѣшеніе трудности удовлетворительнымъ, или же невозможнымъ. Черта завидная, встрѣчающаяся въ труженикахъ всякаго рода не очень часто.

Ни труды, ни лѣта не наложили на П. И. Саввантова своего тяжелаго знака: съ юношескимъ рвеніемъ и со стойкостью чело-вѣка характернаго, онъ продолжаетъ работать, и Богъ дастъ успѣетъ вложить еще не мало вкладовъ въ научную литературу нашу, не очень богатую такими самоотверженными тружениками.

СПИСОКЪ ТРУДОВЪ П. И. САВВАИТОВА.

I. Отдѣльными изданіями.

Библейская герменевтика. 1 изд. 1844; 2 изд. 1857; 3 изд. 1859.

Описаніе Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря. 1844.

Описаніе Велико-Устюжскаго Архангельскаго и приписнаго къ нему Троицкаго Гледенскаго монастырей. 1848.

Грамматика Зырянскаго языка. 1849.

Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій словарь. 1849.

Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря и приписной къ нему Дѣдовской Троицкой пустыни. 1850.

Взятіе Анапы эскадрою Черноморскаго флота въ 1807 году. 1851.

- Святѣй Климентъ, епископъ Римскій. Патрологическій опытъ. 1852.
 Адмиралъ, Сенаторъ Семенъ Аванасьевичъ Пустопкинъ. Жизнеописаніе. 185.
 Описаніе Семигородной Успенской пустыни и упраздненнаго Катромскаго
 Николаевскаго монастыря. 1 изд. 1856; 2 изд. 1870.
 Описаніе Вологодскаго Спасо-Каменскаго Духова монастыря. 1860.
 Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ
 и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей Архива Московской Ору-
 жейной Палаты, съ объяснительнымъ указателемъ и съ двѣнадцатью
 таблицами рисунковъ. 1865.
 Преосвященный Амвросій Орнатскій, епископъ Пензенскій и Саратовскій.
 Біографическій и бібліографическій очеркъ. 1869.
 Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ
 12-го столѣтія. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. 1872.

Изданія Археографической Коммисіи.

Новгородскія писцовыя книги :

Томы I и II. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г.
 1859—1862.

Томъ III. Переписная оброчная книга Вотьской пятины (первые 12 л.).

Лѣтопись занятій Археографической Коммисіи. 1864 года. Вып. 3.

Великія Миней Четы :

Сентябрь, дни 1—13. 1868 г.

дни 14—24. 1869 г.

Сказанія о Русскихъ и Славянскихъ Святыхъ, извлеченныя изъ Великихъ
 Миней Четинхъ. Часть I. 1868.

Изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Записки Императорскаго Археологическаго Общества. Т. XI и XII. СПб. 1865.

Изданія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Возбѣдм кыдзі позјас вічісјны Јен пісјкімъ і кыдзі колѣ пуктыны морт вічісј
 пісјкі. 1845.

Кыл вінајубм јылысј, вісјталѣм Петыр-Павел лунѣ. 1848.

Изданія А. С. Норова.

Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа на Греческомъ и Славянскомъ
 языкахъ :

а) Святѣе Евангеліе. 1861 г.

б) Дѣянія и посланія Апостольскія и Апокалипсисъ. 1866.

Изданія Афонскаго Пантелеимонова монастыря.

Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы. 1 изд. 1869; 2 изд. 1871.

II. Статьи, сообщенія, замѣтки.

- Вологодскія пѣсни (съ примѣчаніями). Москвит. 1841 г. Ч. II. № 3 и Ч. II. № 5.
 Извѣтное челобитіе 1660 года и пѣснь о князѣ Михаилѣ. Ів. 1842. Ч. IV. № 8.
 Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Устьесольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Ів.

Двѣ грамоты по дѣлу святѣйшаго Никона, патриарха Всероссійскаго. Ib. Ч. V. № 9.

Дорожныя замѣтки отъ Вологды до Устюга. Ib. Ч. VI. № 12.

Свѣдѣнія о нарѣчіяхъ Зырянскаго языка. Географ. Изв. 1848 г. вып. 2.

Три Русскія надписи въ Вологдѣ и Солявычегодскѣ. Зап. Археолог. Общ. СПб. 1851 г. Т. III.

Оружейная палата Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, по описнымъ книгамъ 1668 года. Зап. Отд. Рус. и Слав. Археологін. Т. I. 1851.

Предположенія объ археологической программѣ. Ib. Отд. IV.

Современное извѣстіе о дѣлахъ подѣ Москвою въ сентябрѣ 1611 года. Учен. Зап. Имп. Акад. Наукъ по I и III Отдѣленіямъ. Т. III. вып. 1. 1855.

Извѣстіе объ изданіи источниковъ для каноническаго права Греко-Восточной церкви. Ib.

Матеріалы для біографіи М. М. Сперанскаго. Москвит. 1855 г. № 3. кн. 1.

Нѣсколько примѣчаній къ обзору Русской духовной литературы. Изв. Имп. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов. Т. VI. 1857 г.

Начало и распространеніе христіанства въ предѣлахъ Вологодской епархіи, и Учрежденіе Вологодской епархіи. Вѣсти. Русск. Географ. Общ. 1858. Ч. XXII.

Отчетъ о писцовыхъ книгахъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1858 г. № 11.

О Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1859 г. № 12.

Поручная записъ Вязниковскихъ посадскихъ людей по иконописцѣ Пономаревѣ, 1674 г. Изв. Имп. Археолог. Общ. 1859 г. Т. I.

Урь и шайт. Зырянскія названія копѣйки и рубля. Тамъ же. Т. II. 1861 г.

Церкви и ризница Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, по описнымъ книгамъ 1668 г. Зап. Отд. Русск. и Слав. Археологін. Т. II. 1861 г.

Св. Игнатій Богоносецъ, епископъ Антиохійскій. Дух. Бес. 1860 г. Т. IX.

Объ артосной панагії, хранящейся въ ризницѣ Святодухова монастыря гор. Вологды. Изв. Имп. Архерл. Общ. Т. II. 1861.

Разборъ труда В. И. Дала: «Толковый словарь живаго Великорусскаго языка». Отч. Имп. Рус. Геогр. Общ. за 1862 г. и Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. 1863. Кн. I.

Преподобный Теодосій Тотемскій. Дух. Бес. 1861 г. Томъ XII.

О книгѣ Іова. Ib. 1861 г. Т. XIII.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ (Филип. 2, 5). Ib. 1862 г. Т. XV.

Вологодскіе акты 1500—1684 г. Лѣтоп. занят. Археограф. Ком. Вып. 3.

Акты Спасо-Каменскаго монастыря 1545—1698 года. Ib.

Опись имѣющимъ въ домовотчинной преосв. Серапіона, епископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго жалованнымъ грамотамъ, указамъ и всякимъ крѣпостямъ, и платежнымъ отписямъ, и квитанціямъ и книгамъ 1756 г. Ib.

Чинъ поставленія на великое княжество Димитрія Іоанновича, внука Іоанна III Васильевича. Ib.

Посланіе Константинопольскаго патриарха къ Всероссійскому митрополиту Фотію, о Григоріи Цамвлахѣ. Ib.

Посланіе прота и иноковъ Аeonской горы къ вел. князю Василью Васильевичу, о правовѣрїи Восточной церкви и о суетумудрїи Западной, по случаю Флорентійскаго собора. Ib.

- Послание в. кн. Василя Васильевича къ проту и инокамъ Аѳонской горы о дѣйствіяхъ митрополита Исидора и объ осужденіи его Московскимъ Соборомъ. 1441 года. Ів.
- Изустная роспись образовъ, келейныхъ книгъ, рухляди и денегъ серебряныхъ Вологодскаго архіепископа Маркелла. Ів.
- Стоворная роспись приданаго 1718 года. Изв. Имп. Археол. Общ. Т. IV. 1868.
- Мнѣніе о трудахъ П. С. Воронова. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1864 г. кн. I.
- Похвала св. Кириллу, учителю Словѣнску языку. Створено Климентомъ епископомъ Кирилло-Мееод. Сборникъ. М. 1865 г.
- Двѣ рѣчи Ириней, епископа Вологодскаго: 1) Ея И. Величеству, послѣ посвященія во епископа Вологодскаго; 2) предъ молебствіемъ при выборѣ судей во вновь открытое (въ 1870 г.) Вологодское Намѣстничество. Приб. къ Волог. епарх. вѣд. 1868 г. № 14.
- Отзывъ о статьѣ А. С. Полонскаго, подъ заглавіемъ: «Анадырскій Острогъ». Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1869 годъ.
- Какими приношеніями Вологжане, Устюжане, Тотмяне и нѣкоторые Вологодскіе монастыри привѣтствовали царя Алексѣя Михайловича, по случаю вѣнчанія его на царство. Приб. къ Волог. епарх. вѣд. 1870 г. № 8.
- Грамота святѣйшаго патріарха Филарета Новгородскому митрополиту Макарію о разрѣшеніи Вологодскаго архіепископа Нектарія, жившаго на смирненіи въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ, 24 мая 1621. Ibid. № 16.
- Наказная память Вологодскаго и Великопермскаго архіепископа Сильвестра. Ів. № 15.
- Слово Амвросія, епископа Вологодскаго, на бракосочетаніе Ея Высочества принцессы Анны съ его свѣтлостію кн. Антономъ Ульрихомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ и Люнебургскимъ. Ів. № 14.
- Мысли Инокентія, архіепископа Херсонскаго, о Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ. Утро. М. 1868 г.
- Записка о Кіевскомъ митрополитѣ Евгеніѣ. Ів.
- Письмо архіепископа Макарія, Алтайскаго миссіонера, къ А. С. Норову. Ів.
- О Зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и Пермской азбукѣ, избобрѣтенной св. Стефаномъ. Труды Перваго Археолог. Съѣзда въ Москвѣ. II. 1871 г.
- Есть сообщенія въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, въ Духѣ Христіанина, въ Странникѣ, въ Русскомъ Архивѣ, въ Русской Старинѣ.

ХРИСТОМАТІЯ ПО ІСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА, М. Ф. ВЛАДИ- МІРСКАГО-БУДАНОВА.

Академика Н. И. Срезневскаго.

Этотъ почтенный трудъ выходитъ частями во Временникъ Демидовскаго юридическаго лица. Преобразование Ярославскаго лица такъ недавно, а трудности при исполненіи научныхъ предпріятій вездѣ у насъ такъ велики, что въ продолженіе еще многихъ лѣтъ можно было не ожидать никакого внѣшняго общепользнаго знака научной дѣятельности профессоровъ лица. Не такъ однако вышло. Въ началѣ 1871 года Совѣтъ лица постановилъ просить разрѣшенія начальства на изданіе Временника, въ апрѣлѣ получилъ позволеніе, и немедленно приступилъ къ дѣлу. Теперь уже издано двѣ книги Временника, каждая почти по 30 печатныхъ листовъ. Въ каждой, кромѣ извлеченій изъ протоколовъ и другихъ дѣловыхъ сообщеній, помѣщаются небольшіе и большіе труды и изслѣдованія по частямъ такъ, что по допечатаніи составятъ особыя книги. Такъ печатаются: Энциклопедія права П. Л. Карасевича, Критическій обзоръ ученія о раздѣленіи властей Н. И. Ворошилова, Исторія права М. И. Капустина. Такъ печатается во Временникѣ и Христоматія по Исторіи Русскаго права М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

Цѣль этого сборника очевидна. За желаніе облегчить посредствомъ его изученіе Исторіи Русскаго права поблагодарятъ не одни студенты лица и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается этотъ предметъ, но и многіе другіе, молодые и не молодые изслѣдователи Русскаго права. Книга этого содержанія можетъ быть очень пригодна даже для того, кто владѣетъ большою бібліотекою по Русской исторіи и письменности.

Издание Христоматіи только начато, отпечатанъ и выпущенъ 1-й выпускъ, 14 листовъ съ небольшимъ; но судя по этому началу, нельзя не ожидать отъ труда г. Владимірскаго - Буданова книги очень замѣчательной.

Всѣхъ выпусковъ предполагается три: 1-й обнимаетъ собою законодательство земскаго періода (до 2-й половины XV вѣка); 2-й законодательство государства Московскаго въ связи съ законодательствомъ Западно-Русскимъ (со 2-й половины XV до конца XVII вѣка); 3-й законодательство періода Имперіи. Само собою разумѣется, что важнѣйшіе памятники двухъ послѣднихъ періодовъ не могутъ быть изданы всѣ въ цѣломъ составѣ своемъ.

Собиратель не рѣшился впрочемъ ограничиться кругомъ памятниковъ законодательства, а нашелъ нужнымъ присоединить къ нимъ и образцы юридическихъ актовъ (договоровъ и завѣщаній). Поэтому въ 1-мъ выпускѣ далъ онъ мѣсто двумъ договорамъ Русскихъ съ Греками (911 и 945 г.), Правдѣ краткой (по Академическому списку), Правдѣ подробной (по Карамзинскому списку) и дополнительнымъ статьямъ, Договорамъ съ Нѣмцами Новгородцевъ 1195 г. и Смоленянъ 1229 г., завѣщанію Новгородскаго Кlementa, XII в., Уставной грамотѣ Двинской земли 1397 г., Псковской судной грамотѣ 1467 г., Новгородской судной грамотѣ 1471 г., Договору Новгорода съ Казиміромъ 1471 г., и двумъ уставамъ о церковныхъ судахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на нѣкоторые другіе болѣе важные памятники.

Примѣчанія собирателя состоятъ не въ однихъ этихъ указаніяхъ, а въ очень разнообразныхъ припоминаніяхъ о трудахъ, принятыхъ для объясненія памятниковъ и, что не менѣе важно, въ объясненіяхъ мѣстъ, и вообще трудныхъ для читателя, не владѣющаго древнимъ языкомъ, и особенно трудныхъ для самихъ изслѣдователей, которые поэтому и толковали ихъ различно, при чемъ нерѣдко собиратель или излагалъ свое собственное толкованіе, или приводилъ мнѣнія другихъ.

Вообще нельзя не благодарить собирателя за стараніе исполнить, какъ можно лучше, взятое имъ на себя дѣло.

ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ СЛОВЪ ИЗЪ ВЫРАЖЕНІЙ.

И. Срезневскаго.

Какъ бы ни хорошо кто владѣлъ своимъ природнымъ или чужимъ усвоеннымъ языкомъ, очень многіе изъ пріемовъ выразительности, которыми онъ можетъ пользоваться при употребленіи этого языка, не подчиняются его свободной волѣ ни на сколько: приложеніемъ своей воли въ такихъ случаяхъ онъ можетъ только портить стройность выразительности языка, и чѣмъ лучше знаетъ языкъ, тѣмъ менѣе захочетъ это дѣлать, признавая въ полнѣ силу закона преданія. Онъ пользуется по требованіямъ этого закона готовыми словами, готовыми условіями ихъ образованія и видоизмѣненія, ихъ сочетанія и сообразованія, очень многими выраженіями; можетъ все это усвоивать простымъ навыкомъ, поддерживать памятью, прилагать дѣятельность ума только чтобы управлять ею, а волю, по внушенію ума или вкуса, только для того, чтобы изъ готоваго выбирать самое пригодное. Сила закона преданія, въ дѣлѣ управленія выразительностью языка, нерѣдко даетъ себя чувствовать въ рѣчи даже отличныхъ знатоковъ также рѣзко, какъ сила моды въ умѣньи жить у знатоковъ этого умѣнья. Иные и выбирать ничего себѣ не позволяютъ; они рабски слѣдуютъ всему принимаемому другими, рабски отвергаютъ то, что отвергается другими, и доводы своего ума и воли прилагаютъ только къ оправданію своей подражательности. И такіе подражательные люди не могутъ однако не пользоваться своимъ умомъ и вкусомъ, своею свободною волею для приданія выразительности рѣчи — по необходимости, что бы только выразить то, что приходитъ

ся выразить. Какъ ни много выраженій, придуманныхъ другими и повторяемыхъ многими, можетъ задержать въ себѣ память; какъ ни наловчится кто пользоваться этимъ готовымъ запасомъ; все-таки придется ему иногда, даже и нерѣдко, не найти въ памяти ничего подходящаго къ тому, что надо выразить,—и вотъ онъ придумываетъ свое выраженіе, пусть и подражая другому готовому, но все-таки свое, и чѣмъ онъ живѣе чувствуетъ то, что надо выразить словами, тѣмъ выразить самостоятельнѣе, хотя и нисколько не нарушая закона преданія. То случится употребить слово въ томъ или другомъ видоизмѣненіи, придавъ ему особенный оттѣнокъ значенія; то случится сочетать два-три слова такъ или иначе для обозначенія того или другаго сложнаго образа; то случится даже не договорить, чтобы посредствомъ этой недоговорки придать болѣе выразительности тому, что хотѣлось высказать. Всякое удачное выраженіе можетъ запечатлѣться въ памяти слышавшихъ, можетъ быть ими повторено и не одинъ разъ, можетъ такимъ образомъ перейти въ общее достояніе и увеличить собою запасъ средствъ выразительности языка; новыя удачныя выраженія могутъ появляться тысячами; средства выразительности будутъ все болѣе расти, и повидимому все болѣе стѣснять свободу того, кто хотѣлъ бы выражаться по своему хотя сколько нибудь; но въ самомъ дѣлѣ нисколько не стѣсняютъ. Никто не въ состояніи ни подслушать всѣхъ выраженій, всѣми всюду высказанныхъ, ни запечатлѣть въ памяти всѣхъ подслушанныхъ, ни истощить своей свободной силы выразительности.

Такъ это всюду теперь; такъ всюду это было и прежде и всегда. Постоянно дѣйствуетъ въ языкѣ сила зиждущая и сила сократительная, но только подъ властью времени, уносящаго постоянно изъ языка то то, то другое, и подчиняющаго языкъ разнымъ внѣшнимъ случайностямъ.

Сила зиждущая дѣйствовала и дѣйствуетъ между прочимъ и посредствомъ обусловливанія уопредѣсленій тѣми или другими сочетаніями звуковъ; принимаемыми какъ слова; но въ кругѣ звуковъ для образованія отдѣльных словъ, ей не можетъ быть такого простора, какой представляется въ кругѣ видоизмѣненій и сочетаній словъ, въ кругѣ выраженій съ ихъ видоизмѣненіями, сокращеніями, удлинненіями и сочетаніями. Кругъ этотъ такъ великъ, что его можно считать безграничнымъ. Онъ ограниченъ не въ пространствѣ, а въ стройности, подчиняясь въ каждомъ языкѣ особеннымъ свойствамъ его строя. Время постепенно измѣняетъ

строй языка; сила зиждущая примѣняется и къ этимъ измѣненіямъ, но все таки творить.

Сила сохранныйная помогаетъ сберечь все создаваемое въ возможно цѣльномъ, стройномъ видѣ; но время со всѣмъ, что съ нимъ дѣйствуетъ за одно, мѣшаетъ ей сберечь все въ языкѣ такъ, какъ создалось, мѣшаетъ такъ же въ частностяхъ, какъ въ соблюденіи неподвижнымъ общаго строя языка, и потому сберегается многое не такимъ, какимъ было прежде, и вмѣстѣ не такимъ, какимъ было бы, если бы создано было позже,—извнѣ безжизненнымъ, окаменѣлымъ, нерѣдко и по внутреннему значенію измѣненнымъ, даже менѣе или болѣе непонятнымъ. Отъ каждаго времени прожитаго языкомъ сохраняются вмѣстѣ съ стройными созданіями зиждительной силы и такіе нестройные остатки; зиждительная сила пользуется и ими, какъ веществомъ пригоднымъ и изъ того, что лишилось стройности, творить стройное,—и все творить, слагаетъ слова, образовываетъ выраженія.

Въ сложеніи словъ и въ образованіи выраженій всего болѣе, всего разнообразіе, выказывается зиждительная сила каждаго языка всегда готовая создать въ немъ словный образъ для отънесенія образа мысленнаго.

Разсматривая языкъ въ его постепенномъ видоизмѣненіи, все болѣе должны мы убѣждаться въ необходимости изслѣдовать выразительность языка со стороны условій образованія выраженій и произведенія словъ изъ выраженій. Считаю нелишнимъ остановиться на этой сторонѣ строя нашего языка *).

Выраженіе въ большей части случаевъ есть связь словъ, соединенныхъ въ одно цѣлое по требованію мысли и грамматическаго строя языка; такъ на примѣръ: добро пожаловать, вѣкъ вѣковать, удаый добрый молодецъ, красная дѣвица, милостивый государь, по добру по здорову, что за статья, ума палата, ни капли, безъ сомнѣнія, на худой конецъ, подъ спудомъ, и пр.

Выраженія могутъ быть очень различнаго состава: могутъ быть глагольныя, прилагательныя, существительныя, числительныя, мѣстоименныя, беспредложныя и предложныя, положительныя и отрицательныя, самостоятельныя и несамостоятельныя, входящія какъ части въ другія выраженія и пр. Вотъ по нѣскольку примѣровъ для

*) Можетъ быть, и не совершенно пригодно называть эти связи словъ выраженіями; можетъ быть, можно найти другое слово, удобно замѣняющее слово выраженіе въ этомъ случаѣ: употребляю его по старой привычкѣ.

нѣкоторыхъ изъ видовъ выраженій: — *Глагольная*: дѣло дѣлать, воду толочь, съ молотка продавать, сидѣма (или сиднемъ) сидѣть, челомъ бить, кишма кишить, само собою разумѣется, раздумье взяло, ни дать ни взять, не вѣсть что, куда не шло. *Прилагательная*: радъ радешенекъ, день деньской, тѣма тѣмущая, милый другъ, на выдумки торовать, ни живъ ни мертвъ, ни сиво ни буро. *Существительная*: вѣки вѣковъ, хотъ разокъ, ни зги, ни кола ни двора ни свѣтъ ни заря, ни рыба ни мясо. *Числительная*: дважды два, три сотни, обѣ стороны, ни одинъ ни другой. *Местоименная*: своя воля, наше дѣло, что за стать, ни то ни се, не свой братъ. *Предложная*: безъ ума, безъ сомнѣнія, безъ году недѣля, въ упоръ, въ припрыжку, на тощакъ—на тощахъ, на худой конецъ, по доброй волѣ, подъ спудомъ, подъ старость, при людяхъ, при случаѣ, про межъ двухъ огней, про себя, про запасъ, съ радости, съ проста ума, не въ бровь а въ глазъ, не подъ силу, ни за что на свѣтѣ, ни по чемъ, не по мнѣ, не къ чему, не для чего.

Многія выраженія сохраняютъ постоянно одно значеніе; многія другія, отходя отъ своего перваго значенія, принимаютъ иное, иногда очень отличное отъ перваго, какъ напр.: умирать со смѣху, по ниточкѣ ходить, по ниточкѣ разбирать, биться объ закладъ, спустя рукава, кровь съ молокомъ, божья коровка, божья травка, райская птичка, англійская соль, желтый домъ, то ли дѣло, на перерывъ, ни за что, и пр.

Многія выраженія одинаково употребляются въ рѣчи всегда безъ всякой перемѣны, какъ напр.: не могу знать, не вѣсть что, куда не шло, того и гляди, на босую ногу, ни макова зерна, чѣмъ свѣтъ, и пр.; многія другія измѣняются по надобности, какъ напр.: помянуть и помянуть лихомъ, не помяните лихомъ, кто лихомъ помянетъ тому глазъ вонъ, зиму зимовать, зиму зимуемъ, зиму зазимовали, силы хватило, силы хватить, чужая сторона, на чужой сторонѣ, за границу ѣхать, за границей жить, другъ друга, другъ другу, другъ съ другомъ, другъ о другѣ и пр.

Многія выраженія, чѣмъ долѣе и болѣе употребляются, тѣмъ легче стягиваются въ одно какъ будто нераздѣлимое слово или даже и теряютъ свою первоначальную стройность, такъ что и принимать ихъ нельзя иначе какъ нераздѣльные слова. Такъ спасибо вм. спаси Богъ, завтра вм. завтра, дѣскать вм. дѣсть или дѣяль сказать, намедни = ономедни = ономнясь вмѣсто ономъ дни, теперь = топерь = таперь вм. то перво, двадцать вм. двадесята, послѣ

вм. по слѣди = по слѣду, подлѣ вм. по долѣ (по длинѣ), взалъ вм. въ забылъ (въ самомъ дѣлѣ), и пр.

Подравнивая по значенію выраженія, составленныя изъ двухъ и болѣе словъ, съ одиночными словами, находимъ, что и очень многія одиночныя слова въ той или другой формѣ, получая въ живой рѣчи особенный оттѣнокъ значенія, употребляются какъ особенныя выраженія, болѣею частію добавочныя, объяснительныя. Таковы напр.: знать, годится, бываетъ (особенно въ смыслѣ можетъ быть, вѣроятно), кажись, кажется, казалось, вѣстимо, опрометью, осенью, босикомъ, верхомъ, куда (мнѣ, тебѣ, ему, ей и пр.).

И эти одиночныя слова—выраженія, могутъ такъ же утрачивать свою первоначальную стройность, искалѣчиваться, какъ на пр.: дѣ вм. дѣетъ или дѣялѣ, молъ вм. молвилъ или молвитѣ, вишь вм. видишь, вѣдъ вм. вѣди, вѣдай, слышь вм. слышишь, чай вм. чаю (надѣюсь, думаю), съ вм. сударь (въ зват. падежѣ), вчера вм. веча, и пр.

Многія изъ выраженій, не только искалѣченныхъ временемъ но и стройныхъ, не только однословныхъ, но и составленныхъ изъ двухъ и болѣе словъ, многими считаются нераздѣлимыми словами и ставятся въ разряды словъ неизмѣняемыхъ, особенно нарѣчій. Можетъ ли не можетъ это допустить строгая наука, разбирать это теперь неумѣстно.

Всякаго рода выраженія—неизмѣняемыя и измѣняемыя, многословныя и однословныя, удержавшія и недержавшія стройность—годны для образованія словъ. Иныя выраженія употреблялись и употребляются всѣми тамъ, гдѣ бы можно было ожидать словъ изъ нихъ образованныхъ, каковы на пр.: кровать слоновыхъ костей, подворотина рыбій зубъ, туръ золотые рога; но обыкновенно выраженія передѣлываются въ слова. Такія слова могутъ быть распредѣлены на отдѣлы различно. Имѣя въ виду указать ихъ главныя количества, распредѣляю ихъ по частямъ рѣчи.

Слова, составленныя изъ глагольныхъ выраженій, могутъ быть вообще распредѣлены на два отдѣла: въ однѣ преобразовались глаголы съ приложеніемъ словъ качественныхъ: красно баять—краснобай, скоро говорить—скороговорка, скоро постигнуть—скоропостижный, скоро спѣть—скороспѣлый; въ другихъ слились глаголы съ существительными: брать крохи—крохоборъ, валить сѣно—

сѣновалъ, валять сукно — сукновальня, лазить въ воду — водолазъ, летать зимою — зимолець, родить зимою — зимородъ, мѣрить глазами — глазомѣръ. Этотъ второй отдѣлъ представляетъ такое же разнообразіе какъ и глаголы въ своихъ соотношеніяхъ съ существительными, т. е. дѣйствій въ соотношеніи съ предметами, къ которымъ относится дѣйствіе; впрочемъ это разнообразіе ни сколько не отпечатывается на внѣшнемъ видѣ словъ, — и по этому не рѣдко трудно отгадать, что именно выражаетъ слово: слово вѣтрогонъ могло произойти изъ выраженій: гнать по вѣтру, гнать вѣтеръ и гнать вѣтромъ, ратоборець могло произойти изъ выраженій: бороться рать, бороться ратью, бороться съ ратью; злодѣй можетъ означать и того, кто дѣлаетъ злое, и того, кто дѣлаетъ злобно, со злостью и т. п. Вообще о словахъ происшедшихъ изъ глагольныхъ выраженій можно замѣтить, что отъ одного и того же глагола могутъ одинаково образоваться слова, въ которыхъ отношенія глагола къ именамъ будутъ различныя: отъ глагола писать происходятъ выраженія писать живо, скоро, тайно, писать иконы, лѣта, писать рукою, лѣтомъ, — и отъ нихъ одинаково образовались слова: живопись, скоропись, тайнопись, иконопись, лѣтопись, рукопись, лѣтопись; отъ выраженій убить брата, дитя, отца, убить самого себя убить смертно, на смерть одинаково образовались слова: братоубійца, дѣтоубійца, отцеубійца, самоубійца, смертоубійца. Еще нельзя не замѣтить, что въ словахъ такъ образованныхъ, глаголъ занимаетъ большею частію второе мѣсто, — и очень рѣдко первое, какъ напр.: вертопрахъ, вертошейка, вертиголовка, горицветъ, горихвостка, держидерево, держиладья, держиморда, долбоносъ, лежебокъ, ломоносъ, перекаטיפоле, плетикоса, пучеглазый, скалозубъ, скопидомъ, сорвиголова, трясогузка, устеликамень, устелиполе (раст.).

Къ числу рѣдкостей, сюда относящихся, надо поставить слово немогузнайка отъ выраженія не могу знать, *незабудка* отъ выраженія не забудь (*Vergissmeinicht*).

Словъ, образованныхъ изъ выраженій, которыя состоятъ съ помощію прилагательныхъ, почти такъ же много, какъ и отглагольных. Эти выраженія большею частію состоятъ такъ, что прилагательное занимаетъ въ нихъ первое мѣсто, а существительное ставится за нимъ; такъ остается и въ словахъ, образуемыхъ изъ такихъ выраженій. Изъ выраженій: бѣлый усъ, вислое ухо, вольная дума, весь миръ, весь свѣтъ, голый ледъ, долгая рука, долгій носъ, доброе сердце, косая гора, красное перо, молодая жена,

острый хвостъ, рыжій волосъ, сѣдая борода, царь (т. е. царевъ) дворъ, частый колъ, широкая лапа, произошли слова: бѣлоусъ, вислоухъ, вольнодумъ, всемирный, всесвѣтлый, гололедица, долгорукий, долгоносый, добросердъ, носогоръ, красноперъ, молодоженъ, острохвость, рыжеволосый, сѣдобородый, передворецъ, частоколъ, широколапъ, и пр. Одни изъ такихъ словъ получаютъ видъ и значеніе существительныхъ, какъ косогоръ, молодоженъ, частоколъ, передворецъ, гостинодворецъ, дикобразъ, разноцвѣтъ, простолюдинъ, старовѣръ, суевѣръ, чернобыль, черносливъ, черноризецъ, чернокленъ, черноземъ, долгошейка, желтобрюшка, красноперка, кривошей; сивоворонка, и пр. Сравнительно очень многія, хотя и могутъ употребляться, какъ существительныя муж. рода (какъ бѣлоусъ, вислоухъ, желтопузъ, острохвость и пр.), но такъ же, какъ и всякое одночленное прилагательное, какъ прозвище, или получаютъ видъ существительныхъ сред. рода на *іе*, но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются и какъ прилагательныя двучленные, иногда только въ одной этой прилагательной формѣ. Одни изъ нихъ существуютъ вмѣстѣ съ существительными на *іе*: добросердый, жестокосердый, косоглазый, крутобережій, ласкосердый, милосердый, мягкосердый, плосконосый, разношерстный, смиренномудрый, толстокожій, узкогорлый — съ существительными: добросердіе, жестокосердіе, косоглазіе, крутобережіе, милосердіе, смиренномудріе и пр.; благовѣрный, благообразный, великолѣпный, высокородный, добродушный, долголѣтній, жестоко нравный, легковѣрный, мелководный, многобрачный, многолюдный, остроумный, полнокровный, правовѣрный, прямодушный, разнообразный, суевѣрный, тщеславный, и пр. — съ существительными: благовѣріе, благообразіе, великолѣпіе, высокородіе, добродушіе, долголѣтіе, жестоко нравіе, легковѣріе, мелководіе, многобрачіе, многолюдіе, остроуміе, полнокровіе, правовѣріе, правосудіе, прямодушіе, разнообразіе, суевѣріе, тщеславіе и пр. И отъ этихъ, и отъ другихъ большею частію оканчивающихся на *мый*, происходятъ существительныя на *ость*. Таковы: дальновидный, дальнзоркій, достовѣрный, драгоцѣнный, малоцѣнный, кратковременный, маловажный, мелкозѣмный, миловидный, разносторонній, старобытный, чистоплодный, чужеземный и др., — съ существительными дальновидность, дальнзоркость, достовѣрность, драгоцѣнность, маловажность, миловидность, разносторонность, старобытность, чистоплотность и пр. При нѣкоторыхъ трудно ожидать существительныхъ. Таковы: бѣлокаменный, военноплѣнный, равноапостольный, твердокаменный, хлопчатобумажный и нѣк. др.

Къ числу рѣдкихъ словъ, образовавшихся изъ выраженій, составившихся изъ соединенія прилагательнаго съ существительнымъ, нельзя не отнести такихъ, каковы: тихомолкомъ, изъ выраженія тихій молкъ (ср. молчокъ), опростоволоситься изъ выраженія простой волосъ, т. е. не покрытый.

Словъ образованныхъ изъ выраженій, кои составлены изъ однихъ существительныхъ, сравнительно очень немного, какъ на перекоръ тому, что видимъ въ языкѣ Нѣмецкомъ и съ нимъ ближайше сродныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ остаются существительными: азбука, абевега, братьсестръ, браточадо, куропатва = куропатка, свистопляска, шестоперъ и еще нѣкоторыя. Другія обратились въ прилагательныя; такъ изъ выраженій: вѣки вѣковъ, земля и вода ноги козла, рыба съ перьями, хлѣбъ соль, образовались слова: вѣковѣчный, землеводный, козлоногій, рыбоперъ, хлѣбосольный—ство,—ничать; изъ выраженій видъ круга, видъ креста, видъ змія, образъ кольца, образъ круга, образъ шара образовались круговидный, крестовидный, змиевидный, кольцеобразный, кругообразный, шарообразный и пр. Нельзя не глядѣть на большую часть этихъ словъ, какъ на достояніе книжнаго языка.

Въ числѣ словъ, образованныхъ изъ выраженій, въ которыхъ соединились существительныя съ прилагательными, и существительныя съ существительными надобно отмѣтить и тѣ, гдѣ мѣсто прилагательныхъ занято числительными: — единовѣрный, единоподержавный, единоподержавный и т. п. книжные съ существительными: единовѣріе, единоподержавіе, единоподержавіе и пр.; одновесельный, одновѣрецъ, одноголазый, одногодокъ, одноподержавецъ, однокашникъ, одноколка, одноклѣтокъ, одноподержавца, одноподержавный и нѣкоторыя другія народныя, замѣнившія собою родительный падежъ выраженій: одна вѣра, одинъ глазъ, одинъ годъ, одинъ дворъ, одна каша, одно коло, одно лѣто, одинъ рядъ, одинъ цвѣтъ и пр. Сюда же слѣдуетъ отнести слова: двоюдупный, двоюдупъ, обоюдупный, обоюдупный, троекратный и т. д. Многія слова изъ образованныхъ съ числительными сохраняютъ въ нихъ и форму родительнаго падежа: двугривенный, двуличный, трехсаженный, трехсотый, четырехгранный, пятигатынный, шестистопный, семидневный, осмигѣтний, девятисмерть, девятисилъ, десятиструнный, стоножка, тысячелистникъ.

Выраженій, образованныхъ съ помощію мѣстоименій, очень много; но изъ нихъ сравнительно очень не многія поддаются подѣлу условію образованія словъ. Всего болѣе словъ образованныхъ изъ выраженій съ мѣстоименіями самъ и свой: самоваръ, самодѣльный, самокатъ, самолюбіе, самопрялка, самородка, самострѣлъ, самосудъ, самоучка, самохвалъ и пр., своевольный, своедѣльщина, своенравный, своеобычный и пр. Словъ образованныхъ изъ выраженій съ мѣстоименіями указательными значительно менѣе, каковы на пр. тодѣльный, туземецъ, селѣтокъ, онсица, нисенитница (отъ выраженія: ни се ни то), гѣтошній (отъ -гѣтось = гѣто се), зимушній (отъ зимусь = зиму сію) и еще нѣкоторые. Отъ всѣхъ другихъ произошло еще менѣе словъ и то почти исключительно странныхъ каковы напр. коѣка (невнимательный человѣкъ), ледачій (дрянной) и т. п.

Огромное количество выраженій создано и создается съ помощію предлоговъ. Каждый предлогъ можно соединить съ многими существительными и прилагательными, почти каждое существительное и многія изъ прилагательныхъ, можно подчинить одному или нѣсколькимъ предлогамъ, чтобы выразить то или другое обстоятельство. Сами по себѣ это не слова сложные, а связи словъ, хотя по привычкѣ очень многія изъ нихъ и пишутся слитно и считаются нераздѣльными сложными словами, а за тѣмъ ставятся въ разряды словъ, большею частію нарѣчій. Не стану входить въ словопреніе о томъ, въ какой степени можетъ этотъ навыкъ оправдываться языкознаніемъ и педагогіей: и кромѣ тѣхъ изъ выраженій этого рода, которыя многими принимаются за нераздѣльные слова, есть бесконечное множество такихъ, которыя никто и не рѣшится писать слитно, каковы напр.: безъ бога, безъ души, безъ конца, безъ ума, въ рукѣ, въ руку, въ дворѣ, въ дворъ, до земли=до земли, до зими, до полудня, до потопа, до ума (дойти), за городъ, за городомъ, изъ корня, изъ гѣтъ (выйти), изъ ряду (вонъ), на рѣку, на рѣкѣ, на полѣ, надъ гробомъ, дверь обо дверь, дворъ обо дворъ, по головѣ, по границѣ, по землѣ, по низу, по пудамъ, по любви, по пути, по дорогѣ, по рубежу, по гѣсу, подѣ землею, подѣ небесами, подѣ окномъ, подѣ поломъ, подѣ спудомъ, при болотѣ, при горѣ, при городѣ, при землѣ, при дорогѣ, съ боку, съ глаза, съ гѣта, межа съ межей, съ руки, у горы, у края, у гѣса, у хвоста, черезъ зерно, черезъ мѣру, черезъ плечо, черезъ полосу, и т. д. Отъ всѣхъ этихъ и многихъ подобныхъ выраженій происхо-

дять слова: безбожникъ, бездушный, безконечный, безумье, водворять, вручать, вручье (все подручное), доземный, дозимки (конецъ зимы), допруденный, допотопный, надоумить, загородный, загородье, искоренять, излѣтокъ (остарѣлый), изрядный, наполе (поля), нарѣчье (мѣсто по рѣкѣ), надгробный камень, ободверина, ободверка, ободворокъ (задній дворъ), подорожная, поголовная подать, пограничная стража, поземельный доходъ, полюбовно, полѣсье, позимовье, попутно, попутный вѣтеръ, порубежье, подземелье, поднебесье, подоконье, подполье, подспудная сила, приболотныя растенія, пригорокъ, пригородная земля, придорожникъ (растеніе), приземистый, сбочъ, сглазить, слѣтье (лѣтніе плоды), смежный край, сручное орудье, угорокъ, украина, улѣсокъ, ухвостье (конецъ), череззерница, чрезмѣрный, чересплечная перевязь, чересполосное имѣнье и пр. и пр. Такого рода словъ, образовавшихся изъ обстоятельственныхъ выраженій, правда, не такъ много, какъ самихъ выраженій, потому что не отъ всякаго выраженія можно произвести слово; но все таки ихъ столько, и въ значительной силѣ языка есть столько плодovitости къ ихъ образованію, что положить имъ границу невозможно.

Всѣ пересмотрѣнные виды словъ образовались изъ выраженій, сохраняющихся во всей своей цѣльности. Точно такъ же образуются слова и изъ выраженій потерпѣвшихъ отъ времени: отъ *снѣго* явилось *спасибать*, *поспасибать*, отъ *завтра*—*завтракъ*, *завтракать*, *завтрешній*, отъ *намедни*—*намеднишній*, отъ *теперь*—*теперешній*, отъ *вчера*—*вчерашній*. Они образуются такъ же какъ и обыкновенныя производныя слова. Такъ и слова, происшедшія изъ выраженій, состоящихъ изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, (вѣтрогонничать, добросердечный, многолюдность и пр.) суть слова производныя, но не сложныя, не самобытно сложившіяся, а происшедшія въ слѣдствіе существованія стройныхъ выраженій. Самобытно сложившіяся слова иначе слагаются.

**Памятники Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи, изда-
ваемые по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ. 1868—1874.
Шесть выпусковъ.**

Академика И. И. Срезневскаго.

Въ объяснительной книгѣ, приложенной къ только-что вышед-
шему выпуску этого роскошнаго изданія, на первой же страницѣ
предисловія, сказано, что шестымъ выпускомъ оканчивается изда-
ніе Памятниковъ. Можно ли считать, что въ шести изданныхъ вы-
пускахъ помѣщено все, что можно ожидать отъ такого изданія, и
не желать, чтобы оно продолжалось: это видно будетъ изъ слѣ-
дующихъ замѣтокъ.

Изданіе началось въ 1868 году, когда вышли разомъ четыре
выпуска въ двухъ тетрадахъ; въ 1870 году оконченъ выпускъ пя-
тый; въ 1874 г. шестой. По внѣшнему и внутреннему исполненію
изданіе рѣзко дѣлится на двѣ половины: къ первой принадлежатъ
первые четыре выпуска, ко второй—два остальныхъ. Въ первой по-
ловинѣ и рисовка и отпечатаніе довольно просты, и объясненія,
приложенныя къ чертежамъ и рисункамъ въ ту же листовую вели-
чину, не только кратки, но и не предполагаютъ научной предвари-
тельной работы. Во второй половинѣ всѣ рисунки исполнены хро-
молитографически, богато и красиво, и къ двумъ выпускамъ рисун-
ковъ и чертежей приложены двѣ книги, гдѣ находятся не только
отчетливыя описанія чертежей и рисунковъ, но и разныя изслѣ-
дованія и наблюденія, важныя для археологовъ и филологовъ. Какъ
ни различны впрочемъ по исполненію двѣ половины изданія, въ
каждомъ изъ выпусковъ есть на чемъ остановиться изслѣдователю.

Первый выпускъ посвященъ *Владимиру Волинскому*. Въ немъ
имѣемъ съ описаніями: планъ города, видъ развалинъ Мстислав-
скаго собора, видъ остатковъ фрескъ, уцѣлѣвшихъ въ алтарной ча-
сти этого собора, видъ и планъ Зимнянской церкви (въ 57 верстахъ

отъ города) и планъ пещеръ, вырытыхъ подъ нею, видъ Васильевской церкви, снимокъ съ надписи нарѣзанной на плитѣ, вдѣланной въ стѣну церкви (снимокъ очень вѣрный), и видъ бѣднаго нынѣшняго собора.

Второй выпускъ знакомить съ городомъ *Лукомъ*: планъ, видъ замка Любарта, видъ развалинъ Дмитріевской церкви, планъ и снимки съ остатковъ фрескъ, видъ и планъ Крестовоздвиженской церкви и проч.

Третій выпускъ знакомить съ городомъ *Острогомъ*: планъ города, видъ развалинъ замковой Богоявленской церкви, видъ соборной (деревянной) церкви и пр.

Четвертый выпускъ заключаетъ въ себѣ планъ и рисунки города *Овруча*. Тутъ между прочимъ помѣщены: видъ развалинъ и остатковъ фрескъ Васильевской церкви, видъ Заручаевской церкви, (небольшаго зданія, въ которомъ подъ одною кровлею и сама церковь и жилище священника съ кухней, отдѣленной отъ алтаря только запертою дверью), видъ холма, называемаго могилой Олега, и видъ нагорнаго берега Уши, гдѣ будто бы были Ольгины бани (въ объяснительномъ листѣ передано между прочимъ и кое-что невѣроятное).

Пятый и шестой выпуски знакомятъ съ г. *Вильною* — посредствомъ тридцати шести листовъ рисунковъ и чертежей. Здѣсь кромѣ всего другаго, занимательнаго для всякаго образованнаго наблюдателя, находимъ три плана Вильны — нынѣшній, XVI столѣтія и первой половины XIV столѣтія, видъ Пятницкой церкви до перестройки: до 1865 г. и въ 1807 г., видъ и планъ Пречистенскаго собора въ 1601 году и въ 1864 г. передъ возобновленіемъ, образъ Божіей Матери Одигитріи, вывезенный царевной Еленой, образъ Остробрамской Богородицы, видъ развалинъ Спасской церкви, виды и планъ развалинъ дворца и замка литовскихъ великихъ князей, рисунки плащаницы и креста XV в., сакоса и креста XVI в., хранящихся въ Николаевскомъ соборѣ, рисунки чаши XVI в. и креста XVII в., хранящихся въ ризницѣ Свято-Духовскаго монастыря, снимки съ разныхъ рукописей, хранящихся въ Виленской публичной библіотекѣ и частію въ другихъ мѣстахъ (съ Туровскаго евангелія XI в., съ Мстижскаго евангелія XIV в., съ 2-го Туровскаго евангелія XV в., съ Николаевского евангелія XVI в., съ Супрасльскаго суботника, съ разныхъ старыхъ плитъ, съ разныхъ старопечатныхъ книгъ, съ письма св. Дмитрія Ростовскаго и другихъ). Кромѣ этого тутъ же есть видъ Лидскаго замка XIV в., видъ и

планъ Малоомежейковской церкви XV в. и видъ развалинъ замка въ Трокахъ.

Въ двухъ книгахъ, приложенныхъ къ послѣднимъ двумъ выпускамъ, вообще очень важныхъ по своему содержанію, помѣщенъ «Очеркъ исторіи города Вильны», написанный нашимъ даровитымъ и строго-ученымъ историкомъ, В. Г. Васильевскимъ, — трудъ большой по объему, самостоятельный и увлекательный по изложенію, важный по соображеніямъ и подробностямъ для всякаго, изучающаго по источникамъ и первичнымъ пособиямъ исторію Россіи.

Итакъ въ шести выпускахъ Памятниковъ заключаются матеріалы для изученія пяти, пожалуй даже семи городовъ Западной Россіи, и только. Развѣ этимъ можетъ ограничиться изданіе, которому дано названіе Памятниковъ русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи? Развѣ не гораздо болѣе того, что сдѣлалось извѣстно посредствомъ этого изданія, остается въ Западныхъ губерніяхъ неизвѣстнымъ? Безъ сомнѣнія, если у издателя нѣтъ ничего болѣе, если для продолженія изданія надобно вновь путешествовать, искать памятники, срисовывать и т. д., то изданіе это кончено; но какъ-то не вѣрится, чтобы любитель древности и старины могъ во время путешествія останавливаться только въ семи городахъ.

Еслибы впрочемъ и надобно было по необходимости остановиться только на тѣхъ памятникахъ, которые отмѣчены въ изданныхъ шести выпускахъ, то нельзя не желать, чтобы и на нѣкоторые изъ тѣхъ, которые обратили на себя вниманіе въ первыхъ четырехъ выпускахъ, обращено было вниманіе вновь: при видахъ нѣкоторыхъ важныхъ храмовъ нѣтъ плановъ, описанія ихъ очень кратки и т. д. Къ тому же можно бы желать, чтобы по образцу Очерка исторіи Вильны были сдѣланы очерки исторіи и другихъ городовъ. Для этого уже есть много и изданныхъ источниковъ. Особенно важенъ могъ бы быть очеркъ исторіи Владимира Волынскаго и Трокъ.

Какъ бы однако ни случилось, нельзя не высказать слова признательности П. Н. Батушкову за трудъ, имъ предпринятый и въ послѣднихъ двухъ выпускахъ прекрасно поведенный. Останавливаясь на этихъ двухъ послѣднихъ выпускахъ, не могу конечно не цѣнить превосходно исполненныхъ изображеній многихъ изъ драгоценныхъ памятниковъ, но не обинуясь скажу: еслибы эти самыя изображенія явились безъ такого объяснительнаго текста, какой къ нимъ приложенъ, то эти превосходныя изображенія потеряли бы

то значеніе, какое онѣ получили какъ приложенія къ тексту, благодаря прекрасно обдуманному плану изложенія этого текста. Со временемъ, вѣроятно, кто-нибудь и воспользуется этимъ роскошнымъ изданіемъ, чтобы сдѣлать болѣе доступное изданіе Западно-Русскихъ древностей и старины съ изображеніями, вырѣзанными на деревѣ и вставленными въ страницы описанія.

Кстати напомнить о другомъ подобномъ изданіи. Въ 1867 году появилась большая тетрадь въ листъ, подъ названіемъ «Замѣчательности Сѣверо-Западнаго Края. Отдѣленіе 1»: 12 листовъ рисунковъ и 1 листъ подъ названіемъ Предисловія. Пять листовъ занято рисунками развалинъ и остатковъ Коложскаго монастыря; одинъ листъ рисунками Полотскаго храма Спасителя; четыре листа рисунками Супрасльскаго монастыря и собора; одинъ листъ изображеніемъ мѣднаго колокола и надписей на немъ, 1420 года, и древней панагии. Въ предисловіи между прочимъ не мало мѣста дано очень умному описанію остатковъ Коложскаго монастыря. Явилось ли или еще явится продолженіе этого изданія?—не знаю. Если же оно прекратилось безъ конца, такъ же какъ готово прекратиться изданіе Памятниковъ, то надобно пожалѣть о судьбѣ обоихъ изданій.